

★ ЕВГЕНИЙ САРАНДИ ★



★ КРАСНЫЙ ★
ЛЕГИОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Саранди
Красный Легион

«Автор»

2026

Саранди Е. А.

Красный Легион / Е. А. Саранди — «Автор», 2026

СССР, 1985 год. Страна боготворит Красный Легион — первую команду советских сверхлюдей, чьи лица повсюду, а сила — гарантия безопасности Родины. Но за парадами скрываются лаборатории, пытки и торговля телами «прометеев», превращённых в собственность государства. Когда-то Красный Богатырь был любимцем миллионов, теперь он главный враг государства и лидер беглых мутантов. За несколько дней до ноябрьского парада он узнаёт о секретной операции КГБ «Триумф»: в сердце Москвы готовится кровавая провокация, в которой обвинят его людей. Пока КГБ и МВД готовятся к тайной войне, майор Виктория Стрелецкая идёт по следу, а из подвалов вырываются мутанты проекта МВД «Зэк-48». Город ждёт праздника, но сломленные герои готовятся к войне. Им предстоит решить, кому принадлежит их сила: государству, народу или им самим.

© Саранди Е. А., 2026

© Автор, 2026

Евгений Саранди

Красный Легион

Всё началось задолго до того, как на Красной площади появились люди, способные летать, плавить танковую броню и останавливать грузовики голыми руками. Задолго до того, как школьники стали менять на переменах вкладыши с Родиной-Матерью и Красным Богатырём, а дикторы Центрального телевидения научились произносить слово «прометей» с той особой торжественностью, с какой обычно говорили о космосе, урожае и очередной исторической победе социализма. Началось всё летом 1908 года, в сибирской тайге, где никто не ждал ни героев, ни революции, ни будущего. Там вообще редко чего-то ждали. Там жили, охотились, мерзли, хоронили детей и смотрели на небо только для того, чтобы понять, будет дождь или нет.

Утром тридцатого июня небо ответило так, что его слышали за сотни километров. Сначала над лесом прошёл ослепительно белый, слишком ровный для молнии или рассвета свет, будто небосвод на секунду разрежали и показали его изнанку, затем пришёл удар, уложивший деревья веером и разбросавший оленей по болотам. В посёлках людей сбивало с ног раньше, чем они успевали понять причину страха, стёкла вылетали из рам, земля дрожала, а над горизонтом рос столб огня. Через несколько часов дождь оставил на листьях жирные радужные разводы, похожие на нефтяные.

Официальная наука потом назовёт это Тунгусским метеоритом. Название окажется удобным, потому что метеорит — вещь понятная. Камень падает с неба, делает большую дыру, учёные его измеряют, дети читают об этом в учебнике. Мир остаётся прежним, только никакого камня не нашли.

Первая военная группа, добравшаяся до зоны поражения, обнаружила другое. Под вывороченными корнями, среди обугленной земли и расплавленного песка лежали тёмные, влажно блестящие комки вещества, которое не походило ни на металл, ни на минерал, ни на что живое. Оно было холодным даже рядом с тлеющими деревьями. Иногда оно едва заметно сокращалось, словно дышало. Один фельдшер решил проверить находку штыком, ткнул в чёрную массу и потом три ночи бодрствовал. На четвёртую выколол себе левый глаз ложкой и повторял, что теперь «они не смогут смотреть изнутри». Его связали, отправили в Иркутск и записали в рапорте нервное расстройство вследствие переутомления.

Материал собрали в стеклянные банки, опечатали сургучом и отправили в Петербург. По железной дороге он ехал почти месяц. Один конвойный умер по пути — просто лёг спать и не проснулся. Другой начал слышать голос покойной матери из деревянного ящика, где стояли банки, и попросил перевести его в другой вагон. Просьбу не удовлетворили. Государственная машина Российской империи могла быть медленной, ржавой и плохо смазанной, но если на ящике стояла печать, ящик должен был доехать. Доехал.

В Военно-медицинской академии образцам присвоили номера, составили акт приёма и занялись привычным человеческим способом знакомства с неизвестным: вещество резали, нагревали, растворяли и вводили животным. Крысы и собаки умирали одинаково быстро, зато обезьяны давали более странные результаты: у одной мышцы почти удвоились, и сердце уступило новому телу, другая несколько часов висела под потолком клетки, едва касаясь воздуха, а после падения разбила череп. Третья внешне осталась обычной, зато в ту же ночь все четверо

работавших с ней лаборантов увидели один сон — огромный лес без неба и что-то, шепчущее из-под земли.

Самое странное обнаружили случайно. Вещество активнее реагировало не на температуру, ток или химикаты, а на состояние живого организма рядом. Когда животное испытывало страх, образцы меняли структуру быстрее. Когда испытывало боль — ещё быстрее. Словно эта чёрная биоматерия не просто соприкасалась с жизнью, а прислушивалась к ней. Исследователи сформулировали это аккуратнее. «Наблюдается зависимость реактивности объекта от психофизиологического состояния биологической среды». Так было положено писать в отчёте. Писать «оно любит, когда рядом страшно» считалось ненаучным.

В 1916 году один из руководителей лаборатории написал на обороте служебной записки совсем ненаучную фразу: «Не лезьте в это говно». Через два дня он застрелился в кабинете. Записку подшили к делу, а слово «говно» подчеркнули красным карандашом как нарушение формы секретной документации. Потом пришла революция, и загадки из космоса надолго отошли на задний план. Менялись флаги, министры и люди, имевшие право ставить печати, зато сами сейфы оставались прежними. В одном из них тунгусские образцы и пролежали до тех пор, пока новые хозяева России достаточно хорошо освоили старую бюрократию и добрались до её самых дальних шкафов.

В 1923 году сотрудники ОГПУ нашли царское дело с пометкой «особой важности». Новая власть не любила многое из того, что осталось от старой, но к секретным способам убивать людей относилась без сословных предрассудков. Так появился Специальный сектор биоисследований, название было скучным, что считалось преимуществом. Скучные названия вообще отлично скрывают страшные вещи. Теперь вместо крыс использовали заключённых.

Первому ввели несколько миллилитров очищенного экстракта, он умер через четыре минуты. Второй прожил два часа. У третьего размягчились кости, и когда санитары попытались поднять его с койки, руки мужчины вытянулись под собственным весом, как мокрая резина. Четвёртый пережил ночь и к утру стал слышать разговоры за двумя кирпичными стенами. Врачи обрадовались. К полудню у него началось внутреннее кровотечение, а вечером он умер, продолжая перечислять голоса людей в соседнем корпусе. Из сотен испытуемых не выжил никто.

Проект закрыли как неэффективный: решение продиктовала плохая статистика, а сострадание в расчётах вообще не фигурировало. В архивной справке за 1927 год было написано: «Практическая ценность объекта не установлена. Дальнейший расход контингента признать нецелесообразным». Контингентом называли людей. Через двадцать лет это слово почти выйдет из употребления. Ему найдут более современную замену — «материал».

В тридцатые годы о Тунгусском материале вспомнили снова. Время располагало к экспериментам: заключённых было много, вопросов задавали мало, а любую неудачу удобно объясняли вредительством. Под Свердловском появился закрытый объект КБ-10, проходивший в документах как производственная площадка специальных сплавов, сами сплавы существовали там главным образом на бумаге, зато бетонных камер, операционных, крематория и отдельной железнодорожной ветки хватало с избытком. По этой ветке регулярно приезжали люди без обратных билетов. Проект получил название «Колосс».

На этот раз учёные не пытались просто вводить сырой экстракт. Они смешивали его с вирусными культурами, облучали, пропускали через живые ткани, выращивали на эмбриональных клетках. Из двенадцати заключённых одной из первых серий десять умерли. Двое выжили, одного назвали Громом. Он мог производить электрические разряды такой силы, что выжигал проводку в помещении, но почти не контролировал их. Когда нервничал — лампы мигали, когда злился — плавилась предохранители. Однажды чихнул и убил лаборанта, державшего металлический поднос. В акте написали: «Несоблюдение техники безопасности персоналом».

Второго назвали Молотом. Он получил чудовищную физическую силу, достаточную, чтобы поднять грузовик за передний мост. Вместе с силой его тело не получило достаточной адаптации. После каждого серьёзного усилия кости трескались, сухожилия рвались, суставы выходили из пазов. Его гипсовали, лечили и снова заставляли поднимать. Учёные были уверены, что проблема решаема. Молот был уверен только в том, что однажды они попросят поднять что-нибудь слишком тяжёлое. Он оказался прав. Но умер позже, когда уже началась война.

В июне 1941 года недостатки проекта вдруг перестали казаться такими существенными. Когда немецкие танки шли на восток, страна начала считать ресурсом всё, что способно задержать их хотя бы на час. В КБ-10 пришёл приказ расконсервировать все пригодные образцы. Так появились «Красные Титаны» — не команда в красивых костюмах и не герои плакатов, а несколько засекреченных отрядов, которых бросали туда, где нормального человека считали бы уже погибшим. Большинство прожило недолго.

Гром сторел вместе с немецким узлом связи под Вязьмой, когда выпустил заряд, который его собственное тело не смогло пережить: кожа обуглилась прямо на костях, а пальцы спеклись вокруг металлической опоры, за которую он держался в последний момент. Молот погиб, удерживая рухнувшую балку в подвале штаба, пока наружу выводили раненых. Его позвоночник сломался в трёх местах, нижняя половина тела уже не слушалась, а изо рта шла кровь, но руки ещё несколько секунд продолжали держать бетон. В военном донесении написали, что здание спасли бойцы инженерного подразделения. Фамилия Молота в донесение не попала, но были и другие.

Стальной Комиссар, Алексей Морозов, бывший токарь Уралмаша, получил то, чего учёные добивались десятилетиями: сверхсилу, чудовищную выносливость, регенерацию и тело, которое почти не боялось пуль. Он пошёл на эксперимент добровольно, потому что его отец был объявлен врагом народа, а сыну предложили удобную арифметику: либо всю жизнь доказывать, что ты не такой, как отец, либо один раз доказать это кровью.

Под Сталинградом Морозов в одиночку ворвался в немецкий штаб. В него стреляли из автоматов, потом из пулемёта, потом кто-то догадался бросить гранату. Он вышел из дыма с обгоревшей гимнастёркой и таким выражением лица, будто его отвлекли от обеда. Уже в медсанбате врачи вытащили из его тела семнадцать сплюснутых пуль: некоторые сидели под кожей, другие раскрошили мясо вокруг себя, а одну пришлось вырезать вместе с почерневшим лоскутом мышцы. Три осколка он носил ещё неделю, потому что не заметил. Солдаты начали рассказывать о нём истории, истории росли быстрее, чем позволяла секретность.

Буря, Мария Шевцова, управляла воздушными потоками и могла отбить пулю в сторону стрелявшего. Щит закрывал роты силовым полем. Молния доставлял донесения быстрее мотоцикла по дорогам, которых уже не существовало. Кулак разбивал броню руками, факел-

старший выжигал склады и колонны снабжения. Победу им, конечно, приписать было нельзя: войны вообще редко выигрывает один человек, даже если умеет ломать танки. Но в нескольких местах они сделали невозможное, а затем государство сделало невозможным упоминание о них.

После Победы страна получила миллионы официальных героев и несколько десятков тех, о ком говорить было запрещено. Это создавало административную проблему. Человек, который вчера в одиночку удерживал высоту, плохо понимает, почему сегодня ему нельзя выйти за ворота объекта без письменного разрешения капитана, который всю войну просидел в архиве. Слишком популярный сверхчеловек был не только оружием. Он был альтернативным источником власти. Поэтому Красных Титанов не награждали на Красной площади.

После войны их обследовали так же тщательно, как оружие после испытаний: боевой опыт раскладывали по графикам, брали кровь, костный мозг и биопсии, проверяли пределы регенерации. Неудобных списывали, слишком ценных прятали, СтаЛЬНОГО Комиссара официально объявили погибшим и отправили в криогенное хранилище объекта «Икар». Государство оказалось перед человеком, которого невозможно было нормально контролировать и слишком дорого терять, поэтому выбрало любимое бюрократическое решение — отложило проблему на потом.

Потом продлилось сорок лет. В пятидесятые началась новая война, в которой армии почти не стреляли друг в друга напрямую, зато обе стороны постоянно готовились однажды уничтожить планету целиком. Появились атомные бомбы, ракеты, разведывательные самолёты, подводные лодки и необходимость доказывать, что именно твой способ конца света научно прогрессивнее вражеского. Тунгусские образцы снова стали актуальны.

В 1955 году создали КБ-15. Академик Верховцев получил задачу, которую предыдущие поколения формулировали менее красиво: сделать так, чтобы человек получал изменение и при этом не умирал. Прежние препараты были молотком. Они били по организму и иногда случайно выбивали что-то полезное. Верховцев хотел получить ключ, он не успел.

После очередной серии смертей Верховцева сняли, но к этому моменту исследователи поняли главное: тунгусская материя вовсе не хранила готовые «гены огня», «полёта» или «сверхсилы». Она читала живой организм целиком — ДНК, нервную систему, гормональные реакции, устойчивые поведенческие схемы, всё то, что человек привык считать собой, — и словно задавала телу единственный вопрос: каким тебе нужно стать, чтобы наконец совпасть с тем, кем глубоко внутри ты пытаешься быть всю жизнь?

Ответ мог оказаться прекрасным — или чудовищным. Человек, помешанный на защите других, получал тело, которое трудно уничтожить. Тот, для кого свобода всегда означала движение, становился быстрее машины. Тот, кто мечтал быть услышанным, мог превратить голос в оружие. Желание согреть мир иногда рождало огонь, желание сжечь его приводило к тому же результату. Тунгусская материя не различала добро и зло и вообще не знала этих слов: она просто делала человека более совершенной версией его собственной внутренней правды.

В начале шестидесятых проект получил имя «Прометей». Название понравилось начальству. Титан украл огонь у богов и отдал людям. Здесь огонь собирались украсть у природы и передать государству, что считалось примерно тем же самым, только с правильным ведомственным подчинением.

Одним из молодых учёных проекта был Дмитрий Орлов. Позже подполье узнает его под именем Алхимик, но тогда он ещё носил белый халат, писал статьи с формулами и верил, что аморальность — это всего лишь эмоциональное слово для методов, которые дают результат. Его группа сумела связать тунгусский информационный шаблон с ретровирусным носителем. Поначалу смертность оставалась чудовищной. Приматы погибали, заключённые погибали, пациенты закрытых психиатрических больниц погибали. Но каждое тело давало данные, а данные в Советском Союзе ценились значительно выше тела.

В 1968 году опыты расширили на детей. Формулировка в документах звучала как «использование организмов с повышенной нейропластичностью». Ни слова о детях. Ни слова о детдомах. Ни слова о том, что комиссия могла приехать в пионерский лагерь, выбрать мальчика по анализу крови, а родителям потом сообщить о несчастном случае. Выживаемость выросла. Именно тогда проект подошёл к настоящему прорыву. Не к первой сверхспособности — сверхспособности существовали ещё при «Колоссе». К способности выжить без расплаты.

К началу семидесятых появился стабильный штамм «Прометей». Вместо разрушения организма он перестраивал его под новый дар: вместе с силой укреплялись кости, мышцы, связки и сердце, вместе со скоростью менялись сосуды, обмен веществ и нервная проводимость. Пирокинетик оставался невредим в собственном пламени, электрокинетик сохранял сердечный ритм даже во время мощного разряда. Тело принимало способность как естественное продолжение самого себя. С медицинской точки зрения случилось чудо — препарат делал человека сильнее, быстрее и устойчивее, обходясь без прежней мучительной платы.

Здесь проект мог превратиться в одну из величайших историй человечества, однако почти сразу обнаружилась другая проблема: здоровый сверхчеловек, способный проломить стену, плохо воспринимал слова «ты должен», особенно из уст того, кто физически удерживать его уже не мог. Стабильные носители сохраняли рассудок и потому задавали неудобные вопросы, просили увидеть родителей, отказывались от бессмысленных испытаний и требовали объяснить, почему ворота для них закрыты, один даже всерьёз предложил оформить увольнение.

Эта идея показалась руководству наиболее тревожным побочным эффектом из всех когда-либо зарегистрированных. Тогда проект изменился. Учёные перестали бороться с телом и начали бороться с человеком.

Если организм нельзя заставить страдать химически — можно причинить боль обычным способом. Если прометея нельзя удержать решёткой — можно держать его матерью, сестрой, ребёнком, чувством вины, наркотиком, страхом перед общественным позором. Можно внушить ему, что только государство способно защитить его от самого себя. Можно наказать одного на глазах у остальных. Можно превратить человеческую близость в рычаг, секс — в унижение, лечение — в награду, одиночество — в дисциплинарную меру. Можно заставить человека с пуленепробиваемой кожей бояться фотографии сестры на столе у офицера.

К началу семидесятых эта практика перестала быть импровизацией и получила скучное ведомственное название — «контур социально значимых связей». Внутри проекта говорили короче: «Гарантия». У каждого ценного носителя составлялась карта привязанностей. Родителей переселяли в квартиры, которые государство якобы выдало из заботы. Детей устраивали в хорошие школы с очень внимательными «сотрудниками сопровождения». Братьям помогали

с армией, сёстрам — с институтом, супругам — с работой и лечением. Затем человеку показывали, сколько именно дверей открывается для его семьи благодаря лояльности. И сколько дверей может закрыться.

Самое важное состояло в том, что поводок не держал один человек. Родственников распределяли между разными подразделениями, адреса меняли, а местным группам выдавали запечатанные распоряжения на случай «утраты управляемости актива». Оперативный куратор обязан был регулярно отправлять код отмены. Если код не приходил, никто не ждал объяснений из Москвы: в другом городе другой офицер просто переходил к следующему пункту инструкции. Поэтому убить куратора было не способом освободиться, а способом лишить близких последнего человека, который ещё мог успеть отменить приказ.

Позже к «Гарантии» добавили Коллектива. Аркадий Жуков умел не только соединять сознания. На глубокой связи он перехватывал добровольное движение: человек оставался внутри собственного тела, видел собственными глазами, слышал собственный голос — и не решал, куда идут его руки. Для Ласточки скорость не давала преимущества: Аркадий чувствовал намерение раньше, чем нервный импульс успевал стать движением. Для Родины-Матери сверхсила означала только, что захваченное тело способно причинить близкому человеку больше вреда. В служебных инструкциях это называлось «моторной коррекцией». Среди легионеров — «чужими руками».

И главное — можно каждый раз объяснять, что всё это делается ради безопасности.

Так вокруг «Прометей» выросло настоящее государство внутри государства. «Прометей-Альфа» под Москвой занимался исследованиями и элитным отбором. «Гамма» под Свердловском перерабатывала тех, кого было не жалко официально. «Икар» хранил то, что было слишком ценным, чтобы уничтожить. «Асбест» — то, что было слишком опасным, чтобы выпускать. Специнтернаты поставляли новых кандидатов. Больницы лечили нужных и разбирали ненужных. Отряд «Санитары» делал работу, для которой даже секретные лаборатории предпочитали использовать отдельный вход. В глубине «Асбеста» годами находилась женщина, чьё сознание считали опаснее артиллерийского дивизиона. В документах её называли Шёпотом и старались не произносить этот позывной возле телепатической аппаратуры. Она спала под слоями бетона, ингибиторов и человеческой уверенности в том, что достаточно крепкая дверь способна решить любую проблему.

Потом появился чёрный рынок: это было неизбежно. Если государство объявляет человеческое тело ресурсом, рано или поздно кто-нибудь начинает считать его стоимостью. Кровь прометеев продавали как лекарство и наркотик. Органы — как экспериментальный материал, кости — как сырьё или сувениры. Ингибиторы уходили налево со складов. Записи чужих воспоминаний превращались в дорогую экзотику. Некоторые партийные работники искренне возмущались коррупцией, а потом заказывали себе препарат из того же канала, потому что «это другое».

Появились и закрытые клубы для тех, кому обычной власти было недостаточно. Там сверхлюдей использовали как дорогой аттракцион и доказательство статуса. Официальные документы, разумеется, делали вид, что ничего подобного не происходит. В неофициальных сметах были строки «культурное обслуживание», «специальный персонал» и «восстановительные процедуры». Бюрократия обладала удивительным талантом превращать любое преступ-

ление в хозяйственный расход. Но в 1975 году руководство решило, что одного секретного оружия мало.

Стране требовались герои, а настоящие для этой роли подходили плохо: живой человек слишком неудобен. Нужны были понятные, фотогеничные и управляемые фигуры — такие, чтобы ребёнок мог вырезать их портрет из «Пионерской правды», рабочий видел на плакате в цехе, а иностранный военный атташе ночью просыпался в холодном поту от мысли, что русские действительно научились делать богов на конвейере. Так появился Красный Легион.

Родина-Мать стала живым государственным монументом. Валентина Руднева могла летать, выдерживать тяжёлый огонь и поднимать бронетехнику, но для миллионов людей важнее было другое: в красно-бело-золотой форме, с венком колосьев и огромными серпом и молотом она выглядела так, словно один из плакатов военного времени сошёл со стены и решил лично проверить, достаточно ли ты любишь Родину.

Красный Богатырь был другим. Михаил Добрынцев не выглядел монументом — он выглядел человеком, которого хотелось позвать, когда всё действительно плохо. Его сила зависела от веры окружающих. Чем сильнее люди были уверены, что он защитит их, тем сильнее становился он сам. Государственная пропаганда впервые в истории оказалась не метафорой боевой мощи, а её непосредственным источником. Каждый плакат делал Михаила немного сильнее, каждая детская история добавляла ему выносливости. Каждый мальчишка, уверенный, что Красный Богатырь никогда не проигрывает, фактически становился частью его брони.

Аврора управляла плазмой и улыбалась так, как её учили телевизионные режиссёры. Гранит превращал тело в живой камень и стоял на парадах там, где фотографам требовалось показать «несокрушимость советского народа». Ласточка была настолько быстрой, что могла успеть спасти человека между вспышкой выстрела и ударом пули — или убить его за тот же промежуток. Пламя управлял огнём и слишком любил свою работу. Коллектив связывал сознания людей, а при глубоком контакте мог отнять у человека право распоряжаться собственными руками и ногами. Камертон слышал то, что не должен был слышать никто.

Рядом существовали те, кого не всегда ставили в первый ряд. Икона лечила раненых так легко, будто человеческое тело было текстом, в котором она умела исправлять ошибки. Кибернетического медведя Громилу выводили перед иностранными делегациями как доказательство того, что советская инженерная мысль способна улучшить даже природу. Согласия природы в протоколах, разумеется, никто не выяснял. В первые годы Красный Легион был настоящим чудом. Потом чудеса поставили на довольствие.

Парады сменялись операциями. Официально легионеры спасали заложников, уничтожали террористов, предотвращали диверсии, ликвидировали особо опасных преступников. Неофициально они разгоняли забастовки, ловили сбежавших прометеев, запугивали свидетелей и исправляли политические ошибки людей, которым не повезло попасть в секретный приказ. Иногда они действительно спасали, иногда действительно встречали чудовищ. Мир не был устроен достаточно удобно, чтобы все противники КГБ оказались хорошими людьми. Именно это делало систему особенно прочной.

Она редко лгала полностью: брала правду, отрезала неудобные части и печатала остаток миллионным тиражом. Михаил Добрынцев верил дольше многих, вытаскивал людей из пожаров, прикрывал солдат телом, разговаривал с детьми и искренне радовался их письмам.

Именно эта искренность делала его особенно ценным для пропаганды — он действительно хотел быть хорошим человеком. Когда всё рухнуло, Стрелецкая произнесла всего два слова.

Михаил однажды нашёл под объектом Санитаров клетки, медицинские столы, контейнеры с органами и людей, которых Красный Легион раньше «спас». Он принёс доказательства своему куратору, уверенный, что обнаружил преступление отдельных сотрудников. Виктория Стрелецкая просмотрела материалы и сказала:

— Я знаю.

К тому времени один старый поводок уже исчез: мать Михаила умерла после болезни. Пока она была жива, Добрынцев мог сколько угодно называть государственную заботу заботой, но всегда знал, что её квартира, врачи и телефон находятся внутри того же контура. После похорон в его деле впервые появилась пустая строка напротив графы «социально значимая связь». Система недооценила, насколько опасен человек, у которого больше не осталось близкого, за которого можно наказать.

После этого Красный Богатырь начал понимать, кому именно он помогал все эти годы. Он сбежал. Государство ответило единственным оружием, которое могло убить его почти наверняка: перестало считать его героем. Газеты называли Михаила предателем, телевидение — психически нестабильным убийцей. Плакаты исчезли, фильмы сняли с эфира. Детям объяснили, что настоящий Красный Богатырь всегда был опасным человеком, которого партия слишком долго пыталась спасти от самого себя. Миллионы людей поверили, и Михаил начал слабеть.

Буквально, на уровне тела: мышцы Михаила теряли прежнюю мощь, раны заживали медленнее, старые травмы возвращались. Вчера народная вера делала его почти неуязвимым, а сегодня тот же народ, сам того не понимая, снимал с него броню. К 1983 году появились и другие трещины: в Норильске-16 группа прометеев подняла бунт и ушла в тайгу, затем к беглецам начали прибиваться люди из совершенно разных закрытых программ. Мария Соколова — Мороз — принесла с собой холод и ненависть. Артём Веденин, ведомственный «Стриж», умел отнимать движение у пули, машины или человеческого удара и превращать украденный импульс в собственную скорость. Бывший сапёр Виктор Мальцев, «Рубеж», ставил силовые плоскости, о которые ломались пули и броня. Выпускник авиационного института Лев Арсеньев, «Зенит», менял направление локальной гравитации. Павел Корнеев — бывший член Красного Легиона, когда-то представленный стране как «Камертон», — слышал мир через вибрацию и мог разрушать материю резонансом. Оксана Белова — «Темп» — управляла скоростью времени. Ирина Белова, «Фантом», проходила сквозь стены и исчезала вместе со всем, что удерживала в фазовом поле. Сергей Ракитин, «Урал», управлял железом и сталью. Бывшая военная связистка Лариса Чехова, «Импульс», чувствовала электрические и магнитные поля как нервную систему города. Самым опасным среди них считался химик Денис Круглов — «Распад»: он умел заставить сталь, бетон и человеческую ткань потерять внутреннюю связь и рассыпаться. Красивой подпольной армии из них так и не получилось. Они прятались, крали еду и медикаменты, спорили, иногда дрались друг с другом и понятия не имели, что делать со свободой, потому что жизнь без приказа оставалась для большинства совершенно неизученной.

Никакого общего названия они себе не дали. В бумагах КГБ проходили как «беглые носители», «утраченные активы» и «неконтролируемые прометеи», Иволгин предпочитал выражение «террористическая группа Добрынцева». Сами они чаще пользовались обычными име-

нами. Позывные оставались привычкой старых объектов и операций — удобной, когда нужно крикнуть одно слово в рацию и успеть выжить. Позже рядом с ними появился Красный Богатырь — без плакатного блеска, в старой броне, с бородой и уменьшающейся силой. Роль лидера возникла сама: однажды во время очередного спора все вдруг стали ждать, что скажет Михаил. В МВД на это смотрели с завистью, причём завидовали прежде всего полномочиям, а чужие страдания мало кого интересовали.

Генерал Родионов считал несправедливым, что КГБ распоряжается лучшим оружием страны единолично. В 1984 году его люди украли часть технологии и создали «Зэк-48» — программу превращения заключённых в сверхлюдей. Если «Прометей» был государственным заводом, «Зэк-48» оказался подпольной автомастерской, где реактивный двигатель пытались собрать из украденных деталей, проволоки и чужой ненависти. Разряд, Кислота, Камнепад, Жара, Мутант, Гробовщик, Марево, Удав — каждому обещали, что хорошая служба однажды вернёт свободу.

Дату оставили без уточнений, а над всей системой по-прежнему стояла Виктория Стрелецкая — майор КГБ, обычный человек среди богов, лишённый силы поднять танк, пережить пулю или читать мысли, но годами заставлявшая тех, кто всё это умел, ждать её разрешения перед каждым шагом. Слабости она знала точно. Григорию достаточно было показать свежую фотографию Лиды. Зое — назвать новый адрес матери. Нине — напомнить, что Виктор и Тамара Соловьёвы находятся под круглосуточным «сопровождением». Валентине — сказать, в какой школе сегодня находится её дочь Катя. Иконе — показать мать, выходящую из магазина рядом с незнакомым мужчиной в штатском. Даже у Пламени существовал человек, к которому он был привязан сильнее, чем признавал: младший брат Илья. У самого Коллектива была Вера — младшая сестра, чьё спокойное существование вне проекта зависело от его послушания. Система не искала одну идеальную цепь. Она плела сеть.

Стрелецкая видела в себе профессионала, а образ злодея считала удобной сказкой для людей, которым требуется простой виновник. В её арифметике всё складывалось без противоречий: сверхлюди без контроля способны уничтожить обычных людей, более сильное государство однажды уничтожит слабое, а несколько сломанных судеб ради безопасности миллионов превращаются из садизма в расчёт. Виктория прожила внутри этой логики достаточно долго, чтобы кровь на полях вычислений стала для неё почти невидимой.

У Виктории оставалась одна старая личная рана, которую она годами держала отдельно от работы. В 1968 году её младший брат Володя уехал в пионерский лагерь и исчез. Она искала его до тех пор, пока жизнь сама не сформулировала главный урок: закрытые двери открываются обладателям правильного удостоверения, а громкий стук лишь утомляет охрану. Виктория получила такое удостоверение, и двери одна за другой начали поддаваться, только одна всё ещё оставалась закрытой. К осени 1985 года Красному Легиону исполнилось десять лет.

Москва готовилась праздновать, на улицах развешивали портреты Родины-Матери. В типографиях печатали юбилейные буклеты, школьники репетировали приветствия. Оркестры разучивали марши. Рабочие красили ограждения на Красной площади, чтобы ржавчина не попала в телевизионный кадр. Центральное телевидение готовило многочасовую праздничную трансляцию. В партийных кабинетах спорили, кто будет стоять ближе к мавзолею. В закрытых клубах составляли списки гостей на ночные приёмы. Страна ждала праздника. В одном из управлений КГБ к тому времени уже заказали дополнительные медицинские койки.

В другом согласовали резерв мешков для тел. Кто-то напечатал таблицу, где человеческие смерти были разбиты по категориям и округлены до удобных чисел. Документ прошёл несколько кабинетов, получил подписи, печати и аккуратную красную папку. Никто из подписавших не считал себя убийцей. Они считали себя людьми, которые заранее думают о последствиях. До седьмого ноября оставалось несколько недель. Красный Легион должен был снова выйти к народу. И впервые за десять лет почти никто из тех, кто выйдет на площадь, уже не был тем человеком, которого изображал его собственный плакат.

ПРОЛОГ

1975 год. Комплекс «Прометей-Гамма». Под Свердловском.

Телевизор «Рубин» показывал американца в обтягивающем костюме, который летел над нарисованным городом и улыбался так уверенно, будто всю жизнь точно знал, где находится камера. Изображение двоилось, плёнка была третьей или четвёртой копией, переведённой с какого-то западного показа, но генерал Петров смотрел внимательно. На столе перед ним лежали фотографии людей, способных делать почти всё, что происходило на экране, только без спецэффектов, страховки и привычки спрашивать разрешение у режиссёра.

В кабинете пахло табаком, армянским коньяком и вентиляцией из соседнего лабораторного корпуса. Последняя приносила слабый запах формалина, к нему здесь привыкали за неделю. Через месяц переставали замечать. Через год, если переводили на другой объект, иногда начинали скучать. Майор Виктория Стрелецкая стояла у стены, держа руки за спиной. Ей было тридцать с небольшим, но неподвижность делала её старше. Тёмные волосы были собраны так туго, что ни одна прядь не позволяла себе существовать отдельно от причёски. Китель сидел идеально, сапоги блестели. На левой ладони, там, где большой палец переходил в запястье, белел старый шрам.

Рядом с Петровым сидел Иволгин — человек, которого официально называли консультантом по идеологическому сопровождению специальных программ. Неофициально его работа заключалась в том, чтобы объяснять начальству, как превратить что угодно в повод для гордости. Танковую аварию — в подвиг экипажа. Провал урожая — в борьбу с погодными условиями. Секретный биологический эксперимент над детьми — в будущее человечества.

У окна стоял ещё один человек — полковник Дроздов. Он почти не участвовал в разговоре и оттого казался менее значительным, чем Петров. Ошибка была естественной. Дроздов вообще предпочитал выглядеть человеком, который просто присутствует при принятии решений, пока окружающие не обнаруживали, что решения почему-то совпали с тем, чего хотел он. Перед ним лежала тонкая папка без подписи. В ней уже были предварительные расчёты стоимости будущего подразделения, нормативы потерь и список ведомств, которым ни при каких обстоятельствах нельзя было давать прямой доступ к носителям «Прометея». В верхней части списка стояло МВД.

Сейчас Иволгин смотрел на американского героя и морщился.

— Плащ непрактичный, — сказал он.

Петров оторвался от экрана.

— Что?

— Плащ. В двигатель затынет. И трусы снаружи. Наш народ такое не поймёт.

— Наш народ и не такое понимал.

— Понимал, потому что мы объясняли.

Петров фыркнул, налил себе ещё коньяка и ткнул пальцем в экран. Американец поймал падающий автомобиль. Машина смялась в его руках, но люди внутри почему-то остались живы.

— Вот это они продают, — сказал генерал. — Мечту. Человек сильный, красивый, добрый. В одиночку решает все проблемы. Никому не подчиняется, но почему-то всегда делает правильно. Буржуазная сказка.

Иволгин кивнул.

— Очень удачная буржуазная сказка.

Петров посмотрел на него тяжело.

— Я не просил оценивать буржуазию.

— Я оцениваю технологию, товарищ генерал. У них герой существует только на экране, а дети уже хотят быть похожими на него. У нас герой существует в соседнем корпусе, но дети о нём не знают. Получается, мы проигрываем людям, которые нарисовали то, что мы реально умеем делать.

Петров снова посмотрел на экран, потом на фотографии. На верхней лежала Валентина Руднева, снятая после испытания на полигоне. На фотографии она стояла среди бетонных обломков в простой серой форме, без плаща, венка и золотой отделки, которые ещё не придумали. За её спиной лежал перевернутый БТР.

— Поэтому партия хочет команду, — сказал генерал. — Публичную. Чтобы не просто в подвалах работали. Чтобы народ видел.

Стрелецкая не шевельнулась.

— Публичность увеличивает риски утечки, товарищ генерал.

— Спасибо, майор. Именно за этим тебя позвали. Я бы сам не догадался.

— Тогда я должна понимать задачу.

Петров выключил телевизор. Американец исчез, оставив на выпуклом стекле серое пятно.

— Задача простая. Из того цирка, который учёные выращивали двадцать лет, сделать подразделение. Сильное, дисциплинированное и достаточно красивое, чтобы его можно было

поставить перед камерой. Официально — герои Советского Союза нового типа. Неофициально — резерв особого назначения. Будут ловить наших беглецов, работать по террористам, ездить туда, куда обычную группу посылать дорого. Если понадобится, разгонят толпу. Если очень понадобится — войдут в чужую страну и выйдут до того, как кто-нибудь поймёт, кто это был.

Иволгин поднял палец.

— И обязательно должны нравиться детям.

Стрелецкая перевела на него взгляд.

— Зачем?

— Потому что взрослый гражданин верит газете из привычки. Ребёнок верит по-настоящему. Это гораздо ценнее.

Эта фраза покажется Виктории особенно интересной через несколько часов. Пока она просто запомнила её, Петров подвинул к ней стопку папок.

— Тридцать семь кандидатов. Десять более-менее стабильных. Из них соберёшь ядро. Руднева обязательна — наверху уже видели плёнку. Добрынцев тоже. Остальных выбирай сама. И ещё одно: командиром для публики будет Руднева. Народ любит простые картинки. Сильная женщина, Родина, мать, война, всё понятно. Но реально командовать будешь ты.

— Она знает?

— Узнает, когда потребуется.

Иволгин усмехнулся:

— Лучше, если не потребуется.

Стрелецкая взяла папки. Первая была подписана: «РУДНЕВА ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА». Вторая: «ДОБРЫНЦЕВ МИХАИЛ АНДРЕЕВИЧ». Третья: «РЯБОВА ЗОЯ ВИКТОРОВНА». Потом Никитин, Соловьёва, Волков, Жуков, Корнеев. У некоторых на обложках стояли красные полосы, у некоторых — жёлтые. На нескольких чёрным карандашом было написано «не рекомендован к публичному использованию».

— А если никто не подойдёт? — спросила Виктория.

Петров пожал плечами.

— Тогда выберешь тех, кто подойдёт лучше остальных.

— А остальные?

Генерал посмотрел на неё так, будто вопрос был странным.

— Здесь дефицит помещений, майор. Не заставляй меня объяснять хозяйственные вещи.

Стрелецкая поняла, она всегда быстро понимала. Сектор-7 находился ещё на сорок метров ниже основного лабораторного комплекса. Лифт опускался туда почти минуту, и за это время Виктория успела прочитать первые четыре страницы досье Валентины Рудневой. Отец — фронтовик, мать — медсестра. Сталинград. Комсомол. Добровольное участие в программе взрослых носителей, показатели адаптации выдающиеся. Дочь — Екатерина, 1970 года рождения, живёт у бабушки, пока мать «на длительных сборах». Возле этой строки стояла маленькая синяя отметка отдела режима: «социально значимая связь, категория А». Психологический профиль: выраженная потребность в защите слабых, высокая лояльность коллективу, склонность принимать ответственность за окружающих.

Внизу её встретил молодой инженер с круглыми очками и лицом человека, который хотел бы когда-нибудь командовать хотя бы собственной лабораторией.

— Майор Стрелецкая? Техник второго ранга Раков. Нам сказали предоставить всё содействие.

— Тогда начните с того, что перестаньте говорить «нам сказали». Кто сказал?

Техник моргнул.

— Полковник Дроздов из управления, товарищ майор.

Виктория запомнила фамилию, за бронестеклом начинался полигон. Огромный зал был разделён бетонными стенами на сектора. Где-то гудели трансформаторы, где-то работала гидравлика. В дальнем отсеке что-то тяжёлое ударило по металлу, и пол под ногами едва заметно дрогнул.

— Начнём с Рудневой, — сказала Стрелецкая.

Валентина появилась через две минуты. Высокая, широкоплечая, с русыми волосами, собранными назад. На ней была обычная тренировочная форма без знаков различия. Никакого монументального образа, никакой Родины-Матери. Просто очень сильная женщина, которой надоело, что мужчины в белых халатах каждый день проверяют, насколько она сильная.

— Майор, — сказала она и кивнула.

Не «товарищ майор». Виктория отметила это, но не поправила.

— Задачу знаете?

— Поднять платформу, перенести, поставить в квадрат.

— Выполняйте.

За стеной включилась сирена. На рельсах выехала стальная платформа с бетонными блоками. Вес — сорок две тонны. Валентина подошла, присела, взялась за край и подняла конструкцию так буднично, будто передвигала стол. Металл под её пальцами промялся, она сделала несколько шагов. И тут сверху сорвалась лампа. Мелочь. Обычный промышленный

светильник, килограммов двадцать. Он падал прямо на техника, стоявшего у пульта. Раков замер, хотя до него было метра четыре. Валентина бросила платформу. Сорок две тонны рухнули на бетон, зал содрогнулся. Руднева оказалась возле техника раньше лампы, поймала светильник одной рукой и осторожно положила на пол.

— Целы?

Раков кивнул. Начальник испытаний начал орать из динамика:

— Руднева! Вам приказали не отпускать платформу!

Валентина посмотрела на камеру.

— Под ней никого не было.

— Приказ есть приказ!

— А человек есть человек.

Стрелецкая сделала первую запись в блокноте: «Приоритет защиты гражданских выше формальной команды. Не ломать. Перенаправлять через понятие долга». Ей ещё предстояло узнать, что через десять лет эта строка вернётся почти дословно. Затем Валентина летала, разбивала бетон и выдерживала очередь из крупнокалиберного пулемёта в специальном тире, пули плющились о её кожу и падали на пол, а сама Руднева оставалась невозмутимой. После испытания она первым делом подошла к стрелку и спросила, всё ли у него в порядке со слухом после собственного оружия.

Иволгин, наблюдавший из соседней комнаты, был в восторге.

— Вот она, — сказал он. — Родина-Мать.

Стрелецкая повернулась.

— Что?

— Имя. Образ. Родина-Мать. Дадим ей венок из колосьев. Красный плащ. Белый с золотом костюм. Что-нибудь в руки.

— Автомат.

Иволгин посмотрел на неё с почти физической болью.

— Майор, автомат есть у каждого солдата. Она должна держать символ.

— Символом трудно убивать.

— Значит, сделаем символом то, чем удобно убивать.

Так серп и молот впервые появились не на государственном гербе, а в техническом задании оружейному цеху. Следующим был Михаил Добрынцев. Стрелецкая ожидала увидеть ещё одну гору мышц. В досье стояли фотографии, где он поднимал грузовик, ломал бронеплиту и выдерживал падение с высоты. Вживую Михаил оказался крупным, но не невероятным. Высокий мужчина с простым лицом, широкими ладонями и слишком добродушной улыбкой для этого места.

— Товарищ майор, — сказал он. — Можно вопрос?

— После испытания.

— Тогда у меня будет уже два.

— Начинайте.

Первый тест оказался посредственным. Михаил поднял шесть тонн, потом восемь, на десяти заметно напрягся. По документам должен был поднимать в три раза больше.

— Препарат? — спросила Стрелецкая.

Раков покачал головой.

— Не в препарате дело. С ним всегда так. Утром может танк сдвинуть, вечером шкаф попросит помочь нести.

— Причина?

— Психогенная корреляция. Мы ещё изучаем.

Иволгин, до этого скучавший, неожиданно оживился.

— А можно людей пустить?

Раков не понял.

— Каких людей?

— Любых. Солдат. Лаборантов. Только скажите им заранее, что сейчас выйдет самый сильный человек Советского Союза.

Стрелецкая посмотрела на Иволгина. Тот улыбнулся. Через пятнадцать минут на маленькую наблюдательную трибуну согнали два десятка срочников. Им показали короткую плёнку с лучшими испытаниями Добрынцева. Иволгин сам вышел перед ними и, не имея ещё официального имени, представил Михаила как «советского богатыря новой эпохи». Солдаты сначала хмыкали. Потом увидели, как Михаил поднял пятнадцать тонн. Перестали хмыкать. На двадцати кто-то тихо сказал: «Ни хрена себе». На двадцати пяти начали аплодировать.

Михаил будто вырос прямо у них на глазах. Плечи расправились, движения стали легче. Он подошёл к испытательной бронеплите, которую час назад не смог пробить полностью, и

ударил. Стальной лист выгнулся наружу, крепления вырвало из бетонной рамы. Плита пролетела несколько метров и врезалась в стену. В помещении стало тихо.

— Ещё раз, — сказала Стрелецкая.

Ему дали более тяжёлую плиту, Иволгин попросил солдат скандировать. Они начали нестройно, смеясь:

— Бо-га-тырь! Бо-га-тырь!

На третьем повторе Михаил улыбнулся, на пятом расколол плиту. Стрелецкая почувствовала то редкое состояние, которое у неё заменяло удивление.

— Он зависит от свидетелей.

Раков кивнул.

— От отношения свидетелей. Если вокруг считают его слабым, показатели падают. Если уверены, что он герой, — растут. Мы проверяли внушением, ложными результатами, групповой реакцией. Всё подтверждается.

Иволгин смотрел на Михаила так, как бухгалтер смотрит на только что найденный источник бесплатного сырья.

— Плакаты, — сказал он.

— Что?

— Газеты. Радио. Кино. Детские книги. Если эта штука работает через веру, мы можем производить ему силу типографским способом.

Стрелецкая медленно перевела взгляд на него.

— И забирать тем же способом.

Иволгин улыбнулся ещё шире.

— Вот поэтому, майор, вы занимаетесь безопасностью, а я — культурой.

После испытания Михаил всё-таки задал свои вопросы.

— Первый: солдаты настоящие?

— Настоящие.

— Хорошо. Второй: а что будет с теми, кого не возьмут?

Стрелецкая чуть задержала ответ.

— Их распределят по другим направлениям программы.

Михаил кивнул, ему этого хватило. Тогда ещё хватило. Зоя Рябова вошла на полигон уже с нанесённой пудрой. Испытания здесь были вторичны: мать ещё раньше приучила её никогда не появляться перед незнакомыми людьми «неподготовленной». Ей было чуть за двадцать, но в некоторых выражениях лица оставалось что-то детское, особенно когда она думала, что на неё не смотрят.

— Аврора, — сказал Иволгин почти сразу.

— Испытание ещё не началось, — заметила Стрелецкая.

— Мне достаточно волос.

Зоя услышала.

— А если я провалю испытание?

Иволгин пожал плечами.

— Тогда имя достанется другой.

Плазма появилась между её ладонями через секунду. В дальнем конце ангара стоял списанный танк. Зоя выбросила руку. Бело-голубой сгусток прошёл через башню, будто броня была сделана из воска. Металл раскалился, потёк, пол под машиной задымился. Техники за стеклом невольно отшатнулись, Зоя смотрела не на танк. На Иволгина.

— Имя моё, — сказала она.

Он засмеялся. Стрелецкая записала: «Высокая потребность в признании. Чувствительна к образу матери и публичной оценке». Григорий Никитин не понравился Иволгину внешне.

— Слишком рабочий, — сказал он.

— Это плохо? — спросила Виктория.

— Для плаката? Нет. Для крупного плана — нос широкий.

Григорий услышал и хмыкнул.

— Могу сузить об дверь.

Он был огромным даже до активации способности. Когда кожа и мышцы начали уплотняться, тело стало напоминать вырубленную из гранита фигуру. В него стреляли резиновыми пулями, потом настоящими. Он прошёл через кирпичную стену, потом через бетонную. После третьего испытания спросил только одно:

— Квартиру сестре правда дадут?

Стрелецкая посмотрела в его досье, Лида Никитина. Младшая сестра, медицинское училище. Очередь на жильё.

— Если вы будете полезны программе, ваша семья будет обеспечена.

Григорий кивнул. С этого момента она уже знала, как им управлять. Нина Соловьёва исчезла раньше, чем инструктор успел произнести её фамилию полностью. Потом появилась на другом конце полигона с чужим яблоком в руке.

— Это было моё, — сказал техник.

Нина откусила.

— Было.

Она была маленькой, худой и постоянно голодной. Мир вокруг неё существовал слишком медленно. Когда обычный человек делал вдох, она успевала пройти по комнате, прочитать половину листа и вернуться. На испытании Нина разоружила четверых солдат до того, как первый понял, что пистолета в руке больше нет. Потом аккуратно разложила магазины на столе и спросила, можно ли ей наконец поесть.

— Ласточка, — сказал Иволгин.

— Почему?

— Быстрая. Маленькая. Народ любит птиц.

— А если мне не нравится?

— Народ всё равно любит птиц.

Нина показала ему средний палец так быстро, что он не был уверен, видел ли это. Стрелецкая видела. Промолчала. Иван Волков вошёл в огнеупорную камеру сам, без команды. Он был красив той хищной красотой, которая нравилась фотографам и настораживала людей, привыкших смотреть в глаза. Ему поставили задачу уничтожить три мишени и не повредить две фигуры заложников. Пламя вырвалось из его рук широкой волной.

Через несколько секунд горели все пять фигур.

— Вы уничтожили заложников, — сказала Стрелецкая через переговорное устройство.

Иван пожал плечами.

— Значит, террористам не достались.

— Задача была другой.

— Зато красиво.

Иволгин впервые за день не улыбался. Стрелецкая попросила открыть камеру и вошла внутрь лично. Пол ещё дымился.

— Вы понимаете, что можете не попасть в подразделение?

Иван улыбнулся.

— Попаду.

— Почему вы так уверены?

— Потому что вам нужен человек, который сделает то, что остальные будут потом вспоминать по ночам.

Стрелецкая смотрела на него несколько секунд, он оказался умнее, чем ей хотелось. В блокноте появилась запись: «Садистические черты выражены. Высокая эффективность. Нуждается не в запугивании, а в дозированном доступе к санкционированному насилию. Никогда не позволять самостоятельно выбирать цель». Аркадий Жуков, будущий Коллектив, сначала показался противоположностью Волкова. Он почти не смотрел людям в глаза. Говорил тихо. Извинялся, когда случайно слышал лишнее. В досье отдельно значилась младшая сестра Вера — единственный близкий человек, которого Аркадий регулярно просил не втягивать в проект.

Его способность оказалась гораздо хуже формулировки «телепатическая связь». Аркадий мог соединять несколько сознаний в единую сеть, передавать ощущения и мысли, координировать группу без слов. А если уходил глубже — перехватывал моторный приоритет. Не внушал человеку желание поднять руку. Просто поднимал её вместо него.

На первой демонстрации Аркадий связал четверых солдат. Они одновременно подняли оружие, одновременно повернулись, одновременно поразили мишени. Потом инструктор неожиданно приказал одному опустить винтовку. Солдат попытался. Не смог. Его лицо изменилось, руки продолжали держать оружие, потому что Аркадий ещё не отпустил.

— Жуков, снять контроль, — сказала Стрелецкая.

Аркадий посмотрел на солдата.

— Он сопротивляется.

— Я вижу.

— Интересно, что сознательное усилие почти не влияет на моторный контур.

— Снять.

Только тогда оружие опустилось. В следующую секунду один из солдат вспомнил, как в детстве утонул его брат. Воспоминание ударило по сети. Второй увидел этот образ, третий почувствовал чужую вину, четвёртый начал плакать, сам не понимая почему. Аркадий разорвал связь и сел на пол.

— Извините, — сказал он.

Стрелецкая присела напротив.

— За что?

Аркадий помолчал.

— За память. Не за контроль. Контроль был заданием.

Ответ понравился ей меньше, чем если бы он просто испугался собственной силы.

— Чужая голова — не казарма, Жуков.

— Если от человека зависит группа, иногда казарма.

Виктория посмотрела на него внимательнее и сделала запись: «Высокая рационализация вмешательства. Способен отделять моральную оценку от выполнения функции. Перспективен как внутренний контур дисциплины. Контроль: сестра Вера + фармакология». Павла Корнеева вывели последним из основного списка.

— Камертон, — сказал Иволгин ещё до начала.

— Слишком просто, — заметил Петров, который к этому времени спустился на полигон.

— Поэтому запомнят.

Павел стоял посреди пустого сектора и смотрел в пол.

— Сколько человек за стеной? — спросила Стрелецкая.

— Девять.

Раков проверил список.

— Восемь.

Павел поднял голову.

— Девять. Один в вентиляционной шахте. Курит. Думает, что никто не знает.

Через минуту из технического люка вытащили красного от стыда электрика с сигаретой. Петров рассмеялся.

— Полезный парень.

Павел повернул голову в его сторону.

— Вы только что сказали себе, что с таким можно наконец узнать, кто таскает коньяк из вашего кабинета.

Смех оборвался.

— Он мысли читает? — спросил генерал.

— Нет, — ответил Павел. — Вы пробормотали.

— Я ничего не пробормотал.

— Для вас — нет.

Стрелецкая увидела проблему мгновенно. Человек, который слышит слишком много, рано или поздно услышит то, чего не должен.

— А сейчас? — спросила она. — Что слышите?

Павел закрыл глаза.

— В соседнем секторе кто-то плачет. Двумя этажами выше работает центрифуга. В лифте застряла монета под кнопкой. У товарища генерала учащённый пульс. У вас нормальный.

— Ещё.

Он нахмурился.

— Внизу...

Секунду молчал.

— Внизу животное.

Раков напрягся.

— Там нет животных.

Павел посмотрел на него.

— Тогда объясните ему это.

Громилу держали в отдельном ангаре. На дверь были нанесены три предупреждающих знака, два замка и табличка «Объект №7. Вход только с инженерным сопровождением». Внутри пахло машинным маслом, мокрой шерстью и металлом. Кузнец встретил комиссию сам. Геннадий Павлов был невысоким, крепким мужчиной с руками хирурга и манерами владельца дорогого автомобиля.

— Прощу, — сказал он. — Только за жёлтую линию не заходить. Он иногда путает людей с угрозами.

— Иногда? — переспросил Иволгин.

— Когда бодрствует.

В дальнем конце ангара лежал медведь — вернее, то, что государство решило от него оставить. Огромная туша была наполовину закрыта бронёй, вдоль позвоночника металл входил прямо в живую плоть, окружённый толстыми рубцами и местами ещё мокнущими швами, а на груди гидравлические цилиндры двигались вместе с дыханием, каждый раз натягивая кожу вокруг креплений. Одна передняя лапа почти полностью состояла из механизмов. Там, где сталь соединялась с костью, виднелась воспалённая красная ткань, из клапанов на спине выходил пар, пахло маслом, шерстью, гноем и старой кровью. Голова оставалась узнаваемо медвежьей, только вокруг черепа проходил стальной обруч с электродами, в нескольких местах вдавленный в кожу до постоянно незаживающих ран. Громила поднял морду, Иволгин перестал улыбаться.

— Это на парад нельзя.

Кузнец оскорбился.

— Почему?

— Дети обесрутся.

— Значит, запомнят.

Петров хохотнул, Стрелецкая смотрела на медведя. Тот смотрел на людей — не бессмысленно. Последовательно. Сначала Петров, потом Кузнец. Потом охрана, потом она.

— Он понимает речь?

— Команды, — ответил Кузнец. — Базовые конструкции. Вперёд, назад, цель, стоп, охрана. Всё остальное ему ни к чему.

Громила тихо зарычал.

— Вот видите? — Кузнец улыбнулся. — Реагирует.

— На что?

Инженер замаялся. Из боковой двери вошла девушка в белом медицинском халате. Анна Свиридова несла металлический лоток с ампулами. В досье она проходила под кодовым именем Икона — регенератор, целитель, медицинский актив особой ценности. В основной публичный состав её пока не включали: начальство ещё решало, что выгоднее — показывать народу ангела, который лечит, или держать его в подвале, где он лечит тех, кого нельзя показывать народу. Громила перестал рычать, просто сразу. Кузнец нахмурился, Анна тоже остановилась.

Медведь медленно поднялся, цепь на задней лапе натянулась. Охрана вскинула автоматы.

— Не стрелять, — сказала Стрелецкая.

Громила сделал шаг к девушке, Кузнец потянулся к пульту.

— Я его отключу.

— Руки убрали.

— Товарищ майор, это моя машина.

Виктория посмотрела на него.

— Ещё раз назовёте собственность КГБ своей — будете чинить радиоприёмники в Воркуте.

Кузнец убрал руку, Анна подошла к жёлтой линии.

— Не надо, — сказал охранник.

Она перешагнула, Громила оказался совсем рядом. Огромный. Тяжёлый. Его дыхание выходило паром между металлических пластин. На морде были старые рубцы. Один глаз живой, второй — оптический модуль с тусклым красным огоньком. Анна подняла руку — не коснулась. Просто держала ладонь перед его носом, Громила вдохнул. И лёг. В ангаре стало так тихо, что Павел Корнеев, оставшийся у двери, услышал, как у Кузнеца скрипнули зубы. Стрелецкая сделала запись. «Объект №7: выраженная реакция на Свиридову. Возможный дополнительный канал управления».

Анна заметила, что она пишет.

— Его не надо через меня управлять.

Виктория подняла глаза.

— Это решать не вам.

— А кому?

— Государству.

Анна посмотрела на медведя.

— Он про государство не знает.

— Значит, ему проще.

Это был первый разговор Стрелецкой и Иконы. Ни одна из них потом его не забудет. К вечеру кандидатов собрали в малом актовом зале. В обычной жизни там читали лекции по технике безопасности. На стене висел портрет генерального секретаря, под ним — красное полотнище с лозунгом «НАУКА СЛУЖИТ НАРОДУ». Кто-то из сотрудников приклеил

одну букву неровно, поэтому слово «служит» слегка сползло вправо. Перед сценой поставили восемь стульев.

Валентина села первой, Михаил рядом, а Зоя выбрала место ближе к проходу. Гранит долго устраивался, потому что стул был рассчитан на обычного человека и жалобно скрипел под ним. Нина вообще не села — ходила вдоль стены. Иван развалился так, будто собрание организовали в его честь. Аркадий держал руки между коленями. Павел время от времени поворачивал голову к потолку, слушая трубы. Стрелецкая вышла перед ними. Иволгин сидел в первом ряду с папкой эскизов.

— С сегодняшнего дня вы переводитесь в новое подразделение, — сказала Виктория. — Его официальное название — Красный Легион. Подразделение двойного назначения. Публичная деятельность и специальные операции. Для гражданского населения вы будете героями. Для меня — сотрудниками, выполняющими задачу.

Иван поднял руку.

— Зарплата геройская или сотрудническая?

Нина прыснула. Стрелецкая даже не посмотрела в его сторону.

— Денежное довольствие согласно категории.

— Значит, сотрудническая.

— Волков.

— Молчу.

— Командование на поле получает Руднева. Официально и фактически в рамках боевой обстановки. Общий оперативный контроль — мой. Приказы управления имеют приоритет над внутренней иерархией подразделения. Самовольное применение способностей запрещено. Контакты с прессой только по согласованию. Личные отношения с гражданскими — по уведомлению. Передвижение за пределами объектов — по разрешению. Любые попытки скрыть применение силы будут рассматриваться как нарушение режима секретности.

Михаил поднял руку уже после того, как она закончила.

— А в чём тогда публичная часть?

— Будете улыбаться.

Нина засмеялась вслух, даже Валентина едва заметно улыбнулась. Стрелецкая позволила им несколько секунд.

— Теперь имена, — сказал Иволгин и вскочил так радостно, будто наконец наступила единственная часть проекта, которую он считал настоящей. — Руднева — Родина-Мать. Это уже утверждено. Добрынец — Красный Богатырь. Рябова — Аврора. Никитин — Гранит. Соловьёва — Ласточка. Волков — Пламя. Жуков — Коллектив. Корнеев — Камертон.

Павел поднял бровь.

— Камертон?

— Коротко, понятно, красиво.

— Я не повторяю звуки.

— Народ не интересуют технические нюансы.

— Меня интересуют.

— Поэтому вы не работаете в идеологическом отделе.

Иволгин начал раскладывать эскизы, на одном Родина-Мать держала красное знамя. На другом — огромный меч. На третьем художник уже пририсовал серп и молот, причём оба были такого размера, что нормальный человек не смог бы поднять даже один. Валентина долго смотрела на рисунок.

— Это очень... буквально.

— Буквальность прекрасно читается на расстоянии, — сказал Иволгин.

— Серп неудобен в бою.

— Сделаем удобный.

— Тогда это будет не серп.

— На плакате будет серп.

Михаил наклонился к ней.

— Могли дать хлеб и соль.

— Хлебом хуже пробивать танк.

— Зато гостеприимно.

Валентина впервые за день рассмеялась по-настоящему, Стрелецкая наблюдала. И делала выводы. За следующие три недели она узнала о них больше, чем многие родственники успевали узнать за жизнь. Затем к психологам пришли люди из режима и превратили выводы в таблицу.

Григорий Никитин выполнял приказ, если считал, что от этого зависит благополучие сестры. Поэтому Лиде улучшили общежитие, ускорили очередь на жильё и сделали так, чтобы Гранит знал, кому именно за это благодарить. Зоя Рябова нуждалась в признании матери и одновременно ненавидела эту нужду. Значит, Елена Рябова становилась рычагом и наградой одновременно. У Нины Соловьёвой были родители — Виктор и Тамара. Обычные люди, жив-

шие в обычной рязанской квартире и искренне считавшие, что дочь работает в закрытом спортивном подразделении. Им поменяли окна, провели телефон и поселили в соседнем подъезде двух сотрудников наблюдения. Нина однажды спросила, зачем. Стрелецкая ответила: «Для безопасности семьи». После этого Ласточка больше никогда не спрашивала, чьей именно.

У Валентины существовал рычаг сильнее долга — пятилетняя Катя. Дочери разрешали видеть мать редко, зато каждую неделю в дело подкладывали свежую фотографию: детский сад, новая куртка, выпавший зуб, рисунок самолёта. Валентине говорили, что это забота государства о семье героя. На обороте фотографий стоял служебный штамп отдела режима. Родина-Мать никогда не спрашивала, зачем ребёнку героя нужен служебный штамп.

Мать Анны Свиридовой, Софья Андреевна, жила одна. Ей неожиданно начали бесплатно привозить дефицитные лекарства и продукты. Вместе с продуктами приходил очень вежливый капитан, который всегда спрашивал, когда Анна приедет в следующий раз. У Ивана Волкова был младший брат Илья. Пламя говорил, что ему плевать на семью, пока однажды на стол перед ним не положили фотографию Ильи у входа в институт, снятую тем же утром. Иван перестал улыбаться и выполнил приказ. Аркадию Жукову разрешили держать Веру вне программы: младшая сестра считалась «неперспективной», но её карточка всё равно лежала в сейфе рядом с его собственной. Павлу Корнееву дали акустически изолированный отсек и одновременно перевели его мать в ведомственную клинику, адрес которой Павлу не сообщали. Для Михаила Добрынцева государство заботилось о матери так демонстративно, что забота постепенно перестала отличаться от наблюдения.

Так появился контур «Гарантия». Родственников не держали в одной камере — это было бы слишком просто. Их жизнь распределяли по учреждениям, квартирам, школам, больницам и людям, которые не знали всей схемы. В каждом региональном управлении лежал свой конверт. Куратор ежедневно подтверждал отмену крайних мер. Если подтверждения не было, цепочка шла дальше без него. Легионер мог за секунду убить Стрелецкую, Иволгина и половину здания. Он не мог за секунду узнать, в каком городе сегодня находится тот, ради кого он всё ещё подчиняется.

Аркадий стал второй половиной системы. На тренировках Коллектив учился входить в знакомое сознание почти мгновенно. Один раз Нина решила проверить, успеет ли выйти из контакта скоростью. Не успела: мысль о рывке возникла раньше самого рывка, и Аркадий остановил её правую ногу ещё до того, как подошва оторвалась от пола. Для Нины прошла субъективная минута, в течение которой собственное тело оставалось неподвижной камерой.

Первым человеком, который попытался проверить угрозу всерьёз, стал резервный носитель Алексей Лаптев. После очередного наказания он сломал охраннику челюсть и потребовал отпустить отца. Отец уже сидел в соседней комнате. Стрелецкая приказала Коллективу взять моторный контроль. Аркадий взял. Лаптев остался в сознании, когда его собственная рука подняла табельный пистолет. Он кричал Аркадию остановиться. Аркадий не остановился, пока не прозвучала команда. Выстрел убил отца Лаптева.

После этого Аркадия вырвало в туалете. Потом он вернулся и подписал протокол: «Метод эффективен. Сопротивление носителя не препятствует выполнению сложной моторной команды». Через несколько месяцев он уже не уходил в туалет. Через год сам предлагал на особо важных операциях заранее держать родственников в зоне ведомственного контроля. Он объяснял себе, что один страшный пример предотвращает десятки смертей. Так люди обычно

и становятся удобными палачами: не в тот момент, когда впервые делают ужасное, а в тот, когда находят для него аккуратную формулировку.

Нина по-прежнему плохо переносила запертые пространства и бездействие. Ей выделили отдельные часы на скоростном полигоне. Когда нарушала режим — часы отменяли, бытовой поводок работал лучше, пока не требовался настоящий. Аркадию предоставили комнату с экранированными стенами, где он мог несколько часов никого не чувствовать. Комната стала привилегией, Вера — гарантией. Павел впервые за годы уснул в почти полной тишине. На следующий день Стрелецкая спокойно объяснила, что и тишина, и адрес клиники его матери зависят от дисциплины.

Пламени чаще всего ничего не требовалось обещать. Ему требовалось разрешать. Виктория быстро поняла, что Иван Волков будет лоялен любому, кто регулярно показывает пальцем на человека и говорит: «Можно». Но даже для него в сейфе лежала фотография Ильи — на случай, если однажды удовольствие перестанет совпадать с приказом. Сложнее всего были Валентина и Михаил. Валентина считала служение обязанностью, а потому Стрелецкая обычно говорила: «Если не вы — погибнут другие». Когда этого было недостаточно, существовала Катя.

Михаилу долго не требовалось даже этого, он искренне хотел спасать людей. Стрелецкой оставалось только решать, кого ему показывать в качестве тех, кого надо спасать, а кого — в качестве тех, от кого надо спасать. Так называлась её работа. В конце третьей недели один из молодых офицеров, наблюдая тренировку, сказал про Стрелецкую:

— Сокольник.

Он имел в виду, что она натаскивает сверхлюдей, как ловчих птиц: кормит, лечит, выпускает на добычу и всегда следит, чтобы птица вернулась на перчатку. Прозвище услышала Нина, через сутки его знали все. Виктория не запретила, запрещённые прозвища живут дольше. Первую совместную боевую тренировку решили провести без камер. Полигон имитировал городской квартал: несколько бетонных домов, автобус, железнодорожная платформа, манекены гражданских и группа солдат в защитном снаряжении. Задача Легиона — взять укреплённое здание, эвакуировать «заложников» и нейтрализовать условного прометея.

Условным прометеем был настоящий человек, его звали Сергей. Псевдонима ему не дали, потому что до публичной программы он не дошёл. Способность позволяла создавать короткие ударные импульсы руками. Для Легиона — слишком слабо. Для обычного человека — достаточно, чтобы раздробить грудную клетку. Сергею сказали, что это шанс попасть в резерв команды. Стрелецкой сказали, что после тренировки его переведут на медицинские исследования. Она не спросила, знает ли об этом Сергей.

Тренировка началась чисто и почти красиво: Аркадий связал группу, Нина за секунды проверила первый этаж, Григорий проломил вход, Зоя расплавила укреплённую дверь, оставив фигуры заложников целыми, Павел определил Сергея по дыханию через две стены, Валентина поднялась над макетом квартала и взяла крышу под контроль, а Михаил пошёл впереди Григория, потому что солдаты-наблюдатели верили в него сильнее любой брони. Потом случился сбой: Сергей понял правду. Источник предупреждения так и остался неизвестным — возможно, он услышал разговор, увидел носилки возле служебного выхода или просто оказался достаточно сообразительным, чтобы сложить детали самому.

Когда Ласточка вошла в помещение, он ударил импульсом по несущей стене. Бетон треснул. Нина успела уйти, но следующий удар пришёлся в колонну. Верхний этаж начал складываться.

— Выход! — приказала Стрелецкая в связь. — Объект живым!

Сергей бежал не к выходу, а к окну, за которым стояли техники. Он кричал:

— Я не в морг! Слышите?! Я не в морг!

Валентина пробила крышу сверху и вошла в здание через облако пыли. Она могла ударить Сергея так, что от него осталось бы пятно. Вместо этого схватила падающую балку, которая должна была раздавить двух солдат. Гранит подхватил другую, Аврора рассеяла плазмой кусок арматуры. Ласточка за несколько мгновений вынесла людей из опасной зоны. Михаил добрался до Сергея, тот ударил его в грудь. Добрынец пролетел через перегородку, солдаты на улице увидели это. Кто-то крикнул:

— Богатырь, вставай!

Михаил поднялся, стал сильнее. Сергей ударил снова. Михаил принял импульс, шагнул вперёд, схватил его за запястья и прижал к стене.

— Всё, — сказал он. — Всё. Я тебя не убью.

Сергей посмотрел на него так, будто слышал плохую шутку.

— Не ты.

Михаил не понял.

— Что?

— Не ты меня убьёшь.

Секунду спустя Пламя вошёл в комнату.

— Объект взят, — сказал Михаил. — Не надо.

Иван посмотрел на Сергея, потом в сторону камеры. Стрелецкая сказала в микрофон:

— Волков, отставить.

Пламя улыбнулся и опустил руку. Сергей выжил, на двадцать три минуты. После тренировки его увели Санитары. Михаил видел, как на запястья мужчине надевают ремни, и спросил Стрелецкую:

— Куда его?

— На обследование.

— Он говорил про морг.

— У него истерика.

— Можно я потом узнаю, что с ним?

Виктория посмотрела на него. В тот момент она могла сказать правду. Не всю. Хотя бы достаточно, чтобы Михаил начал задавать правильные вопросы на десять лет раньше.

— Если состояние будет представлять оперативный интерес, вам сообщат.

Он кивнул. Снова поверил. В ту же ночь Сергей оказался в морге №3. Он был ещё жив, когда санитар поставил подпись в строке «приём материала». К утру от него остались органы в промаркированных контейнерах, несколько образцов тканей и пакет личных вещей, который никто не собирался возвращать семье. Стрелецкая подписала итоговый протокол учений в 23:40. «Поставленная задача выполнена. Взаимодействие группы удовлетворительное. Необходимо дополнительная работа по дисциплине применения силы». Про Сергея в итоговом протоколе было одно слово: «списан».

Через два дня начались съёмки, Иволгин превратил полигон в киностудию. Привезли костюмеров, художников, парикмахеров, военных консультантов и человека из министерства лёгкой промышленности, который должен был решить, можно ли потом выпускать детские копии формы. Родине-Матери принесли первый комплект доспеха: красный, белый, золотой. На голову — венок из металлических колосьев. Валентина надела его, посмотрела в зеркало и сказала:

— Я похожа на памятник самой себе.

— Именно, — восторженно ответил Иволгин.

Молот сделали весом почти в триста килограммов. Для Валентины — лёгкий. Первый серп оказался плохо сбалансирован и при пробном взмахе снёс кусок декорации вместе с прожектором.

— Прекрасно, — сказал Иволгин. — Оставляем.

— Я чуть человека не убила.

— Зато в кадре великолепно.

Красному Богатырю выдали тяжёлый красный плащ и доспех, стилизованный под былинный. Михаил крутился перед зеркалом с явным удовольствием.

— Маме понравится.

— Маме нельзя рассказывать детали проекта, — напомнила Стрелецкая.

— Я про картинку.

— Картинку можно.

Когда его вывели к группе статистов-пионеров для рекламной фотографии, произошло то, чего Иволгин ждал. Дети смотрели на Михаила широко раскрытыми глазами. Один мальчик попросил согнуть железный прут, Михаил согнул. Девочка спросила, может ли он поднять машину. Он поднял автомобиль съёмочной группы за бампер. Дети закричали от восторга, Михаил засмеялся. И стал ещё сильнее. Стрелецкая наблюдала за показателями на переносном приборе. Иволгин тихо сказал:

— Видите? Нам не нужен реактор. Нам нужна любовь.

— Любовь ненадёжна.

— Зато ненависть тоже работает.

— В обратную сторону.

Они посмотрели друг на друга. Оба уже понимали, что когда-нибудь это пригодится. Зоя перед камерой была безупречна. Елена Рябова лично приехала на съёмку и десять минут спорила с гримёром о том, под каким углом дочери лучше поворачивать лицо. Зоя молчала, когда мать уходила, улыбка исчезла мгновенно. Григорий плохо знал, куда девать руки, поэтому фотограф поставил его позади остальных и попросил скрестить их на груди. Получилось настолько убедительно, что позу потом повторяли на сотнях плакатов.

Ласточку невозможно было заставить стоять неподвижно. В итоге её сфотографировали на выдержке, и вокруг тела появился лёгкий смазанный след. Иволгин объявил это художественным открытием. Иван попросил сделать фотографию с настоящим огнём. Ему разрешили, декораторы потом два часа тушили занавес. Коллектив выглядел слишком обычным, поэтому ему придумали металлический обруч на голове, который не выполнял никакой функции, зато объяснял зрителю, что человек связан с разумом. Камертон долго спорил из-за псевдонима, а затем перестал. Он уже понял, что здесь бессмысленно спорить с тем, что предназначено не для тебя.

Икону в общий кадр не поставили.

— Почему? — спросила Анна.

Иволгин ответил честно:

— Вы слишком религиозно выглядите.

— Вы сами назвали меня Иконой.

— Внутренний позывной — одно. Государственная атеистическая политика — другое.

Она рассмеялась.

— У вас даже лицемерие по инструкции.

Иволгин нисколько не обиделся.

— Именно поэтому оно работает.

Громилу решили показать позже, когда пропагандисты поймут, как объяснить народу кибернетического медведя, не вызывая массовых детских кошмаров. Кузнец предложил назвать его «Мишкой». Иволгин сказал, что за такое название лично отдаст инженера медведю без цепи. Первое публичное появление назначили на ноябрь. Не полноценную боевую операцию. Парад и показательное выступление. Без риска, насколько вообще можно употреблять выражение «без риска» рядом с восемью сверхлюдьми, несколькими тысячами зрителей и человеком, который мог за минуту превратить трибуну в крематорий.

Накануне Стрелецкая собрала Легион ночью. Они стояли в пустом зале уже в форме. Родина-Мать с серпом и молотом, Красный Богатырь в новом доспехе. Аврора с золотыми элементами на красной форме. Гранит, похожий на движущуюся стену. Ласточка, которой пришлось трижды приказать перестать ходить кругами. Пламя с выражением человека, который хотел бы, чтобы завтра что-нибудь пошло не так. Аркадий и Камертон — двое, чьи способности хуже всех сочетались с государственной тайной. Виктория смотрела на них и впервые увидела не кандидатов.

Команду. Это было опаснее. Отдельного человека можно сломать через его собственный страх. Группа способна начать делиться страхами, а потом однажды обнаружить, что у неё есть общий враг. Поэтому первое, чему Стрелецкая собиралась их научить, было не взаимодействие. Зависимость от неё.

— Завтра на площади будет много людей, — сказала она. — Они не знают ваших настоящих имён. Не знают, где вы живёте. Не знают, что вам снится. Не знают, чего вы боитесь. И знать не должны. Для них вы будете теми именами, которые вам дали. Для них Родина-Мать не бывает уставшей. Красный Богатырь не боится. Аврора не плачет. Гранит не сомневается. Ласточка никогда не опаздывает. Пламя контролирует огонь. Коллектив контролирует разум. Камертон слышит врага раньше, чем враг успевает подумать о нападении.

Павел едва заметно поморщился на последней фразе.

— А если что-то пойдёт не так? — спросил Григорий.

— Смотрите на меня.

— Вы будете на площади?

— Я буду там, где должна быть.

Михаил поднял руку, будто всё ещё сидел на школьном уроке.

— А можно просто сделать так, чтобы ничего не пошло не так?

Иван усмехнулся.

— Богатырь, ты точно не из сказки?

Михаил повернулся к нему.

— А ты точно не из уголовного дела?

Нина засмеялась первой, потом Григорий. Даже Аркадий улыбнулся, Стрелецкая сохранила серьёзное лицо. Но позволила им закончить.

— Спать, — сказала она. — Подъём в пять.

Они начали расходиться, Валентина задержалась.

— Майор.

— Да?

— Они хорошие люди.

Стрелецкая посмотрела на пустеющий коридор. Пламя как раз поджёг кончик сигареты пальцем, хотя курить в помещении было запрещено. Нина украла её у него раньше, чем он сделал первую затяжку. Григорий пытался объяснить Нине, что от курения она ещё быстрее проголодается. Михаил что-то тихо говорил Аркадию. Павел стоял немного в стороне и слушал весь комплекс.

— Некоторые, — сказала Виктория.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Валентина нахмурилась.

— Если мы делаем из них героев, надо обращаться с ними как с героями.

Стрелецкая посмотрела ей прямо в глаза.

— Нет. Если мы делаем из них героев, надо сделать так, чтобы они выполняли работу героев. Это не одно и то же.

Руднева промолчала. Ушла. Виктория осталась одна, на стене напротив висела схема эвакуации. Под ней — красный телефон. Рядом — дверь в служебный коридор, ведущий к архиву. В кармане кителя у Стрелецкой лежала маленькая фотография: мальчик лет десяти с моделью самолёта в руках, шурящий от солнца. Володя. Она носила снимок не из сентиментальности, по крайней мере, так говорила себе. Просто иногда напоминала себе, почему однажды решила никогда больше не стоять перед закрытой дверью без права её открыть.

Телефон зазвонил.

— Стрелецкая.

— Майор, Петров. Не спишь?

— Нет.

— Хорошо. Завтра чтобы без сюрпризов. На трибуне половина Политбюро. Если хоть один твой цирковой урод чихнёт не в ту сторону, у меня случится инфаркт, а тебя поставят руководить голубями на ВДНХ.

— Поняла.

— И ещё. Добрынцев. Следи особенно.

— Почему?

— Иволгин считает, что он может стать популярнее Рудневой. А Дроздов уже попросил отдельный ежемесячный отчёт по динамике его показателей.

— Это проблема?

Петров помолчал.

— Любая вещь, которую слишком сильно любит народ, рано или поздно становится проблемой для государства.

Связь оборвалась, Виктория медленно положила трубку. На следующее утро Москва была холодной, серой и идеально готовой к празднику. Красная площадь блестела после ночного дождя, на трибунах теснились приглашённые. Вдоль ограждений стояли школьники с флажками, военные колонны ждали команды. Операторы Центрального телевидения проверяли камеры. Диктор репетировал текст, в котором слово «впервые» встречалось семь раз за две минуты. Красный Легион ждал в проезде за Историческим музеем. Валентина держала молот на плече, серп висел в специальном креплении. Валентина выглядела настолько величественно, что даже охрана невольно старалась стоять ровнее.

Михаил выглядывал из-за колонны на детей.

— Они правда ради нас пришли?

— Ради праздника, — сказала Аврора.

— Значит, немного и ради нас.

Нина жевала бутерброд.

— Если будут давать конфеты, предупредите.

Гранит поправлял перчатку.

— Ты уже три съела.

— Я быстро ем.

— Ты всё быстро делаешь.

— Наконец-то кто-то понял.

Иван смотрел на кремлёвские стены.

— Интересно, сколько времени они горят.

— Волков, — раздался голос Стрелецкой в наушнике.

Иван поднял руки.

— Просто исторический интерес.

Коллектив закрыл глаза. Сеть включилась осторожно, только между членами группы. На секунду каждый почувствовал остальных: спокойную тяжесть Валентины, возбуждение Михаила, напряжённую пустоту Зои, голод Нины, тревогу Григория, удовольствие Ивана, усталость Аркадия и бесконечный поток звуков, в котором жил Павел. Потом Аркадий ослабил связь.

— Готовы, — сказал он.

В наушнике прозвучал голос Стрелецкой:

— Легион. Выход.

Они вышли, сначала толпа не поняла, что видит. Потом Родина-Мать поднялась в воздух. Красный плащ развернулся за ней, как знамя. Солнце на секунду пробилось сквозь низкие облака и ударило в золотой венок. Валентина подняла молот, площадь взорвалась криком.

Зоя выпустила в небо плазменные вспышки, складывающиеся в огромную красную звезду. Ласточка исчезла и за мгновение появилась на противоположном конце площади, оставив за собой шлейф поднятых флажков. Гранит поднял декоративную бронемашину и поставил её на постамент так легко, будто это была игрушка. Пламя создал стену огня, которая прошла по безопасному коридору и погасла ровно у самой трибуны. Аркадий синхронизировал движения группы. Камертон слышал всё: команды в наушниках, щелчки камер, детский смех, шёпот иностранных дипломатов и сердцебиение людей, впервые увидевших живых сверхлюдей.

А Михаил просто вышел к ограждению. Мальчик лет восьми протянул к нему руку.

— Красный Богатырь!

Это имя выкрикнул один ребёнок, потом другой. Потом десятки. Михаил почувствовал силу так резко, что едва не сделал шаг назад. Это было не похоже на адреналин. Скорее на то,

будто миллионы невидимых рук одновременно положили ладони ему на спину и сказали: мы знаем, что ты сможешь. Он улыбнулся — не по команде Иволгина. По-настоящему. Поднял мальчика над ограждением одной рукой, ребёнок визжал от восторга. Фотографы щёлкали затворами. В этот момент родился Красный Богатырь, которого потом будет знать вся страна. Настоящим местом его рождения стали глаза людей.

Стрелецкая наблюдала из командного пункта под трибуной. Перед ней стояли мониторы, схемы, телефоны и кнопка аварийного отключения нескольких систем. Рядом Иволгин почти плакал от счастья.

— Посмотрите на них, — сказал он. — Они верят.

Виктория смотрела на показатели Добрынцева, которые росли прямо во время трансляции.

— Вижу.

— Это же чудо.

— Это ресурс.

Иволгин повернулся к ней.

— Вы удивительно умеете портить красивые слова.

— А вы удивительно умеете красивыми словами портить вещи.

Он рассмеялся, над площадью снова пролетела Родина-Мать. Где-то глубоко под землёй, в комплексе, который никто из людей на площади не видел, Громила поднял голову на звук телевизионной трансляции. Слова диктора и гимн ничего ему не говорили, ещё меньше он понимал, почему тысячи человеческих голосов одновременно кричат от восторга. Анна сидела у решётки его ангара после ночного дежурства.

— Слышишь? — спросила она.

Медведь повернул к ней морду.

— Герои родились.

Громила тихо выдохнул через металлические клапаны. Анна посмотрела на него и добавила:

— Бедные.

На Красной площади тем временем диктор произносил слова, которые через несколько часов напечатают все центральные газеты: «Сегодня советская наука подарила народу новых защитников, чья сила отныне навсегда поставлена на службу миру, труду и будущему». Фраза была красивой, почти всё в ней было неправдой.

На площади это прошло мимо общего внимания. Люди аплодировали, дети махали флагами. Михаил становился сильнее от каждой улыбки. Родина-Мать смотрела на толпу сверху и верила, что действительно сможет защитить всех этих людей. Аврора держала лицо для камер, Григорий думал о квартире для сестры, Нина считала секунды до конца церемонии, а Пламя ждал первой настоящей операции. Коллектив чувствовал общий восторг и впервые понимал, насколько огромной может быть одна эмоция, если её разделяют тысячи. Камертон слышал в этом восторге редкие голоса тех, кто шептал, что всё происходящее выглядит страшновато.

За бетонной стеной командного пункта Виктория Стрелецкая слушала доклады с пустыми руками — без серпа, молота и любой сверхспособности. Полёт был ей недоступен, её имя толпе оставалось неизвестным, а следующий день пройдёт без единой открытки с её лицом. И всё же именно её голос менял траекторию Валентины, гасил огонь Ивана, останавливал Нину и заставлял Михаила вернуть ребёнка за ограждение ради общей фотографии. Среди богов самым незаметным человеком оказывался тот, кто решал, куда им идти.

Внизу, под площадью, Стрелецкая сделала последнюю отметку в журнале первого публичного выхода: «Управляемость подразделения — удовлетворительная». Она подчеркнула слово один раз. Через десять лет именно с управляемостью возникнут проблемы.

Москва просыпалась под стук молотков. Рабочие висели на фасадах, как тёмные запятые на огромных красных полотнищах, натягивали тросы, ругались сквозь зубы и старались не смотреть вниз. На Кутузовском проспекте двое монтажников уже двадцать минут спорили, куда деть правую руку Родины-Матери: по макету она должна была держать серп над головой, но из-за балкона третьего этажа получалось так, будто героиня собиралась отрезать жильцам антенну.

— Ещё левее, — кричал снизу бригадир. — Левее, твою мать! Серп должен читаться!

— Я сейчас сам читаться перестану, — отвечал монтажник с люльки. — Тут ветер!

— Ветер у него. Родина ждёт, а у него ветер.

На плакате Валентина Руднева улыбалась той спокойной, невозможно надёжной улыбкой, которую художники доводили до совершенства десять лет. За её спиной развевался багровый плащ, золотой венок обрамлял светлые волосы, а серп и молот были нарисованы так, будто весили не несколько сотен килограммов, а были частью её тела. Внизу шла надпись: «КРАСНЫЙ ЛЕГИОН — ДЕСЯТЬ ЛЕТ НА СТРАЖЕ МИРА». Ниже, под свежей тканью, ещё виднелся угол другого плаката. Там был мужчина в старой красно-золотой броне. Только плечо, часть подбородка и крупная буква «Б» из слова «БОГАТЫРЬ» — имени, которое вчера знала вся страна, а завтра следовало вспоминать с осторожностью.

— Закройте Добрынцева полностью, — сказал человек в сером пальто, стоявший рядом с бригадиром.

Бригадир узнал Иволгина лишь спустя мгновение. По телевизору тот появлялся редко, чаще оставался за кадром — среди людей, которые объясняли тем, кто появлялся, что именно

надо говорить. Но чиновничья привычка произносить просьбы как уже подписанные распоряжения была узнаваема без титров.

— Так ткань не хватает, товарищ...

— Значит, добавьте ткань.

— Где я её возьму?

Иволгин посмотрел на него с искренним недоумением человека, которому никогда не приходилось отвечать на этот вопрос.

— В государстве.

Он развернулся и пошёл к машине. За его спиной рабочие снова начали ругаться, а Красный Богатырь медленно исчезал под белой голенью Родины-Матери. К семи утра Красная площадь уже была заполнена людьми, которым предстояло сделать вид, что она пуста. Военные регулировщики перекрывали въезды, кинооператоры тянули кабели. Солдаты переносили деревянные щиты, обозначающие условные здания. Из кузова грузовика выгружали манекены для демонстрационной эвакуации, и один манекен выпал на брусчатку головой вниз. Пластиковый череп раскололся.

— Осторожнее, — раздражённо сказал помощник режиссёра. — У нас их по смете двадцать четыре.

Солдат поднял половину головы, заглянул внутрь и усмехнулся:

— Теперь двадцать три с половиной.

Шутка умерла без смеха. В последнее время шутки про сметы плохо работали рядом с людьми из органов. Иволгин шёл через площадь, одновременно читая папку и разговаривая по полевому телефону, который за ним тащил молодой капитан.

— Нет, формулировка «организованные антисоветские элементы» слишком старая. Это юбилей, нам нужна энергия. «Террористическое подполье». Да. Нет, «банда» не годится. Банда — это уголовники. Здесь должно быть ощущение угрозы государству. Вы понимаете разницу между хулиганом и историческим врагом? Вот и отлично.

Он прикрыл трубку ладонью и остановился у декорации мавзолея.

— Серп не видно.

Режиссёр поднял голову.

— Что?

— При заходе Родины-Матери с северной камеры серп перекрывается молотом. Получается просто женщина с молотом. Это уже не образ, а рабочая специальность.

— Она летит на скорости двести километров в час.

— Значит, пусть летит медленнее.

— Она командир боевого подразделения, а не актриса.

Иволгин посмотрел на режиссёра так, будто тот только что объявил себя неграмотным.

— Сегодня она актриса. Завтра, если понадобится, будет боевым подразделением. Не путайте графики.

На краю площади стоял крытый армейский грузовик. Тент был опущен, но из-под борта капало что-то тёмное. Один из санитаров вытер пятно тряпкой и бросил её в металлическое ведро. Иволгин заметил.

— Уберите машину.

— Это после ночной доставки, — сказал санитар.

— Мне всё равно, после чего это. В кадре кровь быть не должна.

— До начала съёмки два часа.

— Кровь не знает расписания. Уберите.

Санитар кивнул. Иволгин пошёл дальше, не спросив, чья кровь. В этом и заключалась его профессия: знать, какие вопросы не влияют на монтаж.

В казармах Красного Легиона завтрак начинался в семь тридцать и заканчивался в семь пятьдесят. В семь пятьдесят одна минута еда становилась нарушением дисциплины. Гранит ел за троих и выглядел при этом так, будто делал одолжение столовой. Перед ним стояли две миски каши, шесть варёных яиц, хлеб, масло и тарелка сероватой колбасы. Григорий Никитин разрезал яйцо ножом с такой осторожностью, словно боялся причинить ему боль. Напротив Аврора держала лист сценария юбилейного интервью. Она читала его уже четвёртый раз и каждый раз злилась в новом месте.

— «Я счастлива, что десять лет служу Родине рядом с лучшими людьми нашей страны», — произнесла она вслух. — Кто это пишет?

— Люди, которые счастливы вместо тебя, — сказал Пламя.

Он наливал чай. Вода закипала прямо в кружке от прикосновения его пальцев. Иван Волков любил такие маленькие демонстрации своей силы даже за завтраком, хотя рядом стоял исправный электрический кипятильник. Зоя зачеркнула слово «счастлива» и написала «горжусь». Через секунду к ней подошёл помощник Иволгина, посмотрел на исправление и красным карандашом вернул прежний вариант.

— Текст утверждён.

— Тогда зачем мне лист?

— Чтобы выучить.

Ласточка сидела на краю стола, болтая ногами. Перед ней лежал кусок хлеба. Стрелецкая вошла в столовую, и хлеб исчез. Движение ускользнуло от всех. Через мгновение хлеб снова лежал на тарелке, только на другом боку. Виктория Стрелецкая посмотрела на него, потом на Нину.

— Соловьёва.

— Товарищ майор?

— Если ты собираешься нарушать порядок, хотя бы не оставляй крошки.

Нина опустила глаза, на груди кителя лежала единственная крошка. Она смахнула её. Валентина уже была в полном комплекте формы, без оружия. Высокая, прямая, с волосами, собранными назад, Валентина выглядела так, словно собиралась на парад даже тогда, когда сидела за столом. Привычка держать спину давно перестала быть привычкой. Она стала частью скелета, Аркадий сидел отдельно. Аркадий Жуков смотрел в тарелку и слышал всех. Не слова, слова были самой простой частью.

Он слышал тяжёлую, ровную тревогу Гранита: Лида, Лида, Лида. Она шла под всеми мыслями Григория, как басовая партия под маршем. У Авроры мысли были горячими, но не яркими — злая усталость, застарелое желание хлопнуть дверью, фотография матери, которую она запретила себе вспоминать и потому вспоминала постоянно. У Валентины поверх военного порядка сегодня снова возникала Катя: пятнадцатилетняя девочка в школьной форме, фотографию которой привезли вчера. Нина была короткими вспышками: окно, улица, бежать, хлеб, мама, отец у кухонного стола, смешной ус Пламени, бежать, не бежать. В голове Ивана было удивительно спокойно. Только очень глубоко лежал Илья — настолько глубоко, что Иван сам делал вид, будто там ничего нет.

И все они чувствовали Аркадия. Не так, как он чувствовал их. Просто знали, что рядом сидит человек, который однажды уже доказал: тело может предать хозяина. После истории с Лаптевым никто не шутил про «залезть в голову» в его присутствии. Нина иногда смотрела на его руки с ненавистью, хотя руки здесь вообще были ни при чём. Григорий никогда не оставался с Коллективом и Лидой в одной комнате без необходимости. Валентина разговаривала с ним вежливо и держала ментальную связь настолько поверхностной, насколько позволял устав.

У Стрелецкой — стены. Аркадий мог бы попробовать заглянуть за них. Иногда хотелось — не из любопытства. Из профессиональной злости и привычки: десять лет ему объясняли, что чужая тайна существует только до тех пор, пока государству не понадобилось её открыть. Но список запретов лежал у него в кармане. Дроздов. Иволгин. Родионов. Члены Политбюро, сотрудники специального отдела. Стрелецкая — только при прямой угрозе. «Несанкционированное ментальное проникновение в сознание должностных лиц рассматривается как форма государственной измены».

Аркадий знал, как выглядит наказание за государственную измену. Знал и другое: в папке Веры каждый месяц появлялся новый лист наблюдения. Сестру не били, не пытали и не держали в подвале. В этом не было необходимости. Достаточно было того, что государство всегда знало, где она спит. Стрелецкая встала у торца стола. Разговоры прекратились.

— Сегодня генеральная репетиция парадной части и демонстрационная операция для ограниченного состава прессы, — сказала она. — Работаем по утверждённому сценарию. Родина-Мать — воздушный заход и командование на площадке. Гранит — остановка бронемашин и блокирование транспортного узла. Аврора — плазменный барьер. Ласточка — эвакуация. Коллектив — внутренняя координация. Пламя — заключительный огневой сектор. Икона — медицинская зона. Громила выходит последним.

— Объект настоящий? — спросила Зоя.

Стрелецкая посмотрела на неё.

— Объект опасен.

— Я спросила не это.

— Я слышала вопрос.

Иван ухмыльнулся.

— Значит, настоящий.

Григорий перестал есть.

— А после репетиции я могу к Лиде?

Виктория перевела взгляд на него. Даже люди, способные пережить очередь из автомата, иногда выглядели детьми, когда ждали ответа от человека с погонами.

— При соблюдении режима.

— Я всё соблюдаю.

— Тогда причин для беспокойства нет.

Григорий кивнул, хотя именно эта фраза всегда означала, что причины есть. Родина-Мать положила ладони на стол.

— Кто командует при отклонении от сценария?

— На поле — вы.

Валентина кивнула.

— Любые нестандартные решения согласовываете со мной по внутренней связи, — добавила Стрелецкая.

Валентина кивнула снова. Никакого противоречия она в этом не увидела. Пламя тихо фыркнуло.

— Хорошо устроено. Она командует нами, вы командуете ею. А кто командует вами?

Стрелецкая повернула голову.

— Тот, кому вы не хотите задавать этот вопрос лично.

Иван улыбнулся шире.

— Вот за это я вас и уважаю.

— Мне не требуется ваше уважение.

— А моё хорошее настроение?

— Тем более.

Икона вошла последней. Анна выглядела так, будто за ночь успела постареть на несколько лет и потом частично вылечила себя из вежливости. На её белом халате была едва заметная розовая полоса, плохо отстиранная кровь.

— Опоздание на три минуты, — сказала Стрелецкая.

— Я закрывала грудную клетку капитану из третьего управления. Ему почему-то решили объяснить технику безопасности ломом.

— Жив?

— К сожалению для того, кто его бил.

Анна села, Иван посмотрел на неё с интересом.

— А можно было не лечить?

Анна подняла на него глаза.

— Тебя тоже можно.

На несколько секунд в столовой стало тихо. Потом Гранит вдруг рассмеялся: Нина прислунала в ладонь. Даже у Авроры дрогнули губы. Пламя смотрел на Икону ещё секунду, затем рассмеялся тоже.

— Вот это уже почти командный дух.

Стрелецкая сохранила серьёзное лицо.

— Через двадцать минут — индивидуальные собеседования.

С Родиной-Матерью разговор занял четыре минуты.

— Перед прессой вы принимаете решения самостоятельно, — сказала Виктория.

— Но согласовываю с вами.

— Если ситуация выходит за рамки сценария.

— Понимаю.

— Иволгин может попросить повторить некоторые элементы для камеры.

Валентина слегка нахмурилась.

— Если это не снижает безопасность.

— Не снижает.

— Тогда вопросов нет.

Стрелецкая смотрела на неё чуть дольше обычного. Валентина действительно не чувствовала унижения в этой конструкции. Для неё дисциплина была не поводом, а позвоночником. Если командование говорило: «Ты лидер», а затем: «Спроси разрешения», она не видела логической дыры. Государство существовало выше логики.

— Ещё одно, — сказала Виктория. — Иволгин хочет, чтобы сегодня вы чаще держали оружие перекрёстно. Серп слева, молот справа.

— Почему?

— Так лучше читается символика.

Валентина чуть помолчала.

— В бою удобнее наоборот.

— Сегодня не бой.

— Поняла.

С Авророй беседа была дольше, на столе лежало письмо. Зоя узнала почерк сразу и от этого разозлилась ещё до того, как увидела имя.

— Она снова пишет? — спросила она.

— Пишет регулярно.

— Тогда выбросьте.

— Елена Рябова пытается добиться личной встречи.

— Не моя проблема.

— Она ваша мать.

— Именно поэтому не моя проблема.

Стрелецкая подвинула письмо ближе.

— В последнее время она проявляет эмоциональную нестабильность. Выступает с вопросами. Пытается искать архивы. Общается с людьми, которых не следует считать надёжными.

— Вы хотите, чтобы я её остановила?

— Я хочу, чтобы вы понимали последствия контакта.

Зоя взяла письмо. Бумага дрожала у неё в пальцах совсем чуть-чуть.

— Последствия для кого?

— Для всех.

Аврора разорвала конверт пополам, потом ещё раз. Бросила куски в корзину и вышла. В коридоре остановилась, вернулась, наклонилась и быстро вытащила один клочок. На нём было всего три слова: «Зоя, пожалуйста, послушай». Она спрятала его во внутренний карман, с Гранитом Стрелецкая говорила почти мягко.

— Лиде передадут паёк.

— Я сам хотел отвезти.

— После репетиции посмотрим.

— Она просила апельсины. У неё в отделении девчонка после операции, никогда не пробовала.

— Апельсины не входят в обычный паёк.

Григорий помолчал.

— Я могу отработать дополнительную тренировку.

— Вы торгуетесь со мной, Никитин?

— Прошу.

Стрелецкая взяла карандаш и сделала пометку.

— Два килограмма.

Лицо Гранита осветилось такой благодарностью, что Виктории на секунду стало неприятно: два килограмма апельсинов не должны были вызывать у человека, способного разломать танк, выражение спасённого мальчика. Она подавила мысль.

— При условии, что сегодня без конфликтов.

— Конечно.

С Ласточкой всё было проще.

— Импульсивность.

— Что?

— Ваша проблема.

— Я думала, мой рост.

— Это проблема портных.

Нина улыбнулась.

— На площади работаете строго по схеме. Не ускоряйтесь без команды, если рядом гражданские.

— Я контролирую.

— Вы верите, что контролируете. Это разные вещи.

— Хотите проверить?

Стрелецкая посмотрела ей в глаза.

— Нет. Хочу, чтобы вам не пришлось.

С Пламенем разговор занял меньше минуты.

— Сегодня без самостоятельности.

— Вы всегда так говорите.

— Потому что вы всегда пытаетесь.

— А если появится реальная угроза?

— Вы ждёте приказ.

— А если ждать будет поздно?

— Тогда отвечать будете после.

Иван усмехнулся.

— Главное, чтобы было кому.

Коллективу Виктория вручила список запретов, он даже не посмотрел.

— Я помню старый.

— Добавились фамилии.

— Они боятся, что я услышу что-нибудь новое?

— Они боятся, что вы не поймёте контекст.

— Как удобно.

— Жуков.

Аркадий поднял глаза.

— Не заставляйте меня считать ваше любопытство угрозой.

В его голове на секунду возникло желание спросить: а вы сами когда-нибудь считали свою работу угрозой? Он не спросил, Стрелецкая всё равно почувствовала паузу.

Громилу перевозили ночью. Для него выделили специальный бронированный вагон, который цепляли к техническому составу метро после закрытия пассажирского движения. Внутри стояли глухие стены без единого окна. Только сталь, фиксаторы и лампы под решётками. Кибернетический медведь лежал на животе, пристёгнутый к платформе четырьмя силовыми захватами. Металл его корпуса был покрыт царапинами. Между бронепластинами виднелась живая шерсть — седая, местами выбритая. От правой передней лапы шёл кабель к диагностическому блоку. Кузнец стоял рядом с молодым инженером.

— Семьдесят процентов заменяемых компонентов, — говорил он. — Усиленный скелет, гидравлика, сервоприводы, интерфейс. Оставшиеся тридцать — самая капризная деталь.

— Мозг?

— Животное.

Молодой инженер присел, чтобы лучше рассмотреть голову. Громила открыл один глаз, парень резко отшатнулся. Кузнец засмеялся.

— Боишься?

— Нет.

— Правильно. Он это чувствует.

— Он понимает речь?

— Понимание переоценено. Главное, чтобы выполнял команды.

Громила смотрел на него, поезд качнуло. Где-то за стеной вагона ветер протащил по тоннелю слабый запах машинного масла, влажного бетона и хвои — дешёвый бальзам в термосе одного из солдат сопровождения. Медведь поднял голову, на секунду тоннель исчез. Был лес, снег на еловых лапах. Две маленькие тени, толкавшиеся возле его брюха. Запах молока, потом выстрел. Потом ещё один: горячий металл в плоти. Белое небо над сеткой, Громила рванулся. Фиксаторы лязгнули, платформа прогнулась.

— Отклонение, — спокойно сказал Кузнец.

Он нажал кнопку. Ток вошёл в тело медведя через импланты. Мышцы свело. Из пасти вырвался низкий хрип, почти человеческий по интонации. Молодой инженер побледнел.

— Сколько вольт?

— Достаточно.

Громила лёг.

— Видишь? Понимание не требуется.

К десяти часам площадь превратилась в идеально организованный абсурд. Валентина поднималась в воздух с края Васильевского спуска, сделала широкий круг и пошла над брусчаткой. Красный плащ вздулся за ней, как флаг на башне.

— Медленнее! — кричал Иволгин в мегафон.

Валентина ушла вверх, развернулась и повторила заход.

— И лицом к центральной камере!

— Она летит, а не позирует! — огрызнулся военный консультант.

— Публика не знает разницы!

На третьем дубле серп оказался под нужным углом. Гранит остановил учебный бронетранспортёр плечом. Машина шла на малой скорости, но водитель всё равно побледнел, когда увидел, как двухметровый человек просто встал перед капотом. Удар. Металл смялся вокруг Григория. Гранит сделал шаг назад, упёрся сапогами в брусчатку и остановил десять тонн стали. Под его пятками камни треснули.

— Стоп! — крикнул режиссёр.

Инженер городской службы подбежал, посмотрел на выбитую брусчатку и тяжело вздохнул.

— Кто это будет восстанавливать?

— История, — сказал Иван.

— История счёт не оплатит.

Нина эвакуировала статистов. Для наблюдателей это выглядело как короткий порыв ветра. Люди стояли у условного автобуса — и вдруг уже сидели за ограждением, кто с растрёпанными волосами, кто с потерянной шапкой. Один мальчик лет восьми моргнул и обнаружил, что Нина стоит перед ним на корточках.

— Тебя не тошнит? — спросила она.

Мальчик покачал головой.

— А правда, вы спите быстрее нас?

Нина замерла, потом впервые за утро улыбнулась по-настоящему.

— Нет. Но хотелось бы.

Зоя подняла руки, и воздух над площадью вспыхнул. Плазма вытянулась в дугу — ослепительно белую в центре, оранжевую по краям. Жар ударил в лица наблюдателей.

— Краснее! — закричал режиссёр.

Зоя опустила руки.

— Что краснее?

— Пламя! Оно уходит в белое, на плёнке плохо читается.

— Это плазма.

— Для зрителя это огонь.

Иван, стоявший рядом, сказал:

— Могу поджечь «Волгу». Будет красное.

— Нет, — одновременно ответили Стрелецкая и пожарный.

Коллектив связал группу, мир на секунду стал общим. Валентина чувствовала ветер и одновременно знала, где стоит Гранит. Григорий слышал раздражение Авроры, Нина воспринимала тяжёлую медленность чужих тел. Пламя ощущал страх статистов и наслаждался им, не скрываясь даже от общей сети. Икона чувствовала пульс людей в медицинской зоне. Стрелецкая была присутствием на краю — холодным, точным, дозированным. Аркадий держал всех и ненавидел эту близость. Потом привезли пленника. Его вывели из тёмного фургона двое Санитаров.

Мужчина был худым до прозрачности, на нём висела серая тюремная роба. Левый глаз заплыл, губа была рассечена, на шее сидел широкий металлический ошейник с проводами. Одна кисть была распухшей и синей, несколько пальцев смотрели в неправильные стороны. Иволгин подошёл ближе.

— Он выглядит слишком больным.

Санитар пожал плечами.

— Сопrotивлялся при транспортировке.

— Я не спрашивал почему. Я говорю, что для террориста он выглядит жалко.

— Можем привести лицо в порядок.

— За час?

— За десять минут.

Иволгин подозрительно посмотрел на санитаров.

— Не хуже сделаете?

— Гримом.

— А. Тогда да.

Стрелецкая слышала разговор.

— Кто дал разрешение применять силу?

Санитар повернулся.

— Он пытался укуcить сотрудника.

— И вы сломали ему четыре пальца?

— Три.

Виктория посмотрела на руку пленника.

— Четыре.

Санитар тоже посмотрел.

— Значит, четыре.

Она могла потребовать фамилию, могла оформить взыскание. Могла устроить показательное наказание, и Санитары бы запомнили на месяц. Вместо этого сказала:

— На площадке без самостоятельности.

— Есть.

Пленный поднял голову и посмотрел на неё. Лицо оставалось спокойным, и почему-то именно это раздражало сильнее.

Громилу вывели последним, брусчатка дрожала под металлическими лапами. Солдаты инстинктивно отступали, хотя поводки держали не они, а гидравлические тяги бронемашин. Анна стояла у санитарного пункта. Когда медведь оказался напротив неё, он остановился.

— Вперёд, — сказал Кузнец.

Громила не двинулся. Его сенсоры отслеживали десятки показателей: тепло, движение, электрические поля. Но живой мозг внутри брони фиксировал другое. Анна не пахла страхом, усталостью — да. Чужой кровью. Лекарствами. Потом. Бессонной ночью, но не страхом. Икона подняла голову. Они смотрели друг на друга через десять метров площади.

— Отклонение, — сказал Кузнец и нажал кнопку.

Громила вздрогнул, по броне прошёл короткий металлический дребезг. Анна увидела сокращение живых мышц под пластинами. Её способность сама раскладывала тело на процессы: частый пульс, выброс гормонов, микротравмы, старые рубцы, нервная боль.

— Что вы сделали? — спросила она.

— Коррекция.

— Это ток.

— Технически всё есть ток.

Громила снова сделал шаг, но голову не отвернул.

Демонстрационная операция началась в одиннадцать сорок, условный автобус стоял у края площади. Сотрудники в масках изображали террористов, статисты кричали по команде режиссёра. Родина-Мать висела над площадью, держа молот на плече. Гранит ждал за машиной, Аврора держала плазму на минимуме. Ласточка стояла неподвижно, что для неё было отдельным упражнением воли. Пленника поставили в центре, ошейник подавлял способность. Какую именно — Нина не знала, она видела только его дыхание. Для остальных оно было быстрым.

Для неё каждый вдох длился вечность. Вдох. Грудная клетка поднимается. Пауза. Глаз поворачивается к журналистам. Выдох. Пальцы здоровой руки сжимаются, Нина поняла раньше всех. Он собирался не нападать.

— Снять ингибитор на три секунды, — прозвучало по связи.

Щёлкнуло реле, пленный рванулся. Нина могла остановить его до первого шага. Могла коснуться плеча, повернуть, уложить на землю, вернуться на место раньше, чем ткань робы успеет колыхнуться. Она не сделала этого, одна секунда. Для площади — миг, для Нины — длинный коридор времени. Она видела, как санитар начинает тянуться к кобуре. Как Стрелецкая открывает рот. Как Гранит переносит вес на правую ногу. Как фотограф поднимает камеру, пленный бежал к ограждению. На его лице было не безумие. Надежда.

Это было хуже.

— Перехват! — приказала Стрелецкая.

Григорий двинулся, мужчина успел схватиться за металлическое ограждение.

— СЕДЬМОГО НОЯБРЯ ОНИ САМИ ВАС УБЬЮТ!

В толпе журналистов кто-то сказал: «Что?» Стрелецкая резко повернулась к Пламени.

— Живым!

Иван уже поднял руку, огонь у него рождался без усилия. Не как фокус, не как оружие, которое нужно достать. Как мысль. Тонкая струя сверхгорячего пламени ударила пленнику в грудь. Сначала загорелась ткань, потом кожа. Человеческое тело плохо горит красиво, оно сжимается, лопается, дымит. Волосы вспыхнули мгновенно, лицо почернело с одной стороны раньше, чем мужчина успел закрыть рот. Жир под кожей зашипел. Огонь вошёл в открытый крик и вырвался изо рта вместе с паром. Пленный сделал ещё один шаг.

Только один, потом поток стал ярче. Грудная клетка провалилась внутрь, как сожжённый картон. Роба спеклась с мясом. Один глаз лопнул, выпустив прозрачную жидкость на щеку, которая уже превращалась в чёрную корку. Пальцы, державшиеся за ограждение, продолжали сжимать металл ещё секунду после того, как человек перестал быть способен сознательно что-

либо держать. Запах пришёл следом. Сладковатый. Жирный. Тяжёлый. Несколько журналистов отвернулись, один вырвал прямо на брусчатку. Зоя стояла неподвижно.

Она знала огонь лучше любого из них и потому точно понимала, что Иван мог остановиться раньше. Иван опустил руку. От мужчины осталась обугленная верхняя половина туловища и две ноги, ещё дёргавшиеся на камнях. Тишина продержалась меньше секунды.

— Камеру не выключать! — крикнул Иволгин.

Оператор, уже убравший глаз от видеоискателя, растерянно посмотрел на него.

— Что?

— Снимайте. Если материал существует, мы решим, что он означает потом.

Валентина приземлилась так резко, что под сапогами хрустнула брусчатка.

— Что он сказал?

Ответом сначала стала тишина.

— Я спросила, что он сказал.

Стрелецкая смотрела на дымящееся тело.

— Возможно, речь об атаке беглых носителей.

Валентина повернулась к ней.

— На седьмое ноября?

— Проверим.

— Почему мы не знали?

— Потому что до настоящего момента у нас не было подтверждения.

Это объяснение родилось у Виктории в ту же секунду. Оно было логичным, оно было удобным. И именно поэтому она запомнила его.

В момент смерти пленника Коллектив потерял контроль на долю секунды. Сознание умирающего раскрылось вспышкой: боль, страх, жёлтый свет потолочной лампы, чей-то голос «подпиши», мокрый бетон, цифра семь, снова боль. Аркадий отшатнулся от этого и случайно провалился в другого человека. Офицер штаба Дроздова стоял в двадцати метрах. Мысли были быстрые, деловые, защищённые привычкой не проговаривать лишнее даже внутри себя. Но несколько слов выстрелили наружу. ТРИУМФ. САНИТАРНЫЕ ПОТЕРИ, ПРЯМОЙ ЭФИР.

ПРИЕМЛЕМЫЙ ДИАПАЗОН, Аркадий мгновенно оборвал связь. Его затошнило, Стрелецкая повернула голову.

— Жуков?

— Смерть, — сказал он.

— Что?

— Слишком близко. Поймал его смерть.

Это была хорошая ложь, потому что наполовину была правдой. Виктория посмотрела на него. Он почувствовал её внимание, как холодный палец между лопаток.

— В медпункт.

— Не нужно.

— Это приказ.

Аркадий кивнул. И спрятал слово «Триумф» глубоко в памяти, связав его с детской считалкой, которую когда-то слышал в интернате. Раз, два, три — гори, четыре, пять — не догнать. Шесть, семь — дверь закрой, восемь — имя не открой. Он повторил её про себя три раза. Теперь воспоминание было не документом: оно стало частью него.

Павел находился в техническом тоннеле под центром города. Для Павла Корнеева Москва никогда не молчала. Даже ночью она гудела трубами, лифтами, электричеством, поездами, чужими разговорами. Днём звук становился океаном. Он научился вылавливать из него отдельные течения. Сегодня он слушал площадь через металлические конструкции, вентиляцию и помехи радиосвязи. Сначала марш, потом команды. Потом крик. «Седьмого ноября они сами вас убьют!» Павел прижал наушник плотнее. Огненный выброс он услышал как короткий низкий рёв, словно воздух порвали тканью.

Потом голос Стрелецкой: «Живым!» Поздно. Через несколько секунд по закрытому каналу кто-то сказал:

— Первый сценарный риск устранён. Продолжаем по пакету.

Другой голос спросил:

— Триумф не переносится?

— Нет.

Павел нажал запись, магнитная лента крутилась. Он слушал ещё десять минут, потом снял наушники. В темноте тоннеля было почти тихо. Почти. Он слышал собственное сердце, и где-то далеко — металлический рёв медведя.

После репетиции площадь закрыли за четыре минуты. Санитары работали быстро, один сбивал обугленную ткань с ограждения. Второй собирал куски тела металлическими щипцами, третий поливал камень водой из шланга. Человеческий жир смешивался с водой и стекал между плитами серыми радужными ручейками.

— Здесь кусок, — сказал один.

Другой поднял обгоревший палец.

— В пакет.

— Какой номер?

— Тот же.

— На нём кольцо.

— Тогда в отдельный.

Фотограф с «Известий» стоял за колонной и перематывал плёнку. Он успел снять момент после огня: обугленное тело на переднем плане и огромный плакат Родины-Матери на заднем. Улыбающаяся Валентина защищала страну прямо над мёртвым человеком. Фотограф понимал, что снимок никогда не опубликуют. Но иногда желание сохранить правду сильнее профессионального инстинкта выживания. Он вытащил кассету и передал её коллеге. Нина стояла в тридцати метрах, она видела движение. Могла перехватить плёнку прежде, чем она коснётся другой ладони.

Не пошевелилась, коллега спрятал кассету в носок. Через минуту к фотографу подошли двое Санитаров.

— Пройдёмте.

— У меня аккредитация.

— Именно поэтому.

— Куда?

Один санитар взял его под локоть, фотограф попытался вырваться. Санитар ударил его в живот. Не сильно — ровно настолько, чтобы человек согнулся и перестал задавать вопросы. Нина смотрела, Стрелецкая стояла рядом.

— Вы были ближе всех, Соловьёва.

Нина повернула голову.

— К чему?

— К журналистам.

— Я эвакуировала статистов.

— Вы ничего не заметили?

— Нет.

Ложь была безупречной. Виктория знала это именно потому, что Нина соврала слишком хорошо. Она промолчала. Пока.

Разбор проходил в закрытом помещении у Спасской башни. Пламя сидел развалившись. На рукаве у него осталась чёрная точка копоти. Стрелецкая стояла перед ним.

— Приказ был взять живым.

— Вы отдали приказ после того, как он начал кричать.

— Я отдала его до вашего удара.

— На полсекунды.

— Этого достаточно.

Иван посмотрел на Ласточку.

— Ей — да.

Нина отвела взгляд.

— Вы нарушили приказ, — сказала Стрелецкая.

— И устранил проблему. Если бы он продолжил орать, половина прессы услышала бы больше. Теперь вы вырежете три секунды — и у вас геройское спасение.

Иволгин, стоявший у стены, неохотно сказал:

— Технически он прав.

Аврора резко повернулась к нему.

— Технически человек сгорел заживо.

— На плёнке это можно сократить.

Зоя смотрела на него, не веря, что услышала именно это. Иволгин пожал плечами.

— Что? Я говорю о своей работе.

Родина-Мать ударила ладонью по столу — не сильно. Стол всё равно треснул.

— Я хочу знать, что означает седьмое ноября.

— Проверяем, — сказала Стрелецкая.

— Если готовится теракт, мы должны знать сейчас.

— Если готовится теракт, вы узнаете первой, когда информация будет подтверждена.

Валентина смотрела на неё несколько секунд.

— Я командую Легионом.

— На поле боя.

В комнате стало очень тихо, потом Валентина кивнула.

— Хорошо.

Зоя закрыла глаза, Гранит смотрел на Стрелецкую.

— А к Лиде?

Виктория с ответом помедлила.

— Режим усилен.

Григорий медленно выдохнул.

— Я всё сделал.

— Я знаю.

— Вы обещали.

— Я сказала: посмотрим.

Иван улыбнулся, Григорий заметил. Кулаки его сжались, Стрелецкая увидела и это.

— Никитин.

Он разжал руки.

— Есть.

Цепь скрывалась из виду. Но каждый в комнате слышал, как она натянулась.

В душевой Пламя насвистывал марш. Вода стекала по его плечам, унося копоть в слив. Иван разглядывал ладони, будто проверял, хорошо ли отмылся. Гранит вошёл, закрыл дверь.

— Зачем?

Пламя не обернулся.

— Что зачем?

— Ты слышал приказ.

— А ты слышал его крик.

— Он не нападал.

— Он был приговорён.

Григорий подошёл ближе.

— Откуда ты знаешь?

Иван выключил воду.

— Гриша. Его привезли на Красную площадь в ошейнике, с поломанными пальцами и Санитарами. Ты правда думаешь, после репетиции ему собирались выдать премию и путёвку в Сочи?

— Это не тебе решать.

— Вот именно. Уже решили. Я просто сэкономил государству время, патроны и бензин до крематория.

Гранит ударил кулаком в стену рядом с его головой. Кафель разлетелся, бетон под ним треснул. Пламя даже не моргнул.

— Ну давай, — тихо сказал он. — Ударь меня.

Григорий тяжело дышал.

— Ударь. А вечером Стрелецкая отменит тебе свидание с сестрёнкой. Потом паёк. Потом Лиду переведут куда-нибудь, откуда трудно дозвониться. А потом ты будешь сидеть и думать, где она.

Григорий опустил руку, Иван улыбнулся.

— Вот видишь. Мы оба полезные. Просто по-разному.

Григорий развернулся и вышел, Иван снова включил воду. Марш продолжился.

Икона спустилась к Громиле после обеда, Кузнец стоял у пульта.

— Вход запрещён.

— Я не вхожу.

Она подошла к бронестеклу, медведь сидел в полумраке. На одной металлической лапе засохла кровь пленника. Когда тело уносили, Громила случайно наступил в лужу, и никто не стал тратить время на чистку. Анна подняла ладонь к стеклу, Громила оставался неподвижным. Потом медленно встал. Подошёл. Уткнулся бронированной мордой в стекло напротив её руки. Кузнец посмотрел на приборы.

— Интересно.

— Что?

— Пульс снижается.

— Может, потому что вы его не бьёте током.

— Не драматизируйте. Импульс — часть системы управления.

Икона увидела журнал на столе. «Реакция объекта ГР-4 на объект ИК-8 требует изучения». Она прочитала дважды.

— ИК-8 — это я?

Кузнец даже не смутился.

— Служебное обозначение.

— У меня есть имя.

— У государства всё должно быть учтено.

Анна посмотрела на медведя.

— А у него?

— Тоже.

— Я не про номер.

Кузнец пожал плечами, Громила медленно выдохнул на стекло. Оно запотело изнутри, Икона оставила ладонь на месте.

До монтажной был ещё павильон, юбилейное интервью решили не отменять. Иволгин объяснил это просто: если после каждого трупа менять съёмочный график, страна останется без телевидения. Родину-Мать посадили в кресло перед серым фоном. За спиной установили два знамени, на стол положили декоративный колос, который в кадр почти не попадал, но почему-то считался обязательным. Серп и молот поставили за креслом так, чтобы они пересекались над её плечами.

Валентина всё ещё чувствовала на плаще запах горелого мяса. Он въедался хуже дыма. Перед съёмкой костюмер прошлась по ткани щёткой и брызнула одеколоном. Теперь от Родины-Матери пахло государственным парфюмерным магазином и крематорием одновременно. Иволгин встал у камеры.

— Начнём с юбилея. «Десять лет назад страна впервые увидела Красный Легион...» Дальше по тексту.

Валентина посмотрела в объектив, красная лампочка зажглась.

— Десять лет назад страна впервые увидела Красный Легион. Для меня большая честь все эти годы служить советскому народу и защищать мирный труд наших граждан.

— Стоп, — сказал Иволгин. — Чуть теплее.

Она повторила.

— Стоп. Слишком по-военному.

— Я военная.

— В кадре вы больше, чем военная.

— Что именно?

Иволгин задумался, подбирая формулировку, которая казалась ему очевидной.

— Архетип.

— Это что значит?

— Значит, вы не конкретная женщина. Вы Родина. Мать. Защита. Страна должна смотреть на вас и узнавать не Валентину Рудневу, а себя в идеальном виде.

Валентина молчала.

— У архетипа, — продолжил он, — нет частной жизни, сомнений и плохого настроения. Иначе зритель начинает думать о лишнем.

— У меня есть частная жизнь.

Иволгин улыбнулся снисходительно, но не насмешливо. Он действительно считал, что объясняет профессиональную тонкость.

— Конечно. Просто не в эфире.

Красная лампочка снова зажглась. Валентина произнесла текст идеально. На словах «наш народ может быть уверен» она вспомнила обугленный глаз пленника, лопнувший от жара. На словах «мы всегда встанем между гражданами и угрозой» — ограждение, за которое тот успел схватиться. На словах «Красный Легион не подведёт» — лицо Стрелецкой, когда она сказала: «Проверим». Ни одно воспоминание не изменило её выражения.

— Отлично, — сказал Иволгин. — Вот это Родина-Мать.

Валентина встала.

— А кто тогда я?

Он уже смотрел в бумаги и лишь спустя мгновение понял вопрос.

— Простите?

— Ничего.

Она взяла молот. Костюмер охнула, потому что металлическая рукоять задела край стола и срезала угол столешницы, как тупой нож масло.

— За ремонт из зарплаты не вычтут, — сказал Иволгин.

Валентина посмотрела на него, он счёл это шуткой и улыбнулся.

Аврора сидела в гримёрке перед зеркалом. Её должны были снимать следующей, но она отказалась входить в павильон, пока не сменят воздух. Редактор съёмки сначала не понял. Потом Зоя сказала, что если ещё раз почувствует запах с площади, то прожжёт стену наружу и вопрос вентиляции решится сам. С ней спорить перестали, на столе лежал сценарий. «Я счастлива» было напечатано жирным. Зоя достала из кармана клочок материнского письма. Три слова, она разгладила бумагу пальцем. В зеркале появилось лицо Ласточки.

Нина вошла так тихо, что обычный человек не услышал бы. Зоя не была обычным человеком, но тоже не слышала. Просто увидела отражение.

— Ты когда-нибудь думаешь, что будет, если мы просто уйдём? — спросила Нина.

Зоя не обернулась.

— Куда?

— Не знаю. На вокзал. В лес. В другую страну.

— Ты добежишь. Я нет.

— Я могу тебя нести.

— А Гранита?

— Он сам.

— Родину-Мать?

Нина помолчала.

— Её сначала придётся убедить, что уйти — не измена Родине.

Аврора усмехнулась.

— Успеешь состариться.

— Я быстро старею только субъективно.

Зоя наконец повернулась.

— Ты сегодня могла его остановить.

Нина застыла.

— Кого?

— Не надо. Я видела твоё лицо.

Ласточка опустила взгляд.

— Он хотел сказать.

— Я знаю.

— А Пламя...

— Я знаю.

Нина сжала руки, ногти вошли в ладони.

— Я могла вытащить его за ограждение. Могла унести в ГУМ. В метро. К чёрту в область. Я за секунду могла сделать больше, чем все они за минуту.

— И что потом?

— Не знаю.

— Вот поэтому ты не сделала.

Нина подняла глаза, в них появилась злость.

— Ты меня оправдываешь?

— Нет. Себя.

Зоя посмотрела на свои ладони.

— Я могла погасить его пламя. Перебить поток плазмой. Могла ударить Ивану в руку. Могла сделать что угодно. Я стояла.

— Почему?

Зоя ответила лишь спустя мгновение.

— Потому что сначала ждала приказ.

Эта фраза оказалась хуже любого оправдания, Ласточка села рядом. В коридоре кто-то крикнул, что Аврору ждут на съёмке. Зоя взяла сценарий.

— Пойдём покажем стране, какие мы счастливые.

Гранит час сидел у пропускного пункта. Ему никто прямо не сказал ждать. Именно поэтому он ждал. Если бы приказали вернуться в казарму, всё было бы ясно. Но Стрелецкая сказала «режим усилен», а дежурный офицер — «уточняем». В государстве слово «уточняем» могло длиться от пяти минут до двадцати лет. Григорий сидел на железной скамье, слишком маленькой для него. Рядом стоял пакет с двумя килограммами апельсинов. Их всё-таки выдали. Он перебирал плоды один за другим, выбирая самый красивый для Лиды. Кожа пахла югом, которого он почти не видел.

Через стекло проходной Григорий наблюдал, как сотрудники уходят домой: кто-то нёс портфель, кто-то авоську, молодой лейтенант осторожно придерживал коробку с тортом, две машинистки смеялись, обсуждая кино. Обычные люди просто выходили за ворота, потому что рабочий день закончился. Григорий мог проломить эти ворота плечом, но продолжал ждать бумажку, Пламя оказался прав, и это бесило сильнее всего. В двадцать одну ноль пять дежурный наконец позвал его.

— Никитин.

Григорий поднялся.

— Разрешили?

— Нет. Встреча перенесена.

— На когда?

— Сообщат.

— Я только пакет отдам.

— Нельзя.

— Там апельсины.

Дежурный устало посмотрел на него.

— Товарищ Никитин, не делайте мне сложную смену.

Гранит медленно положил пакет на стойку. Один апельсин выкатился, упал на пол и покати́лся к турникету. Григорий посмотрел на ворота, в его теле уже начиналась петрификация. Кожа на кистях темнела и уплотнялась. Железная перекладина рядом с ладонью тихо заскрипела. Дежурный побледнел, Григорий увидел его страх и остановился. Сила ушла, он поднял апельсин.

— Передайте Лиде.

— Конечно.

Григорий знал, что дежурный не передаст. Злость здесь вообще ни при чём — для такого решения требовалась ведомость. Он забрал пакет обратно и пошёл в казарму. За спиной закрылась дверь, которую он мог снести одним движением.

Аркадий лежал в медпункте с закрытыми глазами. Анна измерила давление.

— Нормальное.

— Я и говорю.

— Стрелецкая сказала проверить.

— Тогда напишите, что я героически выжил.

Анна посмотрела на него внимательнее.

— Ты что-то услышал.

Аркадий открыл глаза.

— Я всегда что-то слышу.

— Не это.

Он почувствовал её спокойное внимание. Икона не была телепатом, но люди, годами собиравшие чужие тела обратно, начинали понимать ложь по дыханию, по мышцам, по тому, как человек держит плечи.

— Если скажу, ты обязана сообщить?

— Если это угрожает жизни.

— Чьей?

Анна задумалась.

— Хороший вопрос.

Аркадий сел.

— Я пока не знаю.

— Тогда пока не говори.

Он удивился.

— Станный медицинский протокол.

— У меня давно странная медицина.

Она ушла. Аркадий снова закрыл глаза и повторил считалку. Раз, два, три — гори, четыре, пять — не догнать. Шесть, семь — дверь закрой, восемь — имя не открой. Триумф. Санитарные потери, прямой эфир. Приемлемый диапазон, он спрятал слова ещё глубже. К вечеру из убийства сделали подвиг. Монтажёр Центрального телевидения сидел в комнате без окон. Иволгин стоял у него за спиной, на экране пленник бежал к журналистам.

— Отсюда убрать звук.

Плёнка дёрнулась.

— Теперь вставить крик ребёнка из дубля номер четыре.

— Он был до этого.

— Зритель не знает.

— Затем общий план Пламени.

— Там видно, что он улыбается.

Иволгин задумался.

— Возьмите профиль.

Через час сюжет выглядел так: опасный прометей-террорист сорвался с удержания, бросился к группе детей, Пламя мгновенно нейтрализовал угрозу, Родина-Мать обеспечила безопасность, граждане спасены. Упоминание о «седьмом ноября» исчезло. Сломанные пальцы — тоже. Команда «живым» — тоже. Человек умер второй раз — теперь уже в монтажной. Первую смерть хотя бы почувствовало тело.

Дроздов приехал вечером, он посмотрел материал без выражения.

— Кто слышал?

Стрелецкая перечислила.

— Журналисты?

— Часть.

— Обработаны?

— Подписки обновлены. Один из фотографов изъят для беседы.

— Плёнка?

— Основная изъята.

Дроздов поднял глаза.

— Основная?

Виктория не изменилась в лице.

— Проверяем.

На столе лежала красная папка. Стрелецкая увидела штамп, когда генерал потянулся за сигаретой. «ТРИУМФ». Ниже — номер, она запомнила его автоматически.

— Товарищ генерал, — сказала Виктория, — пленник явно знал о событии седьмого ноября. Если существует угроза параду, мне нужен доступ к материалам.

Дроздов прикрыл папку ладонью.

— Угрозы существуют всегда.

— Конкретно эта?

— Поэтому существуете вы, майор.

— Это не ответ.

— Это самый полный ответ, который вам сейчас нужен.

Он закурил.

— Усильте охоту на Добрынцева и прочие беглые активы, — сказал Дроздов. — В особенности Корнеева.

— Камертона?

— Он слышит слишком много и умеет сделать так, чтобы слышали другие.

Стрелецкая посмотрела на папку.

— А «Триумф»?

Впервые за разговор Дроздов замолчал на долю секунды. Очень мало, для любого другого — ничего. Для Виктории — запись в деле.

— Юбилейный комплекс мероприятий.

Слишком гладко.

— Поняла.

Она вышла. В коридоре запомнила время: девятнадцать сорок три. Фамилию офицера, который принёс папку: Седых. Номер на корешке: Т-7/11-41. Она ещё не подозревала Дроздова, просто была хорошим оперативником. Иногда этого достаточно, чтобы разрушить веру.

В старой диспетчерской под Москвой Павел Корнеев поставил катушку на магнитофон. Камертон давно перестал быть музыкантом, но привычка слушать до конца осталась. Красный Богатырь сидел на перевёрнутом ящике. Без брони он выглядел просто большим уставшим мужчиной в старом пальто, на правой брови белел шрам, который раньше исчезал за ночь, а теперь держался месяцами. Мария стояла у стены, и воздух возле неё медленно остывал.

Артём Веденин никак не мог усидеть: пятка выбивала по бетону частый ритм, пальцы ловили падающие гайки раньше, чем те успевали звякнуть о пол. Виктор Мальцев занимал половину скамьи и держал возле ладони маленькую прозрачную силовую плоскость, на которой

Лариса проверяла изоляцию проводов. Оксана вертела механические часы, Ирина временами исчезала краем плеча, Сергей Ракитин лениво заставлял ржавый болт кататься по столу без прикосновения, а Денис Круглов сидел отдельно в перчатках и следил, чтобы случайно ничего не коснуться голой рукой. Лариса Чехова держала старый генератор в рабочем состоянии скорее из упрямства: когда двигатель начинал захлёбываться, она прикладывала два пальца к корпусу, и обмотки снова брали ток.

Павел включил запись. Сначала пошёл шум площади, затем команда и крик — «СЕДЬМОГО НОЯБРЯ ОНИ САМИ ВАС УБЬЮТ!», после него огненный удар, приказ «Живым!» и наконец закрытый голос: «Первый сценарный риск устранён».

— Ещё раз, — сказал Михаил.

Павел прокрутил.

— Ещё.

На третьем повторе Мороз сказала:

— Хватит. Надо бить сейчас.

— Куда? — спросил Артём.

— По площади. По штабам. По ним всем.

— На площади через две недели будет полмиллиона людей.

— Вот именно. Если мы сорвём подготовку...

— Взрывом? — Михаил посмотрел на неё.

Мария прищурилась.

— Они считают тебя террористом независимо от того, что ты делаешь. Может, пора хотя бы получить пользу от репутации.

— Нет.

— Ты опять собираешься спасать людей, которые плюют тебе вслед?

Михаил опустил глаза на свои руки. Когда-то этими руками он поднимал бронемшины как игрушки. Сегодня днём едва сорвал ржавую дверь с петель.

— Если их убьют, они уже ничего не смогут понять.

— Ты всё ещё думаешь, что они поймут?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым, Мария замолчала. Оксана качнула часами.

— Нужны документы.

Сергей поднял бровь.

— Почему?

— Потому что если государство собирается устроить конец света, у него будет график конца света, смета конца света и человек, который подписал выдачу стульев для конца света.

Лариса хмыкнула.

— И три резервные линии питания для сейфа, где всё это лежит.

Несколько человек усмехнулись, Михаил — нет.

— Тогда ищем бумагу.

— Как? — спросила Ирина, материализуясь у стены.

Павел постучал по магнитофону.

— На записи есть служебная машина. Я сниму резонанс двигателя, шум кузова и переговоры заднего канала. Этого хватит, чтобы сузить номер и маршрут.

— Я проверю подземные проходы, — сказал Артём. — Если патрули двигаются, они меня кормят.

— Я пойду с ним, — добавила Лариса. — Где есть сигнализация, там есть питание. Где есть питание, там есть схема.

— Курьеры мои, — сказала Ирина.

Оксана кивнула.

— Я дам ей время, если понадобится.

Виктор посмотрел на обрывок схемы транспортного двора.

— А я хочу увидеть, чем они держат Громилу. Если это силовые фиксаторы, клетка проживёт ровно до первого нормального щита.

Мороз раздражённо выдохнула.

— Нам сейчас ещё медведя спасать не хватало.

Виктор повернул к ней спокойное широкое лицо.

— Если он пленник, хватало.

— Это машина.

— Про нас они говорят примерно то же самое.

Михаил встал.

— Разделяемся. Камертон — машина и канал связи. Стриж с Ларисой — маршруты и энергетика. Фантом с Оксаной — курьеры. Мороз и Рубеж — транспортный двор и Громила. Урал остаётся тяжёлым резервом. Распад — со мной и только на крайний случай.

Денис поднял взгляд.

— Спасибо за доверие.

— Это не доверие. Я видел, что ты можешь сделать со стеной.

— Тогда разумно.

— А Зенит? — спросила Мария.

— Разбирает старые планы площади. Его когда-то учили сбивать наших летающих героев. Если у государства есть инструкция, как убить Валентину, Лев знает, где её искать.

— А ты?

— Старые связи.

— Тебя узнают.

— Уже узнавали.

— И каждый раз ты становишься слабее.

Михаил посмотрел на старую детскую книжку, которой была подперта ножка стола. На обложке он сам — молодой, гладко выбритый, сияющий — держал над головой автобус с детьми. Он наклонился, поправил книгу, чтобы стол не шатался.

— Зато теперь она хотя бы держит что-то полезное.

Мария посмотрела на него странно. Павел уже перематывал плёнку на начало.

— Ещё раз, — сказал Михаил.

Лента зашипела. «Седьмого ноября они сами вас убьют». Тем же вечером фотограф, которого увели с площади, сидел в комнате без окон и смотрел на собственные пальцы. Санитар напротив листал пустой блокнот. Ему уже дважды задали один и тот же вопрос: кому он

передал плёнку. Он отвечал, что никому, после второго ответа ему сломали мизинец. После третьего — безымянный. Делали это спокойно, без ругани, почти медицински.

— Подумайте, — сказал санитар. — Нам не хочется портить вам руку.

Фотограф засмеялся сквозь слёзы.

— А мне казалось, хочется.

Санитар пожал плечами и взял следующий палец. Фотограф закрыл глаза, теряясь между двумя вопросами: успел ли коллега вынести кассету и стоил ли один кадр того, что происходило сейчас. Перед внутренним взглядом всё равно стояло обгоревшее тело под огромной улыбающейся Родиной-Матерью, если плёнка уцелела, хотя бы одна версия этого дня сохранится без монтажа. Дверь открылась, офицер что-то прошептал санитару, и тот с явным недовольством положил руку фотографа обратно на стол.

— Повезло. Пока перерыв.

— А потом?

— Потом государство вспомнит, что вы ему должны.

Фотограф посмотрел на распухшие пальцы.

— Оно обычно помнит.

В сотнях километров от них, под слоями бетона объекта «Асбест», стрелка старого медицинского прибора дрогнула. Дежурный врач оторвался от кроссворда. На графике мозговой активности Шёпота появился слабый зубец. Врач посмотрел на часы, потом на журнал внеплановых событий. До конца смены оставалось сорок минут. Он взял ручку и написал: «16:18. Кратковременное отклонение. Вероятная аппаратная погрешность. Наблюдение продолжить». Вызывать комиссию означало задержаться до ночи. Он вернулся к кроссворду.

Под землёй женщина, которая не открывала глаза много лет, чуть сильнее сжала пальцы. Москва готовилась к празднику. И пока никто не видел причин его отменять.

Ночью площадь снова отмывали. Утром на ней сгорел человек: пламя спекло одежду с кожей, на камне остались чёрные жирные пятна, а между плитами застыли кровь и кусочки обугленной ткани, которые пришлось соскребать металлическим шпателем. К вечеру здесь уже пахло не гарью, а мокрым гранитом и дешёвым моющим раствором. Трое рабочих в ватниках скребли щётками тёмный шов. Один ругался, что кровь въелась слишком глубоко. Второй предложил присыпать песком и оставить до весны. Бригадир сказал, что до весны по этому месту пройдёт Политбюро, поэтому никаких пятен быть не должно. Они спорили о способах убрать человеческие остатки так же деловито, как спорили бы о масляной краске. В двух десятках метров висел новый транспарант: «ДЕСЯТЬ ЛЕТ НА СТРАЖЕ МИРА».

Иволгин приехал проверить свет. Он прошёл вдоль ограждений, посмотрел на расположение камер, попросил передвинуть один прожектор на полметра вправо. Там, где утром лежал пленник, теперь стоял деревянный ящик с кабелем.

— Здесь крупный план Родины-Матери, — сказал режиссёр. — Потом панорама на детей.

— Детей не ставьте близко к переднему краю.

— Из-за безопасности?

Иволгин повернулся к нему.

— Из-за композиции. Они перекроют сапоги.

Режиссёр записал. У дальней стены один из рабочих наконец отёр пятно. Вода в ведре стала розовой, потом серой. Иволгин посмотрел на чистую плиту и удовлетворённо кивнул, хотя работой уборщиков не интересовался. Просто теперь в кадре ничего не мешало. На служебном выходе его догнала Стрелецкая.

— Фотограф?

— Изолирован.

— Плёнка?

— Одна кассета изъята.

— Одна?

Иволгин остановился, Виктория ничего не добавила. Слова «возможно, есть копия» не требовали произнесения.

— Найдите, — сказал он.

— Ищем.

— До парада.

— Разумеется.

Он хотел идти дальше, но Стрелецкая спросила:

— Вы действительно собираетесь использовать сегодняшний материал в юбилейном фильме?

— Конечно.

— Пламя нарушил приказ. Пленный успел сделать заявление. Журналисты видели тело.

— Поэтому материал особенно полезен.

Она посмотрела на него.

— Объясните.

Иволгин вздохнул так, будто майор попросила растолковать очевидное.

— Люди не запоминают событие, Виктория Андреевна. Они запоминают версию события, которую увидели последней и чаще остальных. Завтра мы покажем им, как опасный террорист пытался прорваться к детям. Пламя его остановил. Через неделю даже присутствовавшие здесь начнут сомневаться в собственной памяти. Через год будут рассказывать, что видели именно то, что показали по телевизору.

— А если фотография всплывёт?

— Тогда скажем, что вырвана из контекста.

— А если запись крика?

— Монтаж.

— Если документы?

— Подделка.

— Если свидетелей будет много?

Иволгин улыбнулся.

— Тогда тем более понадобится одна простая история.

Стрелецкая промолчала. Она много лет работала с людьми, которых заставляли сомневаться в себе. Знала, как это делается в комнате без окон: повторить вопрос, изменить формулировку, лишить сна, положить на стол фотографию близкого человека. Иволгин делал то же самое с целой страной. Только вместо лампы в лицо у него был телевизор. Виктория посмотрела на рабочих. Они вылили грязную воду в слив и понесли ведро за новой.

— Что-то ещё? — спросил Иволгин.

— Нет.

Он ушёл. Стрелецкая осталась на площади одна среди проводов, деревянных щитов и мокрой брусчатки. Утром человек кричал здесь о седьмом ноября. К ночи место его смерти уже выглядело так, будто ничего не произошло. Виктория всегда считала, что порядок начинается с устранения следов хаоса. Впервые ей пришлось в голову, что иногда порядок и есть способ спрятать преступление. А в подземной диспетчерской Камертон в это время перематывал плёнку на начало. Там следы ещё не успели отмыть.

В монтажной тем временем молодой ассистент дважды прокрутил плёнку с репетиции и остановил кадр на лице Ласточки. Нина смотрела не на пленника, а на Пламя — за долю секунды до огненного выброса.

— Что вы там нашли? — спросил старший монтажёр.

— Ничего.

— Тогда режь.

Ассистент вырезал четыре секунды. Физически: ножницы прошли по плёнке, кусок упал на стол. Он поднял полоску на свет. В четырёх секундах помещались страх пленника, задержка Ласточки, рука Пламени и первый отблеск огня.

— В мусор, — сказал монтажёр.

Ассистент сунул обрезок в карман скорее по смутному внутреннему импульсу, чем из храбрости: впервые выброшенный кусок плёнки показался ему не браком, а чужой памятью. На экране тем временем собиралась новая реальность — пленный бросился, Нина спасла детей, Иван выстрелил, герои победили, — и монтажёр долго смотрел на готовую последовательность, словно пытался вспомнить, где именно из неё исчезла правда.

— Теперь понятно.

Ассистент потрогал плёнку в кармане. Ему впервые стало страшно от слова «понятно».

Старая диспетчерская под Москвой пахла мокрым кирпичом, машинным маслом и озоном. Когда-то отсюда управляли инженерными коммуникациями, потом построили новые линии, старые схемы вычеркнули, а двери заварили. Через двадцать лет сюда пришли люди, которых тоже вычеркнули. Место оказалось вполне пригодным для жизни, если считать нормой воду по щиколотку в одном коридоре, грибок на стенах и периодические обходы техников, уверенных, что внутри никого нет. Последнее всех устраивало больше остального. Знамени здесь не было. Формы тоже. Общего гимна, устава и уверенности в завтрашнем дне — тем более.

Генератор когда-то украли у строительного треста по частям, но теперь он принадлежал Ларисе Чеховой почти на правах домашнего животного. Импульс могла бы питать убежище от собственного тела, однако отказывалась: «Пока техника способна работать сама, пусть учится». При перебоях она чувствовала ток ещё до того, как лампы начинали мигать, и могла одним касанием найти перегретую обмотку или плохой контакт.

Сергей Ракитин починил печку без сварки. Он сидел в двух метрах от неё, вытянув ладонь, а ржавая сталь медленно изгибалась, будто вспоминала форму, которую Урал от неё требовал. Когда Сергей сердился, гайки на столе начинали поворачиваться к нему шляпками.

Когда был спокоен, он мог заставить иголку пройти через ткань сама. Мария однажды сказала, что это самая ленивая сверхспособность из всех виденных. Сергей ответил, что металлургия вообще придумана для людей, которым надоело носить тяжёлое руками.

Артём Веденин терпеть не мог тишину без движения. Стриж постоянно стучал пальцами, качал ногой, ловил падающие вещи и тут же отпускал. Его способность была не просто скоростью: Артём отнимал кинетическую энергию у движущегося объекта, хранил её в собственном теле и отдавал обратно. Брошенная в него гайка могла остановиться в двух сантиметрах от лица, а через секунду он исчезал с места так быстро, что воздух хлопал за спиной. В закрытых лабораториях его держали среди неподвижных стен именно поэтому — любая вращающаяся машина, поезд, выстрел или удар превращались для него в запас топлива.

Виктор Мальцев спал ближе всех ко входу. Почти двухметровый бывший сапёр выглядел так, будто всю жизнь ждал, что кому-то снова понадобится заслонить собой проход. Вокруг ладони он мог развернуть прозрачную силовую плоскость, пуля плющилась о неё, удар Гранита должен был остановиться, а накопленное давление Виктор умел вернуть наружу одной короткой ударной волной. Позывной «Рубеж» придумали не журналисты. Так назывался блок испытаний, на которых за его спиной ставили живых людей и измеряли, насколько сильнее становится защита, когда Виктор знает, что от неё зависят чужие жизни.

Денис Круглов держался отдельно. Невысокий химик в круглых очках носил перчатки даже за едой. Распад мог заставить вещество потерять внутреннюю связь: сталь превращалась в рыжую крошку, бетон — в песок, дерево — в труху. После побега Денис научился работать на расстоянии нескольких метров, но привычка закрывать руки осталась. Людям становилось спокойнее, когда они видели перчатки. Ему — тоже.

Ирина Белова выбирала места возле стены не из суеверия. Для Ирины стена была дверью, если она решала, что та ей мешает. Ирина могла полностью уходить из нормального взаимодействия с материей: становилась невидимой, проходила через бетон, металл и двери, а при контакте протаскивала через препятствие другого человека. Когда-то её готовили для внешней разведки, потом приказали следить уже за собственными учёными, офицерами и семьями прометеев. Последнее задание закончилось исчезновением семьи человека, которого она должна была только «проверить». После этого Ирина прошла сквозь стену архива, украла собственное дело и исчезла вместе с ним.

Оксана Белова любила механические часы, хотя для её способности они были почти издевательством. Темп могла ускорять и замедлять течение времени в локальной области: остановить пулю на долю секунды, растянуть один человеческий шаг в длинную вязкую паузу или разогнать собственное движение так, что для остальных превращалась почти в спидстера. Штамм адаптировал её тело полностью — годы жизни за применение силы она не отдавала. Цена оказалась другой: Оксана слишком хорошо знала, насколько условен общий человеческий темп, и потому почти никогда не торопилась. На вопрос «который час?» она иногда отвечала: «Для кого?» Совпадение фамилии с Ириной было случайным: родственницами они не являлись и за годы подпольной жизни успели устать объяснять это новым людям.

Комната Павла Корнеева была обклеена войлоком, матами и обрезками тяжёлых штор. Бесплезно. Камертон воспринимал вибрацию через стены, трубы, воздух и пол: поезд в шести-стах метрах, сердцебиение человека за перегородкой, милицейскую рацию по металлической арматуре, треск усталого болта. В прошлом он играл на виолончели и различал едва заметную

фальшь. После «Прометей» научился находить резонансную частоту бетона, стекла, стали и человеческого тела. В 1975 году Павла включили в первый публичный состав Красного Легиона, однако плакаты и парады мало что изменили: между показательными выступлениями его продолжали использовать как живой комплекс прослушивания — возле камер заключённых, кабинетов чиновников и квартир собственных сотрудников. Всё это время его мать находилась в ведомственной клинике, адрес которой Павлу сообщали только перед разрешёнными визитами. Когда она умерла, в его личном деле тоже стало на один поводок меньше. Через несколько месяцев Павел услышал, как Санитары этажом ниже убивают испытуемых, сообщил дежурному и получил ответ: «Знаем». Тогда он разрушил резонансом весь узел связи, пробил стену в технический коридор и сбежал. Государство убрало Камертона со старых групповых фотографий так же старательно, как позже Красного Богатыря.

Лев Арсеньев появлялся в убежище реже. Зенит когда-то учился в Московском авиационном институте и попал в программу после аварии, во время которой самолёт перестал падать, потому что Лев на несколько секунд изменил для него направление гравитации. В лаборатории быстро выяснили: он умеет менять вектор силы для людей, пуль, машин и целых участков пространства. Его готовили не столько против иностранных бомбардировщиков, сколько против собственных летающих прометеев. Лев видел инструкции по уничтожению Родины-Матери раньше, чем увидел её живьём. С тех пор любил повторять: государство составляет некролог одновременно с плакатом.

Красный Богатырь спал у входа вторым. Однажды он уже встал между патрулём и остальными, и причину расположения матраса никто больше не обсуждал. Его красно-золотая броня лежала в ящике под койкой. Михаил надевал её редко: слишком узнаваемая, слишком тяжёлая теперь, когда вера страны уходила из него по крупницам. Ножку стола подпирала детская книжка «КРАСНЫЙ БОГАТЫРЬ СПАСАЕТ ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ». На обложке нарисованный Михаил держал автобус одной рукой и улыбался детям. Настоящий вчера еле поднял железную дверь, заклинившую от сырости.

Мария вышла из своего ледяного отсека, открыла банку тушёнки и посмотрела на книжку.

— Не обидно?

— Что?

— Тебя под стол подложили.

Михаил покачал стол.

— Раньше держал страну. Теперь держу ножку. Здесь полезнее.

Мария усмехнулась.

— Камертон ждёт.

Павел прокрутил запись двадцать три раза. На столе лежали бумажки с пометками времени, стрелками и частотами.

— Вот.

Шум площади. Крик пленника. Огненный удар. Голос Стрелецкой: «Живым!» Потом треск связи. Павел замедлил плёнку и провёл пальцем по металлическому корпусу магнитофона.

— Слушайте задний канал.

Из шума вынырнул голос: «...сценарный риск устранён... пакет...» Потом другой: «... Триумф... переносится?» Ответ: «Нет. По графику».

Лариса подняла голову.

— «Пакет» может быть индексом документа или канала выдачи.

— Или просто пакетом, — сказала Мороз.

— У них ничего не бывает просто пакетом. Если в КГБ человек несёт бутерброды, у бутербродов есть индекс и резервная линия питания.

Ирина материализовалась у стены.

— Можно войти в управление.

— Можно, — сказал Павел. — Но они подняли охрану. Я слышу новые генераторы и дополнительные посты вокруг центральных зданий.

— Я прохожу сквозь стены.

— Стены теперь не главная проблема, — ответила Лариса. — Герконы, контуры, датчики давления, резервные линии. Чем секретнее объект, тем больше он разговаривает электричеством.

Артём перестал качать ногой.

— Курьер проще. Я могу забрать у машины скорость, Фантом возьмёт документы, Темп растянет окно.

— И после этого переключают полгорода, — сказал Михаил.

— Тогда машина должна даже не понять, что остановилась, — сказала Оксана.

Ирина посмотрела на неё.

— Сможешь?

— Для улицы пройдёт меньше секунды. Мне хватит.

Мария положила ложку.

— Или берём человека. Живого. И спрашиваем, что такое «Триумф».

Михаил посмотрел на неё.

— Без пыток.

— А если не скажет?

— Ищем другой способ.

— Ты доставлял людей Санитарам, Миша.

Комната стала тише.

— Да.

— Живыми.

— Да.

— И не спрашивал, что с ними потом делают.

— Не спрашивал.

— Удобно теперь запрещать пытки.

— Да.

Мария ждала оправдания. Михаил не дал.

— Тогда почему мы должны слушать тебя?

— Не должны. Но если мы начнём делать с людьми то же, что делали с нами, Стрелецкая сможет назвать нас чудовищами и впервые не соврёт.

— Думаешь, ей нужна правда?

— Нет. Мне нужна.

Лев пришёл в полдень с тубусом чертежей. Зенит выглядел слишком аккуратно для подвала: длинное серое пальто, вычищенные ботинки, чёрные волосы зачёсаны назад. Он развернул на столе старую схему Красной площади и положил рядом фотокопии ведомственных инструкций.

— Вот здесь у них противовоздушный контур. Здесь сеточные заряды для Ласточки. Здесь газовые форсунки. А вот это — зона, куда должны увести Родину-Мать, если она перестанет выполнять приказ.

Михаил нахмурился.

— Откуда у тебя это?

— Меня учили сбивать её. Сначала на манекенах. Потом на макетах с её весом. Потом показали расчёты, сколько перегрузки нужно, чтобы сломать ей позвоночник в момент посадки.

Мария посмотрела на схему.

— Значит, седьмого они готовятся не только к нападению.

— Государство никогда не готовит один план, если можно подготовить ещё инструкцию по уничтожению собственного плана.

Лев положил два пальца на металлическую кружку. Та оторвалась от стола и «упала» в сторону стены, остановившись у кирпича.

— На площади будет ловушка для всех. Для нас. Для Легиона. Возможно, для самих зрителей.

— И что предлагаешь? — спросил Михаил.

— Не атаковать первыми. Если начнётся хаос, Дроздов получит право включить всё, что подготовил. А ещё не стойте под тяжёлыми конструкциями и не доверяйте эвакуационным коридорам, которые выглядят слишком удобными.

— Ты теперь ещё и пророк? — спросила Мороз.

— Нет. Инженер. Поэтому мне обычно страшнее.

Первую курьерскую «Волгу» нашли вечером. Оксана выбрала перекрёсток, где машина должна была сбросить скорость сама. Артём стоял в тени у трамвайной опоры, Ирина — уже внутри стены соседнего дома.

Красный свет. Машина замедлилась. Стриж протянул ладонь и забрал остаток её движения так мягко, что кузов просто перестал катиться. Одновременно Темп растянула маленькую область вокруг задней двери. Для водителя прошла доля секунды. Для Ирины времени было достаточно: Фантом шагнула сквозь металл, оказалась на заднем сиденье, сфотографировала в памяти содержимое красной папки и вышла обратно через другую сторону.

Когда Оксана отпустила поле, Артём вернул машине почти весь украденный импульс. «Волга» дёрнулась ровно настолько, чтобы водитель выругался на сцепление, и поехала дальше.

— Нашла? — спросил Стриж.

Ирина стала видимой.

— «Триумф». Дроздов. Родионов. Иволгин. И строчка: «женская группа КЛ — полный состав».

Она помолчала.

— Их снова собираются использовать как имущество.

Оксана посмотрела на часы.

— Сколько у нас было?

— Для них — меньше секунды.

— Для меня — достаточно.

Она улыбнулась без радости.

— Наконец-то способность, за которую государство не выставляет счёт в годах жизни. Только в головной боли.

Артём и Лариса ушли в старые тоннели у площади. Стриж дважды пробежал ответвление целиком, прежде чем Импульс успевала открыть сумку с инструментами. На третьем круге она поймала его за рукав.

— Ещё раз исчезнешь без предупреждения — выключу весь свет и посмотрю, чем будешь питаться.

— Движением твоей руки.

— Ненавижу спидстеров.

— Ты пока знаешь одного.

— Уже достаточно.

У старого ответвления Лариса остановилась. В стене шёл свежий кабель.

— Новый.

— Насколько?

Она прикрыла глаза, чувствуя слабое поле.

— Месяц, может меньше. Два независимых контура, резервное питание. За этой стеной что-то большое.

Артём исчез. Через несколько секунд вернулся с другого конца тоннеля, уже без улыбки.

— Три поста. Машины. Техники говорят про «восточное крыло» и номера для героинь.

— «Заря», — сказала Лариса.

Патруль появился раньше, чем ожидали. Первый Санитар поднял оружие. Стриж коснулся ствола в момент выстрела. Пуля потеряла скорость и выпала на бетон. Артём отдал импульс в собственный шаг, пронёсся между обоими, снял магазины, забрал затворы и вернулся к Ларисе до того, как первый мужчина понял, почему автомат стал легче.

— Можно было тише, — сказала она.

— Я и был тихо.

Санитары ещё только начинали кричать.

Мороз и Рубеж нашли транспортный двор по маркировке на гидравлической оболочке, оставленной возле погрузочного пандуса. Виктор поднял кусок тяжёлой броневой резины.

— Громила.

— Откуда знаешь? — спросила Мария.

— Видел схемы фиксаторов на объекте, где меня испытывали. Такие цилиндры ставят на то, что боятся удерживать обычной сталью.

На бетоне тянулись глубокие царапины от механических лап. Возле стены валялся деформированный болт толщиной с большой палец. Виктор провёл ладонью над ним, прозрачная плоскость силового поля вспыхнула на секунду.

— Если его ведут на «Триумф», клетка рассчитана на внешний удар. Изнутри её держат током и командами.

Мария посмотрела на следы.

— Всё равно оружие.

— Мы тоже.

— Мы люди.

— А медведю об этом кто-нибудь сообщил?

Она нахмурилась.

— Не сравнивай.

— Я сравниваю не вид. Клетку.

Виктор забрал металлическую деталь.

— Найдём технический паспорт. И если внутри стоит аварийный заряд, сначала выключим его.

— А потом?

— Потом откроем дверь и посмотрим, куда он сам пойдёт.

Павел работал с записью до головной боли. Михаил попросил снять наушники.

— Ты думаешь, если я их сниму, станет тихо? — спросил Камертон.

Сверху плакал ребёнок. За двумя стенами капала вода. В километре гудел трансформатор. Через металлические конструкции дома Павел чувствовал удары, шаги, моторы и голоса как огромную партитуру, написанную без его согласия.

— В доме над нами мужчина опять бьёт сына, — сказал он. — На соседней улице женщина врёт мужу, что задержалась на работе. В магазине продавец прячет колбасу под прилавок. Хочешь, чтобы я просто сидел с этим?

— Да.

— Зачем?

— Потому что ты не обязан исправлять всё, что слышишь.

Павел посмотрел на него и неожиданно усмехнулся.

— Очень удобная философия для бывшего героя.

— Очень.

Минуту они молчали. Потом Камертон снова коснулся корпуса магнитофона.

— Номер машины — пятьдесят семь двадцать ММД. Офицер произнёс его в рацию, а кузов дал мне отражение. Первая версия красивее.

В телецентре Иволгин запустил очередной материал о «падении Красного Богатыря». На экране молодой Михаил вытаскивал ребёнка из горящего дома, а диктор объяснял, что уже тогда специалисты замечали его «болезненную зависимость от народной любви». В убежище Михаил смотрел на собственное прошлое с экрана и чувствовал, как сила буквально уходит из пальцев.

Молоток выскользнул и упал на бетон.

Мария заметила первой.

— Это сейчас?

Михаил молчал.

— Значит, правда. Газеты тебя убивают.

Павел выключил телевизор. Лариса посмотрела на потухший экран.

— Иволгин — самый эффективный снайпер страны. Стреляет газетами.

— Шутка точнее, чем хотелось бы, — сказал Михаил.

К вечеру все вернулись почти одновременно. Ирина положила на стол записанный номер машины и фамилию курьера. Рубеж — кусок гидравлической оболочки, Импульс — схему новой сигнализации. Стриж — список маршрутов, которых теперь следовало избегать.

— «Заря», — сказал Михаил.

Фантом кивнула.

— Там будет Дроздов. Родионов. Иволгин. И женщины Легиона.

— Какие женщины?

Ирина посмотрела на него.

— «Женская группа КЛ — полный состав».

Михаил замер, Мороз заметила.

— Ты знаешь, что это значит.

Он промолчал.

— Бывал там?

— На приёмах.

— Видел?

— Да.

— И?

Михаил посмотрел на стол.

— Ушёл домой.

Ирина стала невидимой от шеи вниз — не специально.

— Прекрасно.

— Ирина...

— Не надо.

Мария усмехнулась без радости.

— Наш великий герой.

— Да, — сказал Михаил.

— Ты всё время так отвечаешь?

— Когда правда короткая.

Он поднял глаза.

— Что ещё?

Импульс рассказала про тоннели и фразу «номер для героинь». Виктор показал маркировку на пластине, Урал взял деталь.

— Это обслуживание спецкомплекса. Видел похожее на складе до побега.

Ирина снова появилась.

— На машине возле «Зари» была такая же эмблема.

Михаил разложил сведения на столе.

— Значит, «Заря» — узел.

— Тогда взорвём, — сказала Мария.

— Нет.

— Там будут Дроздов и Родионов одновременно. Второго такого шанса не будет.

— Там будут женщины. Обслуживание. Охрана, которая не вся знает, что происходит.

— Охрана знает достаточно.

— Мы не делаем с ними то, что они делали с нами.

Мария посмотрела прямо на него.

— Однажды ты нарушишь это правило первым.

— Возможно.

— И что тогда?

— Тогда вы решите, стоит ли меня слушать дальше.

Фантом скрестила руки.

— Пока ты решаешь стратегию, там будут люди.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь словами.

Михаил выдержал её взгляд.

— Назови способ вывести всех.

Ирина молчала.

— Назови, — повторил он.

— Не могу.

— Я тоже.

Победой в споре это назвать было трудно. Облегчение так и не пришло. Павел сказал:

— Я могу слушать снаружи.

— Я войду, — сказала Фантом.

— Только разведка, — ответил Михаил.

— Не командуй.

— Прошу.

Она помолчала.

— Ладно.

В Доме отдыха «Заря» Мадам проверяла бельё. Её звали Раиса Петровна, но это имя использовали только в документах и очень старые знакомые. Для остальных она была Мадам — без иронии, почти как должность. Она открыла шкаф, провела пальцем по полотенцу, увидела серую полосу и позвала администратора.

— Это что?

— Чистое.

— Я спрашиваю, что это.

— Полотенце.

— Это увольнение, если ещё раз увижу такое перед гостями.

Она бросила ткань на пол, в соседнем помещении разгружали импортный алкоголь. На кухне спорили из-за икры, двое охранников проверяли замки. В дальнем коридоре врач пересчитывал ампулы. «Заря» готовилась к вечеру так же, как хороший санаторий готовится к приезду комиссии, только никакой комиссии здесь не было: вечером сюда съезжались генералы, партийные чиновники и люди из спецслужб на закрытую оргию, после которой персоналу предстояло отмывать комнаты, кровь, сперму, алкоголь и любые следы того, чем государственная элита занималась за закрытыми дверями. Сотрудник Дроздова передал Мадам папку.

— Особые требования.

Она открыла. — Световую — в центральный зал. Ту, что умеет почти останавливать собственное тело, — сначала в медицинский блок, потом в малую гостиную. Галину — в кабинетную группу. Ту, что меняет запах кожи, — к бару. Та, что копирует голоса, — резерв. Девушку со следами на коже — в зал номер два. Летающую — к бассейну, холодную — к сауне. Искровую — на световую программу. Мадам читала список как заведующая рестораном читает меню банкета.

— Ту, что копирует голоса, не ставьте рядом с Дроздовым, — сказала она. — Он не любит, когда за ним повторяют.

Сотрудник усмехнулся.

— Сегодня любит.

— Тогда доплата.

Он показал сумму, Мадам перестала спорить. Перевернула страницу. «Дополнительно: женская группа Красного Легиона — полный состав». Она подняла бровь.

— Они серьёзно?

— Подпись видите?

— Вижу.

— Значит, серьёзно.

Мадам снова посмотрела на сумму. Подпись Дроздова обладала удивительной способностью превращать риск в хозяйственный вопрос.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда усилим врачей.

В гримёрной девять женщин готовились к будущему приёму. Одна из девушек приглушила свет ламп одним движением пальцев. Другая сидела на подоконнике и лениво перекатывала между ладонями маленькую искру. Третья, способная почти ничего не весить, растягивалась возле стены. Девушка, управлявшая холодом, грела руки в тазу с водой, хотя холод ей не вредил — просто нравилось тепло. Ещё одна проверяла на коже исчезнувший за минуту синяк. Рядом женщина меняла запах кожи, выбирая между несколькими флаконами. Та, что умела копировать голоса, повторила голосом диктора Центрального телевидения:

— Товарищи! Сегодня наша страна вновь демонстрирует выдающиеся успехи в области социалистического гостеприимства.

Несколько женщин засмеялись, одна сидела перед зеркалом абсолютно неподвижно. Галина наблюдала за дверью.

— А если не выйдем? — спросила она.

Смех исчез.

— Куда? — спросила светящаяся девушка.

— Просто не выйдем к ним.

Неподвижная девушка медленно повернула глаза, та, что копировала голоса, перестала улыбаться. В дверях стояла Мадам.

— Тогда выйдут другие, — сказала она. — А вас спишут.

Галина посмотрела на неё.

— Вы даже не спросите почему?

— Я знаю почему.

— И?

Мадам вошла, поправила воротник светящейся девушки.

— Моё знание не меняет расписание.

— Удобно.

— Очень.

Она посмотрела на каждую.

— Сегодня гости высокого уровня. Разговоров не запоминать. Фамилий не произносить. Если слышите то, чего слышать не должны, считайте, что не слышали.

Девушка с чужими голосами спросила своим настоящим голосом:

— А как мне это делать?

— Что?

— Не запоминать. Я помню идеально.

Мадам на секунду задержала взгляд.

— Память становится проблемой только тогда, когда человек решает ею воспользоваться.

Она вышла, неподвижная девушка посмотрела на дверь. Рядом тихо повторили голосом Мадам:

— Память становится проблемой...

— Не надо, — сказала Галина.

— Почему?

— Потому что однажды она услышит.

Девушка с чужими голосами улыбнулась.

— Тогда пусть запомнит.

Стрелецкая получила приказ в двадцать два часа. Дроздов не объяснял, зачем женщины Легиона должны ехать в «Зарю». Не требовалось. Формулировка была стандартной: «Обеспе-

чить участие в закрытом мероприятии высшего состава. Полная готовность к протокольному и специальному обслуживанию». Виктория прочитала один раз. Потом второй. Она знала, что означает «специальное». Знала, кто будет присутствовать. Знала, что Аврора станет смотреть на неё с ненавистью, Ласточка — с чем-то хуже ненависти, Икона — молча, а Родина-Мать постарается убедить себя, что это часть службы.

Можно было возразить. Можно было хотя бы попросить исключить Икону после ночного дежурства. Можно было сослаться на боевую готовность, Виктория взяла ручку. Поставила подпись, потом вызвала дежурного.

— Подготовить женскую группу к выезду завтра в восемнадцать ноль-ноль.

— Цель?

— Закрытое мероприятие.

— Полный состав?

Стрелецкая посмотрела на бумагу.

— Полный.

Дежурный ушёл, Виктория осталась одна. На столе лежала карточка Володи — старая школьная фотография, которую она держала в ящике много лет. Мальчик улыбался, не зная, что через несколько лет исчезнет. Она закрыла ящик, работа требовала порядка.

В убежище закончились антибиотики. У одного из недавно спасённых прометеев загноилась рана на бедре. Обычная рана — не от штамма, не от сверхспособности. Осколок грязного металла, который никто вовремя не вытащил. Парня трясло от температуры.

— Переживёт, — сказала Мороз.

Врача среди них тоже не оказалось, поэтому Михаил сам держал парня, пока Лариса искала антибиотики.

— Может, — ответил Михаил.

— На склад идти нельзя. Сегодня район патрулируют.

— Поэтому пойду я.

Мария засмеялась коротко.

— Ты сейчас самый узнаваемый человек страны после Генсека.

— Генсек на склад не пойдёт.

— Очень смешно.

Стриж поднялся.

— Я с ним.

Лариса тоже взяла куртку.

— И я.

Они вышли через технический люк ближе к полуночи. Склад районной поликлиники охранял сторож, который спал у радиоприёмника. Лариса открыла замок, Артём стоял у двери, а Михаил нёс ящик. На обратном пути они прошли мимо киоска. На витрине висел новый журнал. На обложке — старый портрет Красного Богатыря, перечёркнутый красной полосой. «ПАДЕНИЕ ГЕРОЯ: ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МИХАИЛОМ ДОБРЫНЦЕВЫМ». Михаил остановился, продавщица внутри подняла глаза. Узнала. Её лицо изменилось мгновенно. Страх. Она потянулась к телефону.

Артём тихо сказал:

— Миша.

Михаил мог разбить стекло, вырвать провод, схватить женщину и объяснить, кто он на самом деле. Вместо этого просто пошёл дальше, через квартал его шаг стал тяжелее. Артём заметил, как Михаил невольно перенёс ящик на обе руки и начал беречь больное плечо.

— Опять?

— Да.

— Она уже тянется к телефону, — сказал Артём. — Нам лучше исчезнуть до того, как сюда приедут люди, которым не нужны объяснения.

Михаил нёс антибиотики обеими руками.

— Значит, парень будет жить, а я стану слабее.

Импульс посмотрела на него.

— Несправедливо.

— Привыкай.

Когда они вернулись, больной прометей был почти без сознания. Михаил сам держал его, пока Импульс колола антибиотик. Ночью парень перестал гореть от температуры: Михаил дежурил рядом. Под утро Стриж проснулся, подошёл к больному и несколько секунд следил, как ровно поднимается его грудь. Михаил по-прежнему сидел у двери.

— Иди спать, — сказал Артём.

— Потом.

— Я постою.

— Спи.

Артём лёг обратно, уверенный, что Михаил останется у двери, и впервые за несколько лет быстро уснул. Сам Михаил почувствовал перемену лишь через минуту: боль в плече, мучившая его последние дни, стала слабее. Вместо миллионов оказалась достаточна вера одного человека — одного человека в подвале, который действительно считал, что рядом с Михаилом можно спать спокойно. Этого хватило, чтобы тело вспомнило маленькую часть прежней силы. Михаил посмотрел на руки, остался серьёзен и запомнил этот момент.

Утром они снова собрались у стола: Павел хотел передать запись за границу.

— Есть частоты. Дойду до передатчика, попробую.

Лариса покачала головой.

— Одного голоса мало.

— Там Стрелецкая.

— КГБ скажет монтаж.

— Есть крик пленника.

— Скажут псих.

— Есть «Триумф».

— Скажут название юбилейного концерта.

Мария ударила ладонью по столу, по краю пошёл иней.

— Тогда берём Дроздова и спрашиваем у него в прямом эфире.

— Очень реалистично, — сказала Темп.

— У тебя лучше?

— Украсть оригинал приказа.

Ирина покачала головой.

— Бумага без эфира ничего не значит.

Артём слушал спор. Потом вдруг сказал:

— Забавно.

— Что? — спросил Сергей.

— Мы десять минут обсуждаем не кого убить.

Все замолчали.

— А что? — спросила Мария.

— Как сделать, чтобы люди увидели.

Мария отвернулась, Михаил посмотрел на каждого.

— Тогда две задачи. Первое: выяснить, что такое «Триумф». Второе: найти способ говорить со всей страной одновременно.

Камертон усмехнулся.

— Технически почти невозможно.

Лариса открыла банку тушёнки.

— Слово «почти» в КГБ обычно означает, что кто-то плохо спрятал запасной вход.

Виктор положил на стол металлический кусок от Громилы.

— И третье.

Мороз закатила глаза.

— Медведь.

— Медведь.

Михаил посмотрел на маркировку.

— Если он связан с той же инфраструктурой, это не отдельная задача.

Рубеж кивнул.

— А если не связан?

Михаил вздохнул.

— Тогда всё равно найдём.

Мария посмотрела на него.

— Приют для несчастных.

— Нет, — сказал Михаил. — Просто нас слишком долго учили, что спасать можно только полезных.

После собрания Фантом задержала Михаила, остальные разошлись по делам. Мария унесла банку тушёнки в свой ледяной отсек. Виктор повёл к выходу трёх дворняг, которых за последние недели по одной притащил к убежищу, Павел снова сел к магнитофону. Сергей начал ругаться с трубой, которую вчера уже «окончательно» починил. Ирина осталась у стола.

— Ты правда видел это раньше? — спросила она.

Михаил не притворился, что не понял.

— Да.

— В «Заре»?

— В других местах тоже.

— И сколько раз ты сказал себе, что это не твоё дело?

Он посмотрел на книжку под ножкой стола.

— Не считал.

Ирина стала полупрозрачной, сквозь её плечо проступила кирпичная стена.

— Я считала.

Михаил поднял глаза.

— Ирина...

— Не перебивай. Ты любишь не оправдываться — вот и послушай.

Она села напротив.

— Первый раз мне было пятнадцать. Мне объяснили, что я полезная. Не для боя. Не для разведки. Просто полезная. У меня была способность исчезать, когда страшно. Они придумали, что это делает меня особенно удобной. Мужчина мог видеть ровно столько, сколько хотел. Или вообще ничего. Очень смешная государственная функция.

Михаил молчал, Ирина смотрела на собственные руки. Они то появлялись, то исчезали.

— Отец работал в системе. Не большой человек. Средний. Он знал, куда меня повезли. Сначала говорил: потерпи, это временно. Потом — служба. Потом — ты сама должна понимать, сколько государство на тебя потратило. А однажды я увидела его на приёме.

Она усмехнулась.

— Не как отца. Как гостя.

Михаил тяжело выдохнул.

— Мне жаль.

— Я не для жалости рассказываю.

— Знаю.

— Нет. Ты всё время говоришь, что мы не должны становиться как они. Хорошее правило. Но ты должен понимать, почему Мороз хочет всё взорвать. Почему я иногда хочу. У нас не было роскоши постепенно разочароваться.

Михаил кивнул.

— Я знаю.

— Опять это слово.

— Тогда скажу точнее. Я не могу знать так, как ты.

Ирина впервые посмотрела на него без злости.

— Лучше.

Она стала полностью видимой.

— Если мы пойдём в «Зарю», я иду внутрь.

— Мы ещё не решили.

— Я решила.

— Ирина.

— Я не прошу разрешения.

— Тогда зачем говоришь?

Она подумала.

— Чтобы ты знал, кого вытаскивать, если всё пойдёт плохо.

Михаил кивнул.

— Договорились.

— И ещё.

— Что?

— Если увидишь меня там и я исчезну не по плану — вытащи. Иногда я до сих пор исчезаю не потому, что хочу.

— Вытащу.

— Не обещай красиво.

— Тогда просто сделаю.

Ирина поднялась, у двери остановилась.

— Когда я впервые увидела тебя на плакате, мне было лет двенадцать. Я думала, если со мной случится что-то плохое, Красный Богатырь придёт.

Михаил закрыл глаза.

— Не надо.

— Надо. Потому что потом мне было пятнадцать, и ты не пришёл.

Она ушла, Михаил долго сидел один. На обложке детской книжки нарисованный герой всё ещё улыбался. Настоящий перевернул её лицом вниз.

Утром в казармах женщин Красного Легиона вызвали отдельно. Стрелецкая стояла у окна. На столе лежал приказ без названия объекта. Валентина пришла первой. Аврора — последней, с чашкой кофе, который здесь называли кофе в силу государственной дисциплины, а не вкуса. Ласточка села на подоконник, Анна осталась стоять.

— Сегодня в восемнадцать ноль-ноль выезд на закрытое протокольное мероприятие, — сказала Виктория.

Зоя посмотрела на неё поверх чашки.

— Куда?

— Дом отдыха.

Нина перестала болтать ногой.

— Какой?

Стрелецкая с ответом помедлила, и этого хватило. Аврора поставила чашку.

— «Заря»?

— Да.

Тишина. Икона посмотрела в пол. Родина-Мать сохранила выражение лица, но Валентина была слишком хорошо обучена, чтобы не понимать. Она просто умела превращать понимание в дисциплину.

— Присутствует высший состав? — спросила она.

— Да.

— Наша задача?

— Протокольное сопровождение. Дополнительные указания на месте.

Нина коротко рассмеялась.

— «Дополнительные».

— Соловьёва.

— Что? Я просто люблю точные слова.

Зоя смотрела на Стрелецкую.

— Участие обязательное?

— Да.

— Боеготовность на следующий день учитывали?

— Мероприятие завершится до утра.

— Я не об этом.

— Я понимаю.

— Тогда скажите прямо.

Стрелецкая слегка прищурилась.

— Что именно вы хотите услышать?

— Что мы можем отказаться.

— Не можете.

Зоя кивнула.

— Спасибо. Вот теперь прямо.

Валентина повернулась к ней.

— Зоя.

— Что?

— Не здесь.

— А где? В «Заре»?

Валентина сжала челюсть, Зоя заметила это и неожиданно остановилась. Раньше её раздражала готовность Родины-Матери оправдывать всё, а теперь впервые стало видно другое: Валентина чувствовала происходящее слишком хорошо и каждый раз заставляла себя считать собственное чувство второстепенным. Анна спросила:

— Я нужна как врач?

Стрелецкая посмотрела на неё.

— В том числе.

— Значит, кто-то заранее ожидает травмы.

— На мероприятиях такого уровня медицинское обеспечение обязательно.

— Конечно.

Анна улыбнулась без тепла, Ласточка спрыгнула с подоконника.

— Можно хотя бы поесть заранее?

Все посмотрели на неё.

— Что?

— Я серьёзно. Я на нервах голодная, а там обычно кормят только тех, кто в костюмах подороже.

Зоя фыркнула. Стрелецкая сказала:

— Столовая будет открыта до выезда.

— Вот. Уже забота.

— Нина, — тихо сказала Валентина.

— Ладно.

Стрелецкая собрала бумаги.

— Форма парадная. Без оружия, кроме согласованного. Родина-Мать — серп и молот остаются в казарме.

Валентина впервые подняла бровь.

— Я должна прибыть без оружия?

— Это закрытый приём.

— Я не спрашивала, какой это приём.

Виктория встретила её взгляд.

— Да. Без оружия.

Родина-Мать кивнула.

— Есть.

Когда они вышли, Аврора осталась.

— Тебе что-то нужно? — спросила Стрелецкая.

Зоя закрыла дверь.

— Вы когда-нибудь говорили «нет»?

— Много раз.

— Не мне. Им.

Виктория молчала.

— Дроздову. Петрову. Любому из тех, кто решает, что мы сегодня герои, а вечером товар.

— Следите за формулировками.

— Вот это и есть ответ.

— Моя работа — сохранять подразделение работоспособным.

— Работоспособным.

Аврора повторила слово так, будто пробовала на вкус что-то испорченное.

— Поэтому вы иногда не даёте им нас ломать слишком сильно?

— Если хотите упростить до оскорбления — пожалуйста.

— Нет. Я хочу усложнить до правды.

Стрелецкая встала.

— Правда в том, что без контроля люди с вашими способностями представляют угрозу для миллионов.

— И поэтому несколько десятков людей получают право делать с нами что хотят?

— Я не говорила этого.

— Вы подписали бумагу.

Зоя посмотрела на приказ.

— Иногда подпись говорит лучше.

Она вышла, Виктория осталась одна. Через дверь донёсся голос Ласточки:

— Я говорила, надо было съесть их всех в детстве!

Зоя засмеялась, даже Икона что-то ответила. Стрелецкая закрыла папку. Ей хотелось вызвать Зою обратно и объяснить, что отказ ничего не изменит. Что Дроздов найдёт другую форму давления. Что если Виктория потеряет контроль, женщин отправят туда без неё, и тогда будет хуже. Что её присутствие хотя бы ограничивает крайности. Она не позвала. Потому что слишком хорошо слышала, как эти объяснения звучат со стороны.

Перед выходом Михаил проверял крепления старой брони. Импульс сидела рядом и меняла пряжку.

— Она тебе велика, — сказала Лариса.

— Я похудел.

— Ты ослаб.

— Спасибо за точность.

— Броня рассчитана на тело, которое могло принять удар из пушки.

— Оно всё ещё здесь.

— Не уверен.

Михаил посмотрел на неё, Лариса не отвела глаз.

— Я не издеваюсь. Просто если тебя сейчас попадут из крупного калибра, плакат не поможет.

— Учту.

Лариса затянула ремень.

— Знаешь, что самое странное?

— Что?

— Я видел тебя в семьдесят девятом в Харькове. Ты тогда вытаскивал людей после взрыва котельной.

Михаил нахмурился.

— Был там.

— Я стоял за оцеплением. Ты поднял плиту, под которой лежала семья. Все вокруг орал твоё имя. Я тоже.

— И?

— А через два года ты участвовал в зачистке, где погиб мой друг.

Михаил медленно кивнул.

— Знаю.

— Нет, фамилию не знаешь.

— Скажи.

— Не хочу. Пока.

Импульс закончила с пряжкой.

— Я это к чему. Тогда в Харькове я верил тебе. По-настоящему. Потом ненавидел. Тоже по-настоящему. А сейчас я сижу и чиню твою броню.

— Люди непоследовательны.

— Или ты.

Михаил усмехнулся.

— Это ближе.

— У тебя сила от веры. А если человек верит, что ты одновременно герой и мудака?

— Видимо, получаю среднюю мощность.

Лариса рассмеялась.

— Наука.

— Советская.

— Значит, обязательно нужен акт испытаний.

Он встал, Михаил надел броню. Она действительно сидела свободнее, Лариса протянула ему ремень.

— Не умри. Я на эту пряжку полчаса потратила.

— Вот теперь мотивация.

В тот же день Иволгин получил первые данные после телевизионного сюжета. Социологическая группа работала неофициально. Вопросы задавали на предприятиях, в воинских частях, в нескольких вузах. «Считаете ли вы Михаила Добрынцева героем?» Ещё месяц назад положительных ответов было семьдесят восемь процентов. Теперь — сорок один: Иволгин обвёл цифру карандашом.

— Быстро, — сказал молодой редактор.

— Медленно.

— Почти вдвое.

— Нам нужно ниже двадцати к седьмому ноября.

— Зачем именно к седьмому?

Иволгин поднял глаза, редактор понял, что спросил лишнее.

— Для юбилейного контекста, — быстро добавил он.

— Именно.

Иволгин закрыл папку. Он не знал точной физиологии дара Михаила. Ему объяснили только главное: общественное доверие коррелирует с боевой эффективностью. Для пропагандиста это было почти оскорбительно очевидно. Всю жизнь он доказывал, что слова меняют материальный мир. Наконец появился человек, на котором это можно было измерить приборами. Вечером Камертон резко поднял голову. Через бетон и арматуру к нему пришёл чужой ритм возле одного из запасных выходов: один человек бежал, спотыкался и сбивал шаг, за ним двигались трое — ровно, без спешки.

— Кто-то к нам, — сказал Павел.

Михаил поднялся.

— Наш?

— Не знаю.

Они подошли к смотровой щели в старой вентиляционной камере. Через решётку был виден двор между гаражами. Туда выбежал мужчина в ватнике. Михаил узнал его: Костя по прозвищу Фонарик, мелкий торговец с Чёрного рынка. Иногда приносил батарейки, лекарства и слухи — не союзник. Просто человек, который любил деньги больше страха. Сегодня страх догнал. Фонарик добежал до стены и понял, что тупик. Трое Санитаров вошли следом.

— Мужики, — сказал он, поднимая руки. — Ошибка какая-то.

— Конечно, — ответил старший.

— Я вообще ничего не знаю.

— Тем лучше.

Фонарик посмотрел на замаскированную дверь, за которой прятались люди Михаила. Он знал, где она, Михаил понял это по его глазам.

— Если откроем, выдадим вход, — прошептала Лариса.

Мария уже стояла рядом, на пальцах у неё выступил иней.

— Убьём их.

— Троих можем, — сказал Стриж. — Потом придут тридцать.

Во дворе старший Санитар достал нож — не пистолет. Нож.

— Я скажу, — быстро заговорил Фонарик. — Что хотите. Я всё скажу.

— Уже сказал.

— Кому?

— Не нам.

Санитар ударил ножом под рёбра, фонарик вскрикнул и согнулся. Второй сотрудник удержал его за волосы, старший вытащил лезвие. Кровь пошла густо, почти чёрной полосой по ватнику.

— Где они?

— Не знаю.

Новый удар. Ниже.

— Где?

Фонарик смотрел прямо на замаскированную дверь, Михаил видел его глаза через щель. И видел момент выбора, мужчина мог показать пальцем. Получить ещё минуту жизни, может десять. Он сплюнул кровь.

— В мавзолее, — прохрипел он.

Санитар нахмурился.

— Что?

— Под Лениным. Все там.

Мороз тихо засмеялась, старший ударил ножом в горло. Лезвие вошло сбоку и раскрыло шею почти до трахеи. Кровь ударила на стену толчками в ритме сердца, фонарик схватился за рану обеими руками, но жидкость хлынула между пальцами. Он попытался вдохнуть и вместо воздуха втянул собственную кровь, захрипел, выкашлял красные пузырьки и упал на колени. Санитар дал ему рухнуть лицом вниз, где под щекой быстро растеклась тёмная лужа.

— Шутник, — сказал второй.

— Обыскать.

Они вывернули карманы умирающего. Забрали деньги, пачку сигарет и дешёвые часы. Фонарик ещё двигался, ноги скребли асфальт. Старший наступил ему на шею сапогом и надавил, пока движение не прекратилось. Потом трое ушли. Никто в убежище не говорил несколько минут. Мария первой повернулась к Михаилу.

— И это тоже твои правила?

Он смотрел на тело за решёткой.

— Да.

— Мы могли их убить.

— Могли.

— Он умер, потому что мы не вышли.

— Да.

— И ты всё равно считаешь, что прав?

Михаил медленно покачал головой.

— Нет.

Мария замерла.

— Тогда что?

— Я считаю, что иногда правильного решения нет. Есть только решение, после которого ты ещё сможешь жить с тем, кого выбрал не спасти.

— Удобно.

— Нет.

Михаил открыл скрытую дверь только после того, как Стриж убедился, что патруль ушёл. Они вытащили тело Фонарика внутрь. В кармане ватника нашли пачку батареек, две ампулы пенициллина и сложенную бумажку с адресом. Импульс развернула. Там был написан номер той самой «Волги», за которой следили Фантом и Темп. Ниже одно слово: «ЗАРЯ». Мария смотрела на мёртвого.

— Значит, он шёл к нам.

— Да, — сказал Михаил.

— И не выдал.

Стриж наклонился к телу и закрыл Фонарику глаза.

— Теперь точно нет.

Они похоронили его ночью в давно высохшем техническом колодце. Сергей вырезал на кирпиче только имя — КОСТЯ, без прозвища, звания и номера объекта. Михаил стоял рядом и чувствовал, как ещё один человек, умерший из-за их войны, становится частью счёта, который никто никогда не оплатит. После похорон Виктор положил рядом с кирпичом найденную у Фонарика пачку сигарет.

— Он курил дешёвые, — сказал Виктор.

— Это не те? — спросил Урал.

— Те. Пачку я запомнил.

Мороз прислонилась к стене колодца.

— Мы даже не знали его фамилию.

— Знали бы, если бы чаще спрашивали, — ответил Михаил.

— Ты теперь решил спрашивать у всех фамилии?

— Попробую.

— И поможет?

— Нет. Но когда их убьют, хотя бы будем знать, кого потеряли.

Мария посмотрела на него и ничего не сказала. На обратном пути Павел шёл последним. Камертон ещё долго слышал, как в пустом колодце осыпается мелкая кирпичная крошка на крышку, которой они закрыли тело. Для остальных Костя исчез сразу, как только люк встал на место, для Павла звук продолжал жить ещё несколько минут. В этом подземном мире всё исчезало не одновременно. Сначала человек пропадал из поля зрения, потом из разговоров, потом из памяти. Последней обычно уходила какая-нибудь бытовая мелочь: запах табака, шутка, привычка стучать ногтем по столу.

Артём решил запомнить дешёвые сигареты, которые Костя так и не успел докурить, это было мало. Но государство строило свою власть на том, что люди становились номерами. Иногда сопротивление начиналось с фамилии, иногда — хотя бы с имени. За стеной загудел поезд. Над ними Москва открывала магазины, включала радио, отправляла детей в школу и читала новые статьи о падении Красного Богатыря. Под землёй люди, которым на плакатах места не нашлось, начинали планировать, как заставить страну увидеть то, что было вырезано из кадра. И где-то в «Заре» Мадам уже переставляла карточки женщин по комнатам, потому что великие государственные операции, как и самые грязные преступления, всегда требовали хорошей рассадки.

После похорон Кости никто не разошёлся спать. В подземелье вообще плохо понимали слово «ночь». Лампочки горели одинаково жёлто в любое время, трубы одинаково гудели, а часы приходилось сверять по радиопередачам сверху. Но усталость всё равно находила людей по старой памяти. Фантом вернулась ближе к трём. Она появилась посреди комнаты лишь спустя мгновение. Сначала на пустом стуле возникла пачка документов. Потом рука, затем плечо и лицо.

— Курьерская машина была не одна, — сказала она.

Темп вошла следом и сразу села на пол. Оксана выглядела так, словно несколько часов подряд жила в мире, который двигался не с той скоростью. Под глазами легли тёмные полукружья, в пальцах дрожала цепочка часов.

— Сколько? — спросил Михаил.

— Четыре маршрута. Один — управление. Один — больница. Один — «Заря». Ещё один уходит к телецентру.

Лариса развернула карту.

— Телецентр зачем?

— Праздник, — сказала Ирина.

— Для праздника туда возят сценарии, не секретные конверты.

— Этот был в металлическом кейсе и с двумя вооружёнными сопровождающими.

Павел поднял голову.

— Номер машины?

Она назвала. Он закрыл глаза, вспоминая звуки, пойманные с площади.

— Та же серия.

Мария стояла у стены, скрестив руки.

— Берём курьера.

— Нет, — сказал Михаил.

— Опять?

— Если он пропадёт, маршрут поменяют.

— А если не пропадёт, мы продолжим сидеть в канализации и слушать, как нас готовятся убить.

— Проследим.

— До какого момента? Пока чемодан не положат Дроздову на стол?

— Пока не поймём, где слабое место.

Мария шагнула к нему.

— Ты всё ещё думаешь как человек, которому дадут второй шанс, если он будет вести себя правильно.

Комната замолчала, Михаил выдержал взгляд.

— Возможно.

— Нас не простят.

— Знаю.

— Тогда чего ты боишься?

Он посмотрел на людей вокруг. Артём каждые полминуты выскакивал на поверхность, проверял квартал и возвращался. Урал заставлял толстую иглу саму проходить через порванный рукав, двигая металл едва заметным полем. Виктор делил кусок колбасы между тремя уже освоившимися в убежище собаками. Лариса держала карту прижатой кружкой, чтобы бумага не сворачивалась. Оксана, несколько раз растягивавшая для себя чужие секунды, уже задремала прямо на полу.

— Боюсь стать человеком, который решит, что раз нас не простят, значит нам можно всё.

Мария усмехнулась без веселья.

— Поздновато для совести.

— Да.

Это «да» снова лишило её удобного противника. Она отвернулась, Артём вдруг поднял палец.

— Тихо.

Все замерли, наверху остановилась машина. Артём исчез в лестничном пролёте и вернулся через несколько секунд с поверхности: двигатель, четыре двери, тяжёлые шаги. Потом наверху звякнул металл.

— Что там? — спросил Виктор.

— Что-то разгружают в старый хозяйственный корпус.

Камертон подошёл к стене. Через трубы пришёл приглушённый голос:

— Осторожно. Архивный пакет номер шестнадцать. Не переворачивать.

Импульс медленно посмотрела на карту. Хозяйственный корпус находился в двух кварталах от «Зари».

— Вот вам слабое место, — сказала она.

Михаил наклонился над схемой, Мороз тоже подошла. Спор не закончился, никто не изменил характер. Никто не стал доверять друг другу больше, чем пять минут назад. Но на

карте появилась новая отметка. Для людей из старой диспетчерской это уже считалось хорошим утром. Сергей воткнул иглу в рукав, затянул узел зубами и сказал:

— Если полезем туда, сначала поедим.

Мария посмотрела на него.

— Сейчас?

— Революция революцией, а банка тушёнки одна. Если нас убьют голодными, я обижусь.

Лариса рассмеялась первой. Через минуту уже спорили, кому достанется последняя ложка. Над ними страна готовилась обсуждать героев. Под землёй люди, которых официально не было, делили холодную тушёнку и впервые имели адрес, по которому можно было искать правду.

Перед рассветом Михаил нашёл Темп спящей у карты и накрыл старым армейским одеялом. Оксана проснулась от движения.

— Не надо заботиться. Я не ребёнок.

— Это одеяло, не усыновление.

Она посмотрела на часы.

— Я сегодня прожила лишних пять часов.

— Из-за способности?

— Из-за вас всех. Споры медленнее времени.

Михаил улыбнулся.

— Жалеешь, что пришла?

— Каждый день.

— Почему не уходишь?

Оксана закрыла глаза.

— Потому что каждый раз, когда уйду, через день сама возвращаюсь. Только идти потом дальше.

— Упрямая привычка.

— Ненавижу людей, которые так говорят.

Он поправил край одеяла и отошёл, Оксана снова посмотрела на карту. Над одной точкой Фантом поставила крестик — «Заря». Оксана коснулась часов. На секунду комната замерла: капля воды зависла у трубы, пламя керосинки перестало дрожать, Михаил застыл на шаге. Она тут же отпустила время.

— Не сейчас, — сказала она себе.

Оксана впервые берегла секунды для собственного будущего, оставив приказы в прошлом. Перед тем как погасить свет, Лариса приколотла к карте найденную пачку Костиных спичек, на следующий день она всё ещё висела рядом с отметкой «Заря» — маленький бытовой предмет среди маршрутов и целей. Михаил заметил её и промолчал. Люди из старой диспетчерской начинали обзаводиться памятью вместо символов.

На вывеске было написано: «Дом отдыха работников культуры». Под вывеской стоял вооружённый человек без знаков различия и проверял удостоверения у генералов. За воротами начиналась аккуратная аллея. Белёные бордюры, подстриженные кусты, голые берёзы, фонари с жёлтым светом. В конце аллеи возвышался трёхэтажный корпус, построенный так, чтобы выглядеть одновременно скромно и дорого. Советская власть не любила слово «роскошь», поэтому роскошь здесь называлась улучшенными условиями. Машины подъезжали одна за другой.

Чёрные «Волги». Несколько «Чаяк». Один микроавтобус с затемнёнными окнами. Военные номера, партийные номера, номера, которые ничего не говорили обычному инспектору ГАИ и слишком многое — тому, кто умел их читать. Мадам стояла в холле и встречала гостей. Она знала, кто предпочитает армянский коньяк, кто грузинское вино, кто запрещённую французскую пластинку, кто не любит зеркала, а кто, наоборот, требует их больше. Знала, кому нельзя давать смешивать напитки из-за сердца, кто становится агрессивным после третьей рюмки, кто любит говорить о морали перед тем, как нарушить все её разновидности.

Раиса Петровна носила строгий тёмный костюм и жемчужную брошь. Если бы случайный человек увидел её в фойе, решил бы, что перед ним директор санатория для ответственных работников. В каком-то смысле так и было.

— Товарищ секретарь, рада видеть. Ваш кабинет готов.

— Генерал, бассейн прогрет.

— Николай Сергеевич, врач просил напомнить: после полуночи вам лучше не...

— Раиса, не учи жить.

— Никогда. Только стараюсь продлить жизнь достаточно, чтобы вы приехали ещё раз.

Гость засмеялся, Мадам улыбнулась. В гардеробной принимали пальто, в баре уже стояли банки с икрой, финская колбаса, шоколад и импортные сигареты, а за стеной играла музыка, которую государственное радио называло идеологической распущенностью. Здесь музыка слу-

жила фоном для оргии: в боковых комнатах уже раздевались, кто-то занимался сексом прямо на диване за полуоткрытой дверью, а персонал спокойно менял использованные простыни и уносил бокалы, словно всё происходящее было обычным банкетом. Светящаяся девушка стояла в центре главного зала и мягко светила, Мадам не любила яркость. «Мягче. Мы не в операционной». Тёплый золотистый свет скрывал морщины гостей, пот, размазанную косметику и синяки тех, кого они использовали.

Девушка с искрами сидела на высокой лестнице и выпускала под потолок крошечные огни, плававшие между люстрами, пока под ними гости пили, раздевались и выбирали, с кем уйти в комнаты. Летающая девушка медленно парила над сценой, опутанная красной тканью, движение выглядело почти красивым, если забыть, что страховочный трос закрепили не ради её безопасности, а чтобы она не смогла улететь, когда очередной гость решит продолжить с ней оргию в отдельном номере. Девушка, управлявшая холодом, ждала возле бассейна. Мужчины выходили из сауны голыми, лапали её, требовали холодных прикосновений и отпускали пошлые шутки, заранее зная, что отказа здесь расписанием не предусмотрено.

Девушка, менявшая запах кожи, стояла у дегустационного стола и по команде меняла запах — яблоко, мёд, ваниль. Гости обсуждали её тело тем же тоном, каким пять минут назад спорили о сортах осетрины, а потом один из них без стеснения спросил, сохранится ли запах во время секса. Никто за столом не счёл вопрос неприличным. Та, что копировала голоса, развлекала компанию.

— Скажи как моя жена, — попросил один полковник.

Девушка с чужими голосами посмотрела на него.

— Я не знаю вашу жену.

— Да все они одинаково говорят.

Мадам оказалась рядом раньше, чем выражение лица девушки с чужими голосами успело стать опасным.

— Лучше актрису, товарищ полковник. Девушка с чужими голосами прекрасно делает Орлову.

Девушка заговорила голосом знаменитой актрисы, все засмеялись, и полковник на время забыл прежнюю просьбу. В соседнем зале женщина, умевшая оставлять на коже точные следы и быстро убирать их, обслуживала гостей, которым нравилось смешивать секс с болью: они заказывали царапины, полосы и синяки, а потом требовали убрать следы, чтобы утром вернуться к семьям без объяснений. Галина перемещалась между кабинетами, делая прозрачными ладони, лицо или проходя через тонкую перегородку, когда гостям хотелось очередного «чуда». В одной из комнат уже трахались двое чиновников с приглашёнными женщинами, дверь оставили открытой, потому что стесняться здесь было принято только снаружи. Неподвижная девушка сидела в кресле и уже почти не присутствовала.

Она умела замедлять телесные реакции до состояния, похожего на глубокую кататонию: пульс редел, дыхание почти исчезало, взгляд уходил внутрь. Для боя способность сочли бесполезной, зато в документах быстро обнаружили другое применение — женщину, которая почти

не двигается, удобно отдавать гостям, привыкшим считать чужое согласие лишней формальностью. Девушка использовала способность по собственной причине: во время секса и унижений она уходила настолько глубоко внутрь себя, насколько могла, надеясь, что если сознание отступит достаточно далеко, телу достанется меньше её самой.

Женщин Красного Легиона привезли в отдельной машине. Валентина сидела у двери в парадной форме. Без серпа и молота она выглядела непривычно. Будто памятнику сняли пьедестал и предложили пройти пешком. Аврора смотрела в окно. Нина сидела напротив и раскачивала колено так быстро, что ткань юбки дрожала. Икона держала руки на коленях, Стрелецкая ехала впереди них.

Перед выездом всех по одной провели через маленькую комнату без окон. Валентине показали фотографию Кати, сделанную тем же днём возле школы: дочь шурилась на холодном солнце и держала под мышкой учебник алгебры. На обороте стояло время. Зое сообщили, что Елену Рябову «в целях безопасности» перевезли на ведомственную дачу. Нине дали двадцать секунд телефонного разговора с родителями. Тамара спросила, почему возле дома снова дежурит машина, Виктор на заднем плане ругался на плохо работающий телевизор. Анне показали снимок матери у продуктового магазина. В стекле витрины отражался мужчина в штатском.

Никто не произнёс слово «заложник». Его не существовало в документах.

— Ещё раз, — сказала Виктория уже в машине. — Это закрытая оргия для высшего состава, хотя в приказе она названа «мероприятием государственного значения». Любые конфликты недопустимы. Если кто-то потребует от вас секс или иное «специальное обслуживание», требования проходят через меня. Самовольное применение способностей запрещено.

— Каких требований? — спросила Родина-Мать.

Стрелецкая посмотрела ей в глаза, Валентина уже знала ответ. Но хотела заставить его существовать словами.

— Любых.

— Отказ допустим?

Пауза была короткой.

— Нет.

Ласточка перестала качать ногой, Зоя закрыла глаза. Анна смотрела на свои пальцы, будто проверяла, всё ли ещё принадлежит ей. Родина-Мать кивнула.

— Поняла.

Это «поняла» прозвучало хуже крика.

— Где Катя? — спросила Валентина.

— В безопасном месте.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Нина посмотрела на Стрелецкую.

— А мои родители?

— Тоже.

— Если мы сейчас развернём машину?

— У каждой группы сопровождения свой порядок действий. До утра я отправляю подтверждения отмены. Если связь со мной пропадёт, вступают резервные инструкции.

Нина перестала качать ногой совсем.

— То есть если я за секунду убью вас, Дроздова и всех в этой даче...

— Вы, возможно, успеете, — сказала Стрелецкая. — А потом в Рязани офицер, которого вы никогда не видели, не получит мой код.

Молчание стало плотным.

— И Коллектив, — продолжила Виктория. — Аркадий держит вас на фоновой связи с момента выезда.

Нина почувствовала его только после этих слов: тонкое чужое присутствие у основания мыслей, привычное и ненавистное. Она решила поднять правую руку. Не подняла. Для остальных не произошло ничего. Для Ласточки прошли долгие секунды, в течение которых мышцы слушались не её. Потом пальцы снова стали её.

— Сука, — тихо сказала Нина.

Голос Аркадия возник прямо в голове, спокойный и почти безэмоциональный:

«Не проверяй второй раз».

— А если Жуков решит быть человеком? — спросила Аврора вслух.

Стрелецкая ответила не сразу.

— У Жукова есть Вера. И медицинский контур. Система не строится на доверии к одному человеку.

Валентина смотрела на фотографию дочери, которую так и не отдала обратно.

— Если кто-то выйдет за рамки, — продолжила Стрелецкая, — обращаетесь ко мне.

Аврора тихо рассмеялась.

— А рамки кто устанавливает?

— Я.

— Вот и отлично.

Нина сказала:

— Я всё равно успею убить всех в здании до того, как первый стакан упадёт на пол.

— Возможно.

— Просто техническое наблюдение.

— А я технически напоминаю: скорость заканчивается там, где начинается решение.

Машина остановилась, через стекло был виден освещённый вход. Зоя сказала:

— Добро пожаловать на праздник народа.

В холле висел плакат Родины-Матери, Валентина увидела его сразу. На плакате она держала серп и молот, а за её спиной женщина прижимала к себе ребёнка. Надпись гласила: «СИЛА РОДИНЫ — В ЗАЩИТЕ КАЖДОГО». Под плакатом стояли двое мужчин с орденами. Один заметил Валентину.

— Гляди, — сказал он второму. — Оригинал сегодня доступнее репродукции.

Они засмеялись, Валентина могла убить обоих одним движением. Буквально. Если бы она ударила первого ладонью, голова отлетела бы к стойке гардероба. Второго можно было бросить сквозь стену так далеко, что он умер бы прежде, чем понял причину полёта. Она стояла неподвижно. У одного из мужчин на груди была медаль «За трудовую доблесть». Почему-то тяжелее всего оказалась медаль. Человек, публично награждённый за служение государству, считал происходящее естественным продолжением этой службы. Аврора увидела, куда смотрит Валентина.

И впервые за долгое время почувствовала к ней не раздражение, а сочувствие. Валентина поймала её взгляд, обе промолчали, но между ними впервые появилась маленькая общая территория — вне приказа и лозунга.

Дроздов приехал в девять, он не был пьян. Родионов — уже был. Генерал МВД сидел в главном зале с расстёгнутым воротом и рассказывал анекдот о КГБ так громко, что охрана делала вид, будто не слышит. Иволгин стоял у бара с двумя телевизионщиками и обсуждал будущий эфир.

— Если камера берёт площадь с этой точки, дым должен идти в сторону собора, иначе перекроет мавзолей, — говорил он.

— Ветер может поменяться.

— Значит, дым должен быть управляемым.

— Это взрыв, а не павильон.

— У вас всё невозможное до тех пор, пока партия не назначит дату.

Дроздов вошёл, поздоровался с Мадам, спросил о готовности отдельного кабинета и сразу прошёл туда. Родионов поднял бокал.

— Вот и хозяин зверинца!

Дроздов посмотрел на него.

— А вы уже начали портить государственное имущество, Алексей Павлович?

— Я только проверяю качество.

— Тогда хотя бы не ломайте то, за что платить моему ведомству.

Родионов засмеялся.

— Всё у вас ведомственное. Даже бабы.

Стрелецкая услышала, Зоя тоже. Родина-Мать — тем более, все промолчали.

Первый час действительно напоминал официальный приём: тосты, разговоры, поздравления с десятилетием Легиона и фотографии с Родиной-Матерью. Затем двери закрыли, галстуки начали исчезать, алкоголь победил остатки протокола, и банкет без объявления превратился в оргию. В боковых комнатах занимались сексом, в центральном зале чиновники лапали обслуживавших их женщин и обсуждали чужие тела вслух, а охрана следила лишь за тем, чтобы наружу не вышел человек, плёнка или бумага. Один секретарь обкома ещё недавно рассказывал Валентине, как его внука спит с игрушечным молотом под подушкой.

— Вы для детей пример, — сказал он.

Через десять минут этот же человек спросил Стрелецкую, можно ли «забронировать Валентину на позднее». Виктория ответила, что расписание согласовывает Мадам, Валентина

слышала. Она продолжала стоять прямо. Государство годами учило её выдерживать артиллерийский огонь. Оказалось, что самые тяжёлые удары не оставляют вмятин. Аврору увели в малый зал. Перед этим Иволгин поймал её у двери.

— Кстати, по юбилейному костюму есть идея.

— Какая?

— Чуть открыть плечи. Молодёжи нужен живой образ.

Один партийный работник рядом сказал:

— И не только молодёжи.

Зоя посмотрела на него. Плазма могла выжечь ему глаза раньше, чем он закончит улыбаться. Она ничего не сделала.

— Обсудите с манекеном, — сказала она Иволгину.

— Не капризничайте. Это визуальный язык.

— Тогда я визуально посылаю вас к чёрту.

Иволгин вздохнул.

— Вот поэтому вас нельзя пускать в прямой эфир без текста.

Ласточка исчезла в первый раз через двадцать минут. Для всех в комнате она просто моргнула. Для Нины прошёл длинный кусок времени. Она вышла в коридор, пробежала этаж, спустилась вниз, вернулась наверх. Сотрудники казались почти неподвижными. Чьи-то пальцы тянулись к стакану целую вечность. Сигаретный дым стоял в воздухе толстыми серыми нитями. Нина могла уйти, прямо сейчас. Через окно, по трассе. В лес, до границы. Она была быстрее машин, быстрее собак, быстрее многих решений системы. Но Икона осталась бы.

Аврора. Валентина. Кто-то должен был заплатить за побег. Стрелецкая умела превращать свободу одного в наказание другого. Нина добралась до служебного коридора, дверь с охраной. За ней — кабинет Дроздова, ниже — склад. Камеры. Она запомнила расположение. Вернулась в комнату за долю секунды до того, как мужчина напротив успел договорить фразу.

— ...такие ножки, а бежит как локомотив.

Нина улыбнулась. Внутри она прожила почти десять минут, в течение которых несколько раз представляла, как ломает ему шею. Коллектив почувствовал это из машины. Аркадий сидел на заднем сиденье служебной «Волги» у ворот. Ему приказали держать мягкую связь, он слышал страх. Унижение. Ярость.

Старый рефлекс сработал раньше мысли: Аркадий коснулся её моторного контура. У Нины на долю внешней секунды перестали принадлежать себе два пальца правой руки. Совсем немного. Предупреждение. Раньше он делал так постоянно — гасил импульс, стирал начало движения, подталкивал нужную мысль к нужной мышце. Команда не требовалась каждый раз, за десять лет он научился быть поводком по собственной инициативе.

И вдруг отпустил.

Сигнал тревоги почти ушёл Стрелецкой. Аркадий перехватил его, зажал внутри сети. Впервые сознательно скрыл от Виктории не просто опасное состояние легионера, а собственное решение не наказывать его. Он вспомнил Лаптева. Собственную подпись под словом «эффективен». Веру, чья фотография лежала в его сейфе.

Это ещё не было раскаянием. Скорее первая трещина в человеке, который слишком долго считал контроль профессией.

Потом Аркадий подумал: это предательство.

Потом: хорошо.

Икона работала. Её отвели не к гостям, а в медицинскую комнату, куда после особенно грубого секса и побоев приносили тех, кто переставал выглядеть пригодным для продолжения оргии. На кушетке лежала светящаяся девушка: губа рассечена изнутри о зубы, плечо распорото до мышцы, на рёбрах наливались свежие тёмные пятна от пальцев и ударов. Никто не объяснял, кто именно это сделал, Анна и не спрашивала, потому что здесь причина травмы интересовала персонал меньше, чем время возвращения женщины в зал.

— Держись, — сказала Анна.

Светящаяся девушка смотрела в потолок.

— Если вылечишь, меня вернут.

Икона остановила руки, это было правдой. Если она закроет рану, программа продолжится. Если не закроет — девушку могут наказать за непригодность, а её саму за отказ.

— Я могу оставить часть, — тихо сказала Анна.

Светящаяся девушка повернула голову.

— Тогда спишут.

Анна закрыла глаза, свет способности прошёл по коже. Кровь перестала сочиться между пальцами, края рваной раны поползли друг к другу, обнажённая мышца закрылась новой тканью, рассечённая губа срослась, а багровые кровоподтёки на рёбрах побледнели и исчезли. Через несколько секунд девушка снова выглядела так, будто её никто не бил и не использовал.

Именно это оказалось самым жестоким исходом: теперь у Мадам не осталось даже медицинского повода не вернуть её на оргию.

— Прости, — сказала Икона.

— Не за что.

— Есть за что.

Светящаяся девушка села, Мадам вошла, оценила состояние.

— Десять минут отдыха.

Икона резко повернулась.

— Час.

— Анна...

— Час.

Мадам посмотрела на Стрелецкую, стоявшую в дверях. Виктория сказала:

— Тридцать минут.

Светящаяся девушка усмехнулась.

— Вот и социальный компромисс.

Анна посмотрела на Стрелецкую.

— Спасибо?

Виктория промолчала. Она действительно считала, что сделала ситуацию лучше.

В центральном зале пьяный чиновник схватил Ласточку за запястье и потянул к себе, второй рукой уже полез под край её одежды, словно государственный допуск распространялся и на чужое тело. Для Нины его движение длилось бесконечно: пальцы приближались, кожа касалась кожи, мерзкий запах коньяка зависал в воздухе. Она могла оторвать ему руку и положить на стол до того, как он почувствует сопротивление.

В голове вспыхнула кухня родителей. Не воспоминание Нины — Аркадий намеренно поднял образ, который считал вместе с телефонного разговора: отец у телевизора, мать у чайника. Затем на мгновение чужая воля легла на мышцы её плеча. Не приказала терпеть. Просто показала, что сможет приказывать всё остальное.

Нина осталась в обычном времени.

— Отпустите.

— Да ладно тебе, птичка.

Он потянул сильнее, Нина улыбнулась.

— У вас сейчас три варианта. Я сломаю вам кисть. Вы отпустите сами. Или майор Стрелецкая объяснит вам ведомственную этику.

Чиновник засмеялся.

— Я твоему майору...

— Отпустите Соловьёву, — сказала Виктория.

Он повернулся.

— Вика, ну мы же...

— Не «Вика».

Тон был тихим, мужчина отпустил.

— Подумаешь.

Стрелецкая подошла ближе.

— Вы покинете зал на час.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Я позвоню...

— Позвоните снаружи.

Охрана вывела его. Нина растирала запястье, на котором исчез даже след.

— Спасибо, товарищ майор.

— Не провоцируйте гостей.

Нина замерла.

— Я?

— Я сказала: не провоцируйте.

Нина рассмеялась.

— Конечно.

Виктория ушла, Ласточка посмотрела ей вслед. В этот момент желание убить кого-то стало не вспышкой, а аккуратной, почти спокойной мыслью. Это напугало её сильнее ярости.

Дроздов, Родионов и Иволгин закрылись в кабинете после десяти. В комнате оставили девушку, копировавшую голоса, Галину, девушку, менявшую запах кожи, и женщину, умевшую оставлять и убирать следы на коже: вопрос доверия к ним для хозяев даже не возник, потому что девушек не считали людьми. Та, что меняла запах кожи, разливала коньяк. Девушка с чужими голосами сидела у рояля и по просьбе Родионова копировала голос какого-то заместителя министра. Женщина со следами на коже стояла рядом с секретарём ЦК, который попросил оставить на запястье тонкую красную полосу — «чтобы утром жена приревновала правильно». Галина показывала прозрачные пальцы.

На столе лежала красная папка. «ТРИУМФ». Родионов ткнул в неё бокалом.

— Значит, вы решили сами на себя напасть.

Дроздов закурил.

— Мы создаём контролируемую угрозу.

— Игрушечный теракт.

— Политическая операция.

— Называй как хочешь. Переодеваете своих уродов под беглых прометеев, они стрельнут, ваши красавцы их порвут, страна поплачет и попросит ещё КГБ.

— Грубо, но близко.

Иволгин вмешался:

— Не «поплачет». Испытает управляемый общественный шок.

Родионов захохотал.

— Вот за это я вас, телевизионщиков, люблю. Я говорю «труп», вы говорите «общественный шок».

Дроздов посмотрел на него холодно.

— Гражданские потери ограничены.

— Сколько?

— Базовый расчёт — до двух тысяч восьмисот. При осложнениях допустим диапазон выше.

Девушка с чужими голосами перестала играть на долю секунды. Дроздов заметил только паузу в музыке.

— Продолжайте.

Девушка с чужими голосами продолжила. Голос Дроздова записался в её памяти идеально. Не слова отдельно. Тембр. Паузы. Сухой кашель между предложениями.

— Две тысячи восемьсот? — повторил Родионов. — И это у вас «ограничены»?

Иволгин пожал плечами.

— Меньше — слабый эффект. Пятьдесят погибших выглядят как происшествие. Две тысячи — как национальная травма. Но больше пяти-шести создают вопрос о контроле. Нужно, чтобы зритель испугался врага, а не государства.

Девушка, менявшая запах кожи, поставила стакан на стол. Руки не дрожали, она запомнила цифру.

— Вы безумцы, — сказал Родионов.

Он улыбался.

— А вы завидуете, — ответил Дроздов.

Родионов перестал улыбаться.

— Я говорю о том, что у вас слишком много театра. Если хотите показать опасность, выпустите настоящих уголовников.

— Смысл операции — контроль, Алексей Павлович. Не хаос.

Родионов посмотрел на него, и запомнил. Контроль. Именно это слово оказалось приглашением. Если КГБ построил операцию на контроле, достаточно отнять его. Иволгин налил себе воды.

— Хаос тоже можно смонтировать, если заранее подготовить комментарии.

Все трое засмеялись, Родионов — громче остальных. Девушка с чужими голосами слышала рождение идеи.

Галина ждала, она видела папку. Видела охранника у двери, видела камеры. Бумага не становилась невидимой вместе с ней. Это было проблемой. Светящаяся девушка вошла в зал по вызову Мадам.

— Ярче, — потребовал один гость.

Свет стал красным. Девушка с искрами, проходившая мимо, выпустила под потолок россыпь огней. Галина поняла: сейчас. Её пальцы исчезли. Она сдвинула верхний лист папки к краю. Бумага поехала сама. Девушка, умевшая оставлять и убирать следы на коже, увидела. Не договорившись ни о чём, она шагнула к секретарю ЦК и громко сказала:

— След на правой или левой?

Тот повернул голову. Девушка с чужими голосами одновременно заговорила голосом человека из коридора:

— Товарищ генерал!

Охранник у двери обернулся, девушка, менявшая запах кожи, пролила коньяк.

— Простите!

Все движения совпали, лист упал на пол. Галина прижала его ногой. Потом сделала голень почти прозрачной, подхватила бумагу пальцами и скользнула к вентиляционной решётке. Она не могла унести лист сейчас, спрятала внутрь. Это прошло мимо всех, Галина вернулась к столу. Её сердце билось так сильно, что казалось, его слышит Камертон за городом.

Павел действительно слышал многое. Он лежал в техническом колодце в нескольких сотнях метров от корпуса «Зари». Лариса подключила к трубам самодельные контактные микрофоны. Стриж сидел у входа, каждые несколько секунд исчезая на быстрый разведывательный круг и возвращаясь с новым маршрутом охраны. Михаил и Мороз ждали дальше, в лесополосе. Ирина Белова наблюдала за подъездом со стороны дороги. Когда-то её учили проходить через стены иностранных посольств, а затем заставили делать то же самое в квартирах советских учёных и офицеров. После одной такой «проверки лояльности» из квартиры вывели всю семью, включая ребёнка. Тогда Ирина впервые поняла, что невидимость не делает наблюдателя невиновным. Позывной «Фантом» она оставила после побега — теперь исчезновение означало возможность уйти самой.

Павел усиливал звук. Музыка. Смех. Фрагменты разговоров. Стон из одной комнаты, пьяный мужской голос из другой, шум кровати, чьё-то короткое «хватит», которое никто внутри не принял за приказ. Он выключал такие каналы быстрее, чем успевал разобрать продолжение, но достаточно услышанного оставалось в голове. Мария пришла к колодцу.

— Что там?

— Плохо.

— Конкретно.

— Людей принуждают.

Мария сразу встала.

— Идём.

Михаил перехватил её за плечо, она заморозила ткань его перчатки.

— Убери руку.

— Нет.

— Там сейчас...

— Я знаю.

— Не знаешь.

Ирина подошла со стороны дороги.

— Я с ней.

Михаил посмотрел на Ирину.

— Внутри десятки заложников. Ингибиторы. Охрана. Если ворвёмся сейчас, первыми погибнут те, кого хотим вытащить.

— Ты снова выбираешь стратегию вместо людей, — сказала Фантом.

— Назови способ вывести всех.

— Не знаю.

— Я тоже.

Мария подняла ладонь. На деревьях за её спиной выступил иней.

— Я могу заморозить здание.

— Вместе с людьми внутри.

— Быстро.

— Всё равно.

Мария смотрела на него с ненавистью.

— Ты просто боишься снова стать террористом.

Михаил покачал головой.

— Я уже террорист. По телевизору. Мне нечего сохранять.

— Тогда почему?

— Потому что если мы войдём без плана, кровь будет настоящей, а объяснение они напишут за нас.

Павел поднял руку.

— Тихо.

Из трубы пришёл голос Дроздова. Слабо. Рвано.

— ...две тысячи восемьсот... допустимый...

Потом Иволгин:

— ...эффект... контроль...

Павел нажал запись, все замолчали. Через несколько минут голос Родионова:

— ...настоящих уголовников...

Михаил посмотрел на Марию.

— Вот зачем мы ждём.

Мария промолчала, но лёд на деревьях перестал расти.

Неподвижную девушку вынесли из комнаты после полуночи. Санитар потрогал пульс.

— Еле есть.

— Она так умеет, — сказал второй.

— Мадам говорила, если падает ниже нормы — в медблок.

— Там занято.

— Тогда в коридор у склада.

Неподвижная девушка слышала их, тело почти не реагировало. Сознание впервые не исчезло полностью. Она лежала на каталке и смотрела сквозь ресницы. Дверь склада была

приоткрыта, внутри — ящики с автоматами. Комплекты одежды. Кожаные куртки, самодельные знаки, старые фотографии беглых прометеев, приколотые к стене. На одном столе лежал огромный костюм, стилизованный под броню Красного Богатыря. Двое Санитаров разговаривали.

— Размер не тот.

— Какой дали.

— Добрынцев больше.

— На мёртвом никто сантиметром мерить не будет.

— Форму после акции оставлять?

— На телах. Для убедительности.

Неподвижная девушка почувствовала, как сердце хочет ускориться. Не позволила. Впервые способность стала не дверью внутрь себя, а способом остаться снаружи незамеченной. Санитар подошёл к каталке, проверил зрачок. Неподвижная девушка не моргнула.

— Живая?

— Какая разница. Через час заберут.

Они ушли, неподвижная девушка открыла глаза. На ящике рядом висела бирка. «7.11.85 / КОМПЛЕКТ О-4 / ПЛОЩАДЬ». Она протянула руку, движение казалось чудовищно громким. Сняла бирку, спрятала под одежду. Потом снова исчезла внутрь своего тела. Но теперь там было одно новое знание. Она способна что-то сделать, пусть украсть картонку. Пусть только запомнить дверь. Система много лет учила её, что неподвижность — удобное состояние собственности. Сегодня неподвижность впервые стала маскировкой.

Девушка, управлявшая холодом, услышала про морг случайно. Семёнов из больницы №7 приехал после полуночи. Невысокий мужчина с аккуратными руками и запахом антисептика.

— К седьмому надо разгрузить, — сказал он врачу клуба у бассейна.

— Насколько?

— Максимально. Морг должен быть свободен минимум наполовину.

— Ожидаете столько?

Семёнов посмотрел на него.

— Я ничего не ожидаю. Я исполняю распоряжение.

Девушка, управлявшая холодом, стояла по другую сторону стеклянной перегородки. Запомнила. Девушка с искрами в служебном коридоре случайно осветила ящик, который несли двое мужчин. На боку: «ИНГИБИТОР / ОРЛОВ Д.В.».

— Эй, выключи! — рявкнул охранник.

Девушка с искрами испуганно погасила свет, но маркировку увидела. Летающая девушка сверху видела систему дверей. Паря под потолком главного зала, она заметила, что служебный лифт открывается только после поворота двух ключей, а вентиляционная шахта проходит над кабинетом Дроздова. Светящаяся девушка увидела Семёнова. Девушка, менявшая запах кожи, слышала «больница номер семь». Девять женщин собирали разные куски одной машины, хотя ещё не знали, что держат части одного механизма.

Родина-Мать не сорвалась. В этом и состояла её трагедия. Её вывели в частную комнату. Люди, которые днём аплодировали ей на площади, разговаривали с ней теперь так, будто чин принадлежал им вместе с человеком. Валентина не сопротивлялась физически. Она запомнила лица. Запомнила фамилии. Запомнила, кто называл её «Матушкой» в камеру, а здесь — «активом». Когда всё закончилось, она вышла в коридор и увидела Аврору. Зоя стояла у окна. Лицо оставалось пустым.

— Ты в порядке? — спросила Валентина.

Зоя посмотрела на неё.

— Нет.

Валентина ожидала привычного «да». Прямой ответ оказался почти физическим ударом.

— Я тоже, — сказала она.

Они стояли рядом. Аврора достала сигарету, хотя почти не курила.

— Хочешь?

— Нет.

— Правильно. Вредно для здоровья.

Валентина неожиданно засмеялась, один раз. Коротко. Зоя тоже, потом смех исчез.

— Почему ты терпишь? — спросила Аврора.

Валентина смотрела в тёмное окно.

— Катя сегодня не дома.

Зоя не сразу поняла.

— Что?

— Перед выездом мне показали фотографию. Школа закончилась в три. Снимок сделан в тринадцать возле чужой машины. Мне не сказали, куда её повезли.

Аврора медленно опустила сигарету.

— Валя...

— Если я сейчас проломлю стену, убью Дроздова и вынесу отсюда всех, я всё равно не знаю, какую дверь надо открыть потом. А если Стрелецкая не отправит код, кто-то другой получит разрешение открыть свою.

— И поэтому ты терпишь?

Валентина закрыла глаза.

— Поэтому я пока не убиваю их.

Фраза прозвучала совсем не как Родина-Мать с плаката.

— А ещё вы, — добавила она. — Если сорвусь первой, Коллектив возьмёт кого-нибудь из вас. Возможно, меня саму. Я не хочу однажды очнуться и увидеть кровь Кати на собственных руках.

Зоя долго молчала.

— Мы и так несём.

— Знаю.

Родина-Мать впервые не нашла для этого слова «долг».

Зоя закрылась в ванной, повернула кран. Вода была холодной, она положила палец на металл. Сначала кран нагрелся, потом покраснел. Сталь начала светиться. Вода зашипела и мгновенно превращалась в пар. Зое хватило бы секунды, чтобы расплавить трубу, стену, человека за стеной, половину этажа. Она представила, как плазма проходит через комнаты. Не выбирает виновных. Сжигает охрану, обслуживающих, женщин, врачей, Мадам, Стрелецкую, всех. Огонь был честнее приказов, он не спрашивал должность. Зоя убрала палец.

Металл остыл. Она открыла холодную воду и держала руки под струей, хотя не могла обжечься. Привычка от человека, которым она когда-то была.

Стрелецкая остановила ещё два эпизода. Одному чиновнику захотелось использовать ингибитор на Авроре «ради интереса».

— Запрещено, — сказала Виктория.

— Почему?

— Препарат может нарушить боевую готовность.

— На пару часов.

— Парад через две недели.

— Ты серьёзно думаешь, два часа повлияют?

— Я не думаю. Я отвечаю.

Он отступил. В другом зале Мадам хотела вернуть светящуюся девушку раньше согласованных тридцати минут.

— Нет, — сказала Стрелецкая.

— Гости ждут.

— Актив должен восстановиться.

Светящаяся девушка лежала рядом и слышала. Актив. Даже защита звучала как инвентаризация. Виктория уходила, убеждая себя: без меня было бы хуже. Это было правдой. И именно поэтому ложь держалась так крепко.

Родионов вышел из кабинета Дроздова и позвонил по закрытому телефону. Девушка с чужими голосами стояла в соседнем помещении. Стена была тонкой.

— Проверьте маршруты доставки сценарных групп на седьмое, — сказал генерал. — Все. Особенно резерв.

Пауза.

— Нет, Дроздову не докладывать.

Ещё пауза.

— И поднимите наших из сорок восьмого. Хочу знать, сколько реально готовы.

Девушка с чужими голосами запомнила голос. Не только слова. С лёгкой хрипотцой после алкоголя. С раздражением на слове «Дроздов». С удовольствием на слове «наших». Она поняла: КГБ и МВД не просто конкурируют. Они готовятся украсть друг у друга катастрофу.

К полуночи алкоголь сделал то, для чего его здесь и держали: снял с людей последние остатки необходимости притворяться. В главном зале спор начался из-за какой-то мелочи. Один заместитель министра доказывал Родионову, что МВД слишком много получает на внутреннее войска. Родионов отвечал, что КГБ тратит в три раза больше на «игрушечных богов». Дроздов слушал с выражением человека, которому неприятно, когда цифры произносятся вслух.

— Зато наши боги работают, — сказал он.

— Работают? — Родионов оглянулся на Родину-Мать. — Вот стоит. Давайте проверим.

Валентина была у стены. Генерал МВД взял со стола тяжёлый хрустальный графин и бросил ей. Не предупредил, графин летел в лицо. Валентина поймала его двумя пальцами, ни капли не пролилось. Зал засмеялся.

— Видали? — Родионов поднял руки. — Советская промышленность. Надёжно.

Валентина поставила графин на стол.

— Не повторяйте.

Смех стал тише, Родионов прищурился.

— Это приказ?

— Просьба.

— А звучит как приказ.

Стрелецкая сразу оказалась рядом.

— Алексей Павлович, продолжим обсуждение в кабинете.

— Нет, Вика, подожди. Мне интересно. Она же командир.

— На поле боя.

— А тут кто командир?

Родионов посмотрел на Валентину, потом на Стрелецкую.

— Вот. Всё честно. Родина командует на плакате, майор — Родиной, Дроздов — майором. А кто командует Дроздовым — узнаем после следующего съезда.

Несколько человек засмеялись неуверенно, Дроздов остался серьёзен. Родионов взял со стола пистолет одного из своих охранников. Стрелецкая напряглась.

— Оружие уберите.

— Да я не в неё.

Он выстрелил в потолок, девушка с искрами вскрикнула. Осколки штукатурки посыпались на стол. Пуля рикошетом ушла в стену, пробила деревянную панель и вошла в плечо молодому официанту, который нёс поднос. Парня отбросило назад, бутылки разбились. Он упал среди стекла и сразу начал кричать. Кровь быстро пропитала белую рубашку, музыка остановилась.

— Твою мать, — сказал Родионов.

Не испуганно. Раздражённо.

— Икона! — крикнула Стрелецкая.

Анна прибежала из медицинской комнаты, официант лежал на спине. Пуля вошла в плечо, вышла у лопатки, разорвав ткань. Кровь пульсировала из повреждённого сосуда.

— Не двигайся, — сказала Анна.

Парень смотрел на Родионова.

— Я... я ничего...

— Тише.

Анна прижала ладонь к ране, свет прошёл под кожу. Сосуды срослись, кровотечение остановилось. Но на полу уже лежала большая тёмная лужа. Родионов вернул пистолет охраннику.

— Видишь? Даже лучше получилось. Продемонстрировали медицинский блок.

Шутка умерла без смеха, Иволгин посмотрел на кровь.

— Ковёр менять придётся.

Мадам повернула голову.

— Он импортный.

— Вот и трагедия, — сказал Родионов.

Икона подняла глаза. В её лице было что-то такое, что генерал на секунду перестал улыбаться. Стрелецкая встала между ними.

— Анна, закончить лечение и вернуться в медблок.

— Он потерял много крови.

— Сделайте что нужно.

Анна посмотрела на Викторию.

— А с ним? — она кивнула на Родионова.

— Я разберусь.

Анна знала, что означает эта фраза. Ничего. Официанта унесли, пол вытерли. Через пятнадцать минут музыка снова играла. На следующий день в отчёте будет: «случайное повреждение обслуживающего персонала вследствие нарушения техники безопасности». Пистолет в формулировку не попадёт, генерал — тем более.

Во второй свой исчезающий выход Ласточка пошла дальше. Она уже знала, где камеры, знала угол поворота охранника. Знала, что Коллектив сидит в машине и, если захочет, может выдать её одной мыслью. Нина ускорила, мир застыл. Она прошла по служебному коридору, проскользнула между двумя мужчинами, которые казались неподвижными статуями, и вошла в приоткрытую дверь склада. Там были костюмы, форма без знаков. Самодельные эмблемы беглых прометеев. Фотографии. И человек. Он сидел на полу у батареи, прикованный наручниками. Молодой. Лет двадцати пяти, лицо избито. Один глаз закрыт, на голове свежая кровь. Рядом лежал ингибирующий ошейник, пока отключённый.

Нина остановилась, для него она появилась внезапно. Он дёрнулся.

— Тихо.

— Кто...

— Ласточка.

Мужчина моргнул. Потом засмеялся — хрипло, с кровью на зубах.

— Конечно.

— Тише.

— Я в детстве твой значок носил.

Нина почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Кто ты?

— По списку? Террорист.

— Настоящее имя.

— Саша.

— Что здесь происходит?

Он показал глазами на костюмы.

— Репетиция будущего.

— Тебя заставят напасть на парад?

— Не меня. Меня, кажется, уже списали. Слишком много разговариваю.

Нина подошла к наручникам, могла разорвать их. Могла унести Сашу сейчас. Но открытие двери, пропажа пленника, камеры — всё изменило бы операцию. Стрелецкая узнает, что она была здесь, Аркадий, возможно, уже чувствует её.

— Вытащи меня, — сказал Саша.

Нина смотрела на цепь.

— Пожалуйста.

Это слово длилось для неё целую вечность.

— Я вернусь.

Саша перестал улыбаться.

— Все так говорят.

— Я вернусь.

— Когда?

Нина промолчала. Она услышала, как за дверью начинается движение — медленное, растянутое. Охранник поворачивает голову, Нина исчезла. Вернулась в зал до того, как чужой стакан успел опуститься на сантиметр. Коллектив поймал её мысль. Саша. Наручники. Склад. Нина почувствовала его присутствие и испугалась, Аркадий мог отправить всё Стрелецкой. Не отправил. Вместо этого в её голове появилось короткое ощущение, почти фраза: «Запомнил». Нина замерла. Аркадий никогда раньше не говорил с ней скрытно.

Она посмотрела в сторону окна, за которым далеко у ворот стояла служебная машина. Никто не мог увидеть Аркадия. Но впервые за вечер Нина почувствовала, что внутри системы у неё появился сообщник.

Стрелецкая слышала цифру случайно. Она проходила мимо кабинета, когда дверь открылась. Родионов вышел первым, громко смеясь, за ним Иволгин. Дроздов остался у стола.

— Две восемьсот, конечно, красиво, — говорил Родионов. — Главное, чтобы у вас мешков хватило.

Он заметил Викторию.

— А вот и человек, который будет собирать.

Стрелецкая посмотрела на него.

— Что собирать?

— Урожай.

Родионов пошёл дальше, Иволгин сделал вид, что занят сигаретой, Виктория вошла в кабинет, а Дроздов закрыл папку.

— Что означает две тысячи восемьсот?

— Контекст?

— Родионов сказал про мешки.

— Родионов много говорит.

— Я спрашиваю вас.

Дроздов посмотрел на неё с лёгкой усталостью.

— Прогноз потенциальных гражданских потерь при различных сценариях атаки.

— Какой атаки?

— Той, которую вы предотвращаете.

— «Триумф»?

Пауза.

— Вы слишком цепляетесь за слово.

— Потому что люди начали умирать рядом с ним.

— Люди умирают рядом с любыми словами, майор.

— Мне нужен доступ.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вам нужно выполнять свою часть, а не оценивать стратегию целиком.

Стрелецкая стояла напротив.

— Если на параде ожидаются тысячи погибших, мне нужно знать.

— Ожидаются? Нет. Рассчитываются. Это разница.

— Для трупа небольшая.

Дроздов впервые улыбнулся.

— Вы сегодня в философском настроении.

— Я сегодня весь вечер объясняю людям, что государственная необходимость имеет границы.

— Это ваша ошибка.

Виктория посмотрела на него.

— Какая?

— Государственная необходимость по определению не имеет границ. Иначе это просто удобство.

Он открыл сигаретницу.

— Вы держите Красный Легион в руках именно потому, что понимаете это лучше большинства. Не начинайте сейчас изображать удивление.

Стрелецкая молчала.

— У вас есть конкретный приказ, — продолжил Дроздов. — Беглые активы. Добрынцев. Камертон. Подготовка парада. Остальное — не ваша зона.

— А если остальное влияет на мою?

— Тогда я сообщу.

Он открыл дверь, заканчивая разговор, Виктория вышла. В коридоре стоял Иволгин.

— Он всегда так разговаривает, когда думает, что победил, — сказал он.

Стрелецкая посмотрела на него.

— Вы слышали?

— Я профессионально стою рядом с дверями.

— Что такое две тысячи восемьсот?

Иволгин затынулся.

— Цифра.

— Не играйте.

— Виктория, цифры вообще удивительно безобидны. Две тысячи восемьсот на бумаге не пахнут. Не кричат. Не требуют морфин. Поэтому ими удобно работать.

— Я спросила, что это.

— Лучше спросите Дроздова.

— Спросила.

— Тогда вы знаете столько, сколько он хочет.

Он пошёл дальше, Стрелецкая осталась. Впервые за много лет ей захотелось догнать человека не для допроса, а чтобы ударить. Она не сделала этого. Порядок держался на маленьких отказах от собственных желаний. Пока ещё держался.

В лесополосе Мороз сидела на корточках и слушала запись Камертона через один наушник. «...до двух тысяч восьмисот...» Шум. «...контроль...» Шум. «...настоящих уголовников...» Мария сняла наушник.

— Теперь достаточно?

Михаил стоял рядом.

— Для чего?

— Чтобы войти.

— Нет.

— Сколько ещё людей там должно пострадать, пока у тебя появится правильное количество доказательств?

— Дело не в количестве доказательств.

— Тогда в чём?

— Мы не вытащим их.

— Ты не знаешь.

— Знаю. Входы под охраной. Ингибиторы. Внутри Легион. Если начнётся бой, Родина-Мать сначала будет выполнять приказ. Аврора тоже. Ласточка может не успеть решить. Икона останется лечить. Мы получим бой между теми, кого хотим освободить.

Фантом стояла рядом, невидимая наполовину.

— А если они сами решат?

Михаил посмотрел на неё.

— Тогда всё изменится.

— Они не решат, пока думают, что одни.

Камертон снял второй наушник.

— Внутри кто-то только что сказал имя Саша.

— Что?

— Едва слышно. Женский голос. Потом слово «вернись».

Ирина посмотрела на дом.

— Значит, кто-то уже ходит по служебным помещениям.

Мороз встала.

— Ласточка.

Михаил тоже подумал об этом.

— Возможно.

— И ты всё равно хочешь ждать?

Он смотрел на освещённые окна.

— До утра.

— Почему?

— Потому что если внутри уже трещит, нам нужно не разбить здание снаружи. Нам нужно понять, куда пойдёт трещина.

Мария отвернулась.

— Ты научился говорить как Стрелецкая.

Михаил вздрогнул сильнее, чем от удара, Ирина заметила.

— Именно поэтому он и боится, — сказала она.

Мария посмотрела на обоих и промолчала. После трёх часов ночи гости начали разъезжаться. Санитары отмывали комнаты. В одном зале на ковре осталась кровь. Молодой сотрудник пытался вывести пятно щёткой.

— Не размазывай, — сказал старший. — Сначала холодной водой.

— Откуда знаешь?

— Опыт.

В медицинском блоке один из мужчин лежал без сознания после смеси алкоголя и препаратов. Икона восстановила сердечный ритм. Она смотрела на него и думала, что могла просто не вмешаться. Человек умер бы, возможно, заслуженно. Но способность Анны была устроена вокруг желания лечить. Система использовала даже эту часть её личности против неё. Она вернула ему дыхание, потом вышла и вырвала в раковину. Не от крови, от себя.

Мадам проверяла комнаты после отъезда. Она заметила смещение листов в папке Дроздова. Едва заметное. Раиса Петровна годами жила на том, что замечала едва заметное. Она не вызвала охрану — не доложила Дроздову. Вместо этого вернулась в кабинет, достала журнал прибытий и сделала копию нескольких страниц. Фамилии. Время. Номера машин. Сопровождение. Копию положила в собственный сейф. Если большие люди начинают тайно прятать документы друг от друга, маленькому человеку лучше иметь бумагу, которая делает его смерть неудобной.

Мадам не собиралась спасать женщин, она собиралась спасать себя. Иногда именно это случайно помогает другим.

Галина забрала лист из вентиляции в четыре утра и нашла остальных в гримёрной: неподвижная девушка сидела у зеркала, следом пришла та, что копировала чужие голоса, затем подтянулись девушка, менявшая запах кожи, девушка, умевшая оставлять и убирать следы на теле, светящаяся, летающая, управлявшая холодом и та, что выпускала искры. Впервые всех девятерых собрала собственная воля, а не расписание Мадам. Галина развернула лист: маршрут, дата, коды групп и пометка «условные потери гражданского населения». Неподвижная девушка достала картонную бирку — «7.11.85 / КОМПЛЕКТ О-4 / ПЛОЩАДЬ». Девушка с чужими голосами сказала:

— Я слышала Дроздова.

— Что?

Девушка с чужими голосами заговорила его голосом. И в маленькой гримёрной появился генерал:

— «Базовый расчёт — до двух тысяч восьмисот. При осложнениях допустим диапазон выше».

Все застыли. Девушка с чужими голосами продолжила голосом Иволгина:

— «Нужно, чтобы зритель испугался врага, а не государства».

Светящаяся девушка побледнела. Девушка, управлявшая холодом, сказала:

— Больница номер семь. Семёнов велел освободить морг к седьмому.

Девушка с искрами:

— Я видела ингибиторы. Орлов.

Летающая девушка описала служебный лифт, девушка, менявшая запах кожи, вспомнила транспорт. Девушка, умевшая оставлять и убирать следы на коже, назвала фамилию чиновника на логистическом листе. Галина посмотрела на всех.

— Это можно продать Коллекционеру.

— Продать? — спросила светящаяся девушка.

— За путь наружу.

Девушка с чужими голосами покачала головой.

— Если он купит, потом продаст дорожке Дроздову.

— Тогда что?

Девушка с чужими голосами посмотрела на лист.

— Сохранить.

— Как страховку?

Девушка с чужими голосами вспомнила слова Мадам. Память становится проблемой только тогда, когда человек решает ею воспользоваться.

— Нет, — сказала она. — Как оружие.

Неподвижная девушка впервые произнесла за вечер полную фразу:

— Кому можно доверять?

Тишина. Светящаяся девушка сказала:

— Иконе.

Несколько женщин кивнули.

— Она лечит и не спрашивает.

— Она Легион, — возразила Галина.

— Сегодня она была такой же, как мы.

Это было сказано тихо, никто не уточнил в каком смысле. Они решили передать первую часть информации через женщину на кухне, которая иногда носила вещи на Чёрный рынок. Мадам увидела их вместе из конца коридора. Остановилась. Девять женщин сидят в одной комнате после закрытого приёма — плохой признак. Можно было вызвать охрану, Мадам прошла мимо. В голове уже складывалась новая страховка.

Анна вернулась в казармы в пять утра. Не пошла в комнату, спустилась к Громиле. Кузнец дежурил у пульта.

— Сейчас не время.

— Я не спрашиваю.

— У вас режим отдыха.

— Запишите нарушение.

Она села за решёткой, Громила лежал в темноте. Потом поднял голову: он чувствовал её раньше, чем увидел. Чужой запах на одежде. Страх. Лекарства. Соль пота, подавленное сердцебиение. Медведь встал. Зарычал. Фиксаторы натянулись.

— Спокойно, — сказал Кузнец.

Громила рванул сильнее, металл загудел.

— Отклонение.

Кузнец нажал кнопку, ток прошёл по имплантам. Громила дёрнулся, но не лёг, рык стал громче.

— Хватит, — сказала Икона.

— Он нестабилен.

— Вы делаете хуже.

— Я управляю объектом.

— Это живое существо.

— Именно поэтому требуется управление.

Он снова потянулся к кнопке, Анна встала.

— Нажмёте ещё раз — я сломаю вам пальцы.

Кузнец посмотрел на неё.

— Угроза сотруднику?

Икона тоже посмотрела на него.

— Медицинский прогноз.

Кузнец убрал руку, Громила продолжал рычать, а Анна села обратно.

— Ты не обязан понимать, — сказала она.

Медведь смотрел.

— Просто я тоже сегодня была вещью.

Рык стал тише. Громила подошёл настолько близко, насколько позволяли фиксаторы. Опустился на пол рядом с решёткой, Анна сидела с другой стороны. Между ними был металл, бетон и государственный журнал, в котором оба имели номера. Кузнец смотрел на приборы, пульс медведя снижался. Без тока, без команды. Он записал: «Объект ГР-4 демонстрирует устойчивую успокаивающую реакцию на присутствие ИК-8». Анна увидела запись, на этот раз от спора отказалась. Она положила ладонь на решётку, Громила медленно придвинул морду к металлу.

За несколько километров от них Камертон перематывал запись, на которой голос Дроздова спокойно оценивал количество людей, допустимых к смерти. В «Заре» девушка с чужими голосами повторяла этот голос в темноте, чтобы никогда не забыть интонацию. Родионов уже звонил своим людям из дома и требовал поднять материалы «Зэк-48». Стрелецкая лежала в своей комнате с открытыми глазами и убеждала себя, что её присутствие ограничило худшее. Родина-Мать стояла под душем и не могла заставить себя посмотреть на собственное отражение.

Аврора сожгла сценарий юбилейного интервью в пепельнице, а утром собиралась сказать, что случайно. Ласточка пробежала по коридору казарм пятьдесят три раза, потому что если останавливалась, начинала думать. Мадам заперла сейф. Неподвижная девушка впервые за годы спрятала что-то не от себя, а от системы. Перед рассветом в прачечной сортировали

бельё. Две женщины в серых халатах работали молча. Простыни складывали в одну корзину, полотенца — в другую, всё, что не отстирывалось, уходило в мешки на уничтожение.

— Третья за ночь, — сказала одна, поднимая простыню с тёмным пятном.

— Четвёртая.

— А, точно. Та из второго зала.

Они говорили без жестокости, просто устали. В дверях стояла девушка, управлявшая холодом. Её отправили за полотенцем для светящейся девушки. Она смотрела на мешки.

— Куда это?

Прачка пожала плечами.

— Сжигают.

— Почему не стирают?

— По инструкции. Биологические следы.

Девушка, управлявшая холодом, подумала о том, что здесь даже кровь имеет порядок утилизации. На полу возле стены лежал окровавленный бинт. Она подняла его, и ткань мгновенно остыла в пальцах. Прачка посмотрела на неё.

— Оставь, милая. Не твоё.

Девушка, управлявшая холодом, тихо сказала:

— Здесь всё почему-то не наше.

Она выбросила бинт в мешок. В коридоре два Санитара вели того самого Сашу, которого видела Ласточка. Теперь на нём был включённый ингибирующий ошейник. Он шёл плохо, ноги подкашивались, девушка, управлявшая холодом, отступила в нишу.

— Куда его? — спросил один.

— Семёнов заберёт.

— В седьмую?

— Сначала на допрос. Потом куда получится.

Саша поднял голову, на секунду их взгляды встретились. Он промолчал, санитар толкнул его прикладом между лопаток. Мужчина упал на колени.

— Вставай.

Саша попытался. Второй сотрудник схватил его за волосы и поднял голову.

— Не тяни время.

— Я не тяну.

— Тогда ноги вспомни.

Он ударил Сашу сапогом в бок, раздался сухой треск. Ребро. Саша застонал, девушка, управлявшая холодом, сделала шаг вперёд. Первый Санитар увидел.

— Что?

Она замерла.

— Полотенце ищу.

— Ищи.

Они потащили пленника дальше. Девушка, управлявшая холодом, стояла, пока звук шагов не исчез. Потом вошла в медицинскую комнату, где Икона сидела рядом со светящейся девушкой.

— Анна, — сказала она. — Я знаю, куда везут тела.

Икона подняла голову.

— Что?

— Больница номер семь. И живых тоже.

Светящаяся девушка села. Девушка, управлявшая холодом, рассказала про Семёнова, морг и Сашу. Анна слушала. С каждой фразой её лицо становилось спокойнее. У Анны это было плохим признаком. Чем сильнее она злилась, тем мягче говорила.

— Как он выглядел?

— Избит. Ошейник. Возможно, сломали ребро.

— Имя?

— Не знаю.

Светящаяся девушка сказала:

— Та, что умеет почти останавливать собственное тело, слышала, кажется. Саша.

Икона запомнила.

— Если его привезут в седьмую, Лида может увидеть.

— Какая Лида?

— Сестра Гранита. Медсестра.

Так появилась ещё одна нитка — без великого плана и разведывательной операции: окровавленный бинт, случайный взгляд в коридоре и женщина, которую послали за полотенцем. Государство строило секретность сверху вниз: сейфы, допуски, кодовые слова, вооружённые посты. Но внизу всегда оставались прачки, медсёстры, водители и те, кого считали мебелью. Именно через них тайны начинали протекать наружу — так же буднично, как вода через старую трубу в той самой диспетчерской под Москвой.

Мадам встретила рассвет в кабинете. Перед ней лежали три списка. Первый — расходы. Второй — повреждения имущества. Третий — люди, которым после ночи требовалось медицинское наблюдение. В графе «повреждённое имущество» значились хрустальный графин, две бутылки, ковёр, панель стены, лампа и дверная ручка. Официант с огнестрельной раной там не значился. Мадам заметила это и оставила как есть: ведомственная бухгалтерия действительно не знала, куда его вписать. Она открыла журнал происшествий. «Чрезвычайных ситуаций не зафиксировано».

Раиса Петровна задержала ручку над строкой, потом поставила подпись. В этом месте ложь была настолько стандартной, что почти переставала быть ложью и становилась формой документа. Мадам закрыла журнал, проверила сейф с копией списка гостей и позвонила на кухню.

— Девушек кормить до сна. Нормально кормить, не остатками.

— Всем?

— Всем.

Она положила трубку. Это было максимумом её милосердия: хороший завтрак после ночи, которую она сама организовала. Мадам умела заботиться о людях ровно до той границы, где забота не мешала бизнесу. Когда последние машины покинули ворота, охранники вышли курить. Один молодой солдат смотрел на окна корпуса и спросил старшего:

— А что там вообще было?

Старший затянулся.

— Культурный отдых.

— Я серьёзно.

— И я.

— Кровь почему на ступенях?

— Люди отдыхают по-разному.

Молодой солдат помолчал.

— Родина-Мать правда была?

— Была.

— Вот бы автограф.

Старший посмотрел на него и засмеялся так неприятно, что парень не понял, почему.

— Ты чего?

— Ничего. Дорастёшь — может, дадут больше, чем автограф.

Солдат нахмурился. Он всё ещё воспринимал Родину-Мать как женщину с плаката над школьной доской. Как человека, который прикрывает детей от бомб и держит мост, пока по нему идут люди. Мысль о том, что за этими окнами происходило что-то другое, не складывалась в голове. Через несколько часов он вернётся в часть и расскажет сослуживцам, что видел машину Красного Легиона. Те будут завидовать, один попросит описать Родину-Мать. Другой скажет, что его младший брат собирает её открытки. Никто не узнает, что в ту же минуту Валентина Руднева стояла под душем и тёрла кожу жёсткой мочалкой до красноты, хотя никакая грязь уже не могла быть смыта водой.

Так существовали две страны. Одна — за воротами, где солдаты мечтали об автографе. Другая — внутри, где автограф считался самой скромной формой доступа к герою. Между ними стоял человек с удостоверением и проверял, чтобы никто не перепутал вход. На посту дежурный офицер поставил печать в журнале выезда. Красный Легион прибыл в восемнадцать сорок две, убыл в четыре пятьдесят семь. В графе «задача» стояло: «Протокольное сопровождение». В графе «результат»: «Выполнено без замечаний».

Он на секунду задумался, потому что видел Родину-Мать при выходе. Она шла слишком прямо даже для себя, а Аврора держала её под локоть, будто это было случайное движение. Анна несла медицинскую сумку, покрытую чужой кровью. Нина смотрела на ворота так, словно вычисляла, сколько времени понадобится, чтобы снести их вместе с охраной. Офицер мог написать: «Личный состав в неудовлетворительном моральном состоянии». Такая строка существовала. За ней последовали бы объяснения, комиссия и вопросы. Он посмотрел на часы, смена закончилась двадцать минут назад.

Он поставил «без замечаний» и закрыл журнал. Иногда системе хватало самого банального человеческого желания уйти домой, чтобы преступление осталось скрытым. В шесть утра уборщица нашла под креслом маленькую золотую звезду от значка Красного Легиона, повертела её в пальцах и положила в карман: внук собирал всё, что связано с героями. Вечером мальчик будет счастлив и приколет звезду над кроватью, а женщина так и останется в неведении о владельце значка и причине засохшего пятна крови рядом. Она протёрла ковёр раствором, пока запах не исчез.

И жизнь спокойно продолжилась, обычный закрытый приём закончился успешно. Отчёт обходился без единого чрезвычайного происшествия.

К семи утра «Заря» снова выглядела прилично. Разбитый бокал убрали. Ковёр, на который ночью попала кровь, перевернули пятном вниз. Постельное бельё ушло в отдельную прачечную без маркировки. Медицинские отходы упаковали вместе с обычными, только мешки перевязали красным шнуром. Мадам прошла по комнатам с журналом в руках. Она не спрашивала, кому больно. Спрашивала, кто способен выйти к следующему приёму.

— Световая?

— Работоспособна.

— Холодная?

— Два часа покоя.

— Та, что замедляет пульс?

Врач задержался.

— Физически — да.

— Я спросила не про философию.

Он поставил галочку, Галина наблюдала из коридора, почти прозрачная. Раньше способность быть незаметной казалась ей высшей формой безопасности. Сегодня впервые хотелось обратного — чтобы кто-нибудь увидел достаточно. Девушка с чужими голосами сидела в маленькой комнате для персонала и тихо повторяла услышанную ночью фразу Дроздова. Не смысл. Интонацию.

— «Допустимый диапазон потерь следует удерживать в пределах...»

Она остановилась. Повторила голосом генерала:

— «...двух с половиной — трёх тысяч. Выше возникнут сложности с объяснением».

Девушка, менявшая запах кожи, побледнела.

— Ты уверена в цифре?

Девушка с чужими голосами посмотрела на неё собственными глазами, но ещё секунду говорила чужим голосом:

— Я не ошибаюсь в голосах.

Неподвижная девушка положила на стол бирку. На картоне стояли код, дата и номер сектора. Девушка, умевшая оставлять и убирать следы на коже, достала сложенный листок — переписанные фамилии гостей.

— Они обсуждали парад рядом с нами, — сказала светящаяся девушка.

— Потому что для них нас нет, — ответила Галина.

— Есть. Когда нужно.

— Это не то же самое.

Мадам появилась в дверях, девушки мгновенно замолчали. Она посмотрела на стол, на бирку. На листок, на лица. Мадам была слишком опытна, чтобы не понять.

— Уберите, — сказала она.

Никто не шевельнулся, секунда растянулась. В прошлом за такое молчание пришли бы Санитары. Мадам закрыла дверь за собой.

— Я сказала убрать. Не потому, что мне интересно вас спасать. Потому что если сегодня сюда войдут с обыском, найдут это у вас и повесят на меня.

Галина спросила:

— Вы сообщите Дроздову?

— Если собиралась бы, уже сообщила.

— Почему?

Мадам поправила манжет.

— Потому что люди, которые начинают считать тысячи трупов заранее, обычно потом начинают считать свидетелей.

Она подошла к сейфу, открыла нижний отсек и положила туда копию журнала прибытий.

— Если всё закончится хорошо, я продам это дорого.

— А если плохо? — спросила девушка с чужими голосами.

Мадам посмотрела на неё.

— Тогда, возможно, кто-то другой продаст моё имя.

Она ушла, светящаяся девушка выдохнула.

— Она с нами?

Галина покачала головой.

— Нет.

— Тогда что это было?

— Страх.

Девушка с чужими голосами провела пальцами по магнитофонной кассете, которую успела спрятать под платьем.

— Иногда достаточно.

За окнами закрытого дома рассвет делал Москву серой и обычной. Дворник чистил снег, автобус вёз людей на работу. В газетном киоске выставляли свежий номер с Родиной-Матерью на первой полосе. В подвале женщины, которых государство считало обслуживающим персоналом, складывали по крупичкам доказательство государственной операции. Ни одна не называла себя героиней. После этой ночи слово звучало особенно грязно.

Вечером уборщица отнесла найденную золотую звезду внуку. Мальчик обрадовался так, будто получил настоящий орден.

— От кого?

— Из Дома отдыха.

— Там герои были?

Уборщица посмотрела на пятно крови, которое всё ещё оставалось под ногтем несмотря на щётку.

— Были.

— Родина-Мать?

— Да.

— Она красивая?

Женщина вспомнила Валентину у выхода: белое лицо, сжатые челюсти, рука Авроры на локте.

— На плакате красивее.

Мальчик не понял и побежал прикалывать звезду над кроватью. Уборщица долго мыла руки на кухне, вода была чистой. Запах ей всё равно мерещился.

В пять двенадцать утра автобус Красного Легиона въехал в ворота казарм. В восемь ноль-ноль началась праздничная съёмка. Между этими двумя событиями государство выделило героям сто шестьдесят восемь минут на сон, душ, завтрак, медицинский осмотр и возвращение в состояние, пригодное для народной любви. Иволгин считал, что этого достаточно.

— Глаза, — сказал он гримёрше. — Особенно глаза.

Валентина сидела перед зеркалом. Женщина с кисточкой осторожно наносила тон на кожу под её глазами.

— У неё почти нет кругов, — сказала гримёрша.

— Значит, уберите те, которые почти есть.

В соседней комнате детский хор репетировал песню о героях. Тонкие голоса проходили сквозь стену: «Сильна семья народная, когда герои с ней...» На двери павильона висела табличка с названием передачи: «НАШИ ГЕРОИ — НАША СЕМЬЯ». Иволгин сам придумал. После ночи в «Заре» название казалось ему особенно тёплым. Валентина смотрела на себя в зеркало. Грим скрывал бессонницу. Не скрывал знание. Вчера она ещё могла построить внутреннюю стену: государство — одно, плохие люди — другое. Высокий чин не означает систему. Генерал может быть мерзавцем, секретарь обкома — подонком, но страна больше этих людей. Партия больше. Идея больше.

Проблема заключалась в том, что вчера в одном помещении собралось слишком много «отдельных плохих людей». Дроздов. Родионов. Секретари. Генералы. Люди, которые подписывали бюджеты, приказы, кадровые назначения. Если каждый из них был исключением, исключение начинало занимать слишком много места.

— Подбородок выше, — сказал помощник режиссёра.

Валентина подняла.

— Ещё чуть-чуть.

Она подняла.

— Отлично. Вот. Монументально.

Родина-Мать посмотрела в объектив, красная лампочка загорелась.

— Валентина Сергеевна, — улыбнулся ведущий, — что для вас значит десять лет служить вместе с Красным Легионом?

— Это ответственность, — ответила она. — Перед страной и перед людьми, которых мы защищаем.

— Миллионы детей называют вас Родиной-Матерью. Что вы чувствуете, когда понимаете, что стали почти настоящей матерью для целого поколения?

Повисла короткая пауза. В эфире её потом можно было вырезать. Валентина вспомнила мужчину с медалью, который шутил про «оригинал». Вспомнила, как Стрелецкая ответила «нет» на вопрос об отказе. Вспомнила собственные руки, которые могли разломать бетон, и невозможность открыть ими дверь, которую никто физически не запирает.

— Я чувствую ответственность за каждого ребёнка, — сказала она.

Ведущий улыбнулся шире.

— Красивые слова.

Валентина тоже улыбнулась, она всегда выдерживала всё. Штамм дал ей силу именно поэтому. Её тело стало продолжением характера: чем страшнее ситуация, тем спокойнее она становилась. Когда-то это спасало других. Теперь помогало системе использовать её без шума.

Аврора вышла в кадр через двадцать минут.

— А вот и наше солнышко! — сказал Иволгин.

Зоя остановилась.

— Не называйте меня так.

— Это образ.

— Образ может пойти к чёрту.

— Зоя.

Стрелецкая стояла у стены, Зоя взглянула на неё. Виктория сразу отвела глаза к сценарию, это было почти незаметно. Зоя заметила, съёмка началась. Ведущий спросил о счастье, Аврора произнесла утверждённую фразу.

— Я счастлива служить Родине рядом с лучшими людьми нашей страны.

В горле слово «счастлива» ощущалось как рыбья кость.

— А покажете нашим маленьким зрителям что-нибудь красивое?

— Что именно?

— Звезду. Вы же умеете.

Зоя подняла ладонь, между пальцами родился плазменный сгусток. Нужно было сделать маленькую красную звезду, безвредную, почти игрушечную. Она вспомнила вчерашний смех, металл крана, который светился под пальцем. Сашу, которого Нина не вытащила, Стрелецкую, подписавшую приказ. Плазма стала белой, слишком горячей. Декоративная фанера за ведущим вспыхнула без пламени — сначала почернела, потом прожглась насквозь. Ведущий отшатнулся, пожарный бросился с огнетушителем.

— Стоп! — крикнул режиссёр.

Пламя, пришедший посмотреть съёмку, захохотал.

— Зойка, после ночи лишний огонь остался?

Зоя повернула голову. В её глазах на секунду появилось свечение. Иван перестал смеяться только потому, что Стрелецкая сказала:

— Волков. Вон.

— Да я просто...

— Вон.

Иван поднял руки.

— Семья так семья.

Он вышел, Иволгин уже осматривал прожжённую декорацию.

— Можно оставить в передаче, — сказал он. — Живость.

— Она чуть не сожгла ведущего, — возразил помощник.

— Не сожгла же.

Аврора смотрела на Стрелецкую, Виктория по-прежнему не поднимала глаз.

Ласточка исчезла после съёмки. Для камеры это выглядело так: Нина стояла рядом с хором, улыбалась детям, потом моргнули — и её нет. Для неё началась длинная прогулка. Она прошла весь коридор медленно по собственным меркам. Спустилась по лестнице, поднялась по другой. Вышла через техническую дверь на крышу, город внизу двигался почти неподвижно. Машина на улице ползла на сантиметр за долгие секунды. Голубь висел в воздухе, медленно двигая крылом. Дым из трубы тянулся густой серой полосой. Нина села на край крыши.

В обычном времени прошло несколько секунд, для неё — почти час. Она думала о мужчине на складе. Саша. «Я вернусь». Не вернулась. Пока. Дверь на крышу открылась. Стрелецкая вышла и закрыла её за собой. Нина не удивилась.

— Как нашли?

— Вы всегда идёте наверх, когда хотите, чтобы вас никто не догнал.

— Значит, догнали.

Виктория подошла к парапету.

— Вернитесь вниз.

— Через минуту.

— Уже прошло семь.

— Для вас.

Стрелецкая от спора отказалась, Нина посмотрела на неё.

— Если бы я вчера их всех убила, вы бы меня остановили?

Виктория ответила лишь спустя мгновение.

— Нет.

Нина удивилась.

— Не успели бы?

— Не успела бы.

— А потом?

Пауза. Виктория смотрела на город.

— Родину-Мать попросили бы.

Нина перестала болтать ногой.

— Попросили бы убить меня?

— Остановить.

— Это как у вас называется убийство друга?

— Зависит от обстоятельств.

— А если Валентина откажется?

— Тогда найдут способ убедить.

— Как меня вчера?

Стрелецкая повернулась.

— Да.

Ответ был настолько прямым, что Нина не нашла шутки.

— И вам нормально?

Виктория посмотрела на свои перчатки.

— Нет.

Нина моргнула.

— Что?

— Вы спросили, нормально ли мне. Нет.

— А делаете.

— Да.

— Почему?

— Потому что альтернатива может быть хуже.

Нина засмеялась.

— Это ваша любимая фраза.

— Потому что она часто правдива.

— И всегда удобна.

Стрелецкая промолчала, Ласточка поднялась.

— Ещё вопрос.

— Какой?

— Коллектив может залезать мне в голову когда хочет?

— Если вы в зоне связи и он знает ваш ментальный рисунок — почти всегда.

— Может остановить меня?

— Да.

— Заставить ударить человека?

— Да.

Нина перестала смотреть на город.

— Заставить меня убить родителей?

Стрелецкая ответила не сразу.

— Физически — да.

— И вы это планировали?

— Это существует как крайняя мера.

Нина рассмеялась без звука.

— Конечно. У вас для всего есть крайняя мера.

— Нина...

— Он уже делал такое?

Виктория увидела Лаптева. Комнату. Пистолет. Аркадия, который после выстрела сидел у стены белый как бумага, а через час писал аккуратный отчёт.

— Да.

Нина повернулась к ней всем телом.

— И вы после этого сажаете его с нами завтракать?

— Он часть системы контроля.

— Значит, ответ на мой вопрос — нет.

— На какой?

— Есть ли у меня внутри что-то моё.

Стрелецкая не ответила.

Нина исчезла, на этот раз Виктория осталась одна. Город двигался обычной скоростью, и почему-то казался слишком быстрым.

Ласточка появилась в комнате Коллектива, Аркадий вздрогнул.

— Нельзя стучать?

— Я стучала. Очень быстро.

Она положила перед ним кусок сахара, он посмотрел.

— Что это?

— Не взятка. Проверка.

— Какая?

— Лаптев.

Аркадий перестал смотреть на сахар.

— Стрелецкая рассказала?

— Достаточно.

Нина подошла ближе.

— Ты заставил его?

— Да.

— Он всё понимал?

— Да.

— Просил тебя остановиться?

Пауза.

— Да.

Нина ударила ладонью по столу. Не на скорости. Обычным человеческим движением.

— И ты нажал его пальцем на спуск.

— Я взял моторный контур. Палец был его.

— Не смей прятаться за анатомией.

Аркадий поднял глаза.

— Не прячусь.

— Тогда зачем?

Он мог сказать про Веру. Про приказ. Про то, что Лаптев уже сломал человеку челюсть. Про безопасность объекта. Десять лет назад всё это попало в отчёт.

— Потому что мне приказали. И потому что тогда я считал, что приказ делает ответственность чужой.

Нина молчала.

— А потом?

— Потом я понял, что могу удерживать людей лучше любой камеры. Мне начали доверять. Давали доступ. Спрашивали мнение. И мне это нравилось.

Это оказалось хуже оправдания и потому прозвучало честнее.

— Вчера ты не отправил Стрелецкой мой выход, — сказала Нина.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю.

— Врёшь.

Аркадий посмотрел на кубик сахара.

— Потому что впервые подумал: если я могу войти в чужую голову, это ещё не значит, что там есть что-то моё.

Нина толкнула сахар ближе.

— Тогда правило. Моё первое. Не лезешь глубже без разрешения. Не трогаешь тело. Не подсовываешь мне родителей в голову. Если прямой бой и я сейчас убью кого-то из наших — предупреждаешь. Всё остальное моё.

— Если будет приказ?

— Вот и узнаем, кто ты.

Аркадий взял кубик.

— Я не обещаю, что сразу получится.

— Я не обещаю простить.

— И не надо.

Она ушла. Аркадий положил сахар в ящик. Не съел. Это был не первый договор, который он заключил в жизни. Первый, в котором другой человек имел право отказать.

В лазарете верхний свет выключили.

— Так нельзя работать, — сказал санитар.

— Я работаю, — ответила Анна.

— По нормативу освещение...

— По нормативу у неё паническая реакция на яркие лампы. Значит, сегодня норматив — настольная.

Светящаяся девушка лежала на койке, отвернувшись к стене.

— Спасибо.

Икона проверила зажившее плечо.

— Как тебя записать?

Санитар заглянул в карту раньше, чем пациентка успела ответить.

— Световой эффект, единица сорок два.

— Я не вас спрашиваю.

Девушка медленно повернула голову.

— Никак.

Анна не стала переспрашивать. Лицевая сторона карты вообще не предусматривала места для человеческого выбора — только «рабочее обозначение» и номер. Она перевернула карточку и написала: «Пациентка. Имя не указано по её решению». Санитар вздохнул.

— Так не ведётся документация.

— Сегодня ведётся.

Светящаяся девушка долго смотрела на надпись.

— Зачем?

— Чтобы хотя бы здесь решение принадлежало тебе.

Девушка неожиданно заплакала — негромко, почти беззвучно. Просто отвернулась к стене, и плечи начали дрожать. Анна не трогала её, через несколько минут привезли другую девушку, способную почти полностью останавливать собственное тело. Она лежала на соседней койке, пульс был редким. Анна положила пальцы на запястье.

— Ты это сама делаешь.

Никакой реакции.

— Здесь можно не отключаться.

Санитар усмехнулся.

— Она всегда такая.

Икона посмотрела на него.

— Выйдите.

— Я сопровождающий.

— Тогда сопровождайте из коридора.

— У меня приказ.

Анна встала.

— У меня тоже. Поддерживать медицинский режим. Сейчас медицинский режим — чтобы вас не было в комнате.

Санитар хотел возразить, но вспомнил, что перед ним человек, способный за секунды восстановить разорванное тело. О том, умеет ли она делать обратное, никто официально не проверял. Он вышел, Анна снова села.

— Слышишь меня?

Пульс стал чуть чаще, Анна улыбнулась.

— Вот. Уже лучше.

Неподвижная девушка открыла глаза.

— Вы помните всех?

— Стараюсь.

— Зачем?

Икона посмотрела на карту светящейся девушки.

— Потому что если перестану, однажды буду лечить только номера.

Неподвижная девушка закрыла глаза, но дыхание больше не замедляла.

Кузнец был в ярости, он разложил перед Стрелецкой журнал наблюдений.

— После контакта с ИК-8 объект хуже реагирует на коррекцию.

— Называйте Икону именем, — сказала Виктория.

Кузнец поднял глаза.

— Простите?

— Анна. Икона. Как угодно. Не ИК-8 при разговоре со мной.

Инженер удивился, но продолжил.

— После контакта с Анной ГР-4 дольше анализирует команды. Различает персонал. Реагирует на отдельных сотрудников. Сегодня при подаче импульса впервые пытался закрыть голову лапой.

— Это плохо?

— Это поведенческая деградация.

— Он защищается от боли.

— Он не должен интерпретировать коррекцию как боль. Она должна быть сигналом.

Стрелецкая посмотрела на него.

— А чем отличается сигнал током от боли током?

Кузнец улыбнулся.

— Целью.

— Для того, кого бьют?

Инженер перестал улыбаться.

— Товарищ майор, если мы сейчас начнём гуманизировать машину, потом придётся объяснять, почему машина не выполнила приказ.

Анна стояла у двери.

— Он не машина.

Кузнец повернулся.

— Вы опять здесь.

— Я врач.

— Вы врач людей.

— У него живые органы.

— Часть.

— Достаточно.

Кузнец усмехнулся.

— Я лично удалял части, которые мешали ему думать правильно.

За решёткой раздался металлический удар, Громила сидел в дальнем углу. Коготь ударил по полу. Раз. Кузнец не заметил смысла, Громила ударил снова. Раз. Пауза. Два. Пауза. Три. Икона смотрела.

— Он вас слышит.

— Конечно слышит.

— Нет. Он запоминает.

Кузнец нажал кнопку на пульте. Ток. Медведь дёрнулся. Но вместо привычного подчинения бросился к решётке. Металл выгнулся, один молодой техник отшатнулся и упал. Кузнец поблел. Впервые.

— Увеличить ток!

— Нет! — крикнула Икона.

Стрелецкая подняла руку.

— Прекратить.

Кузнец замер, Громила тяжело дышал у решётки. Смотрел только на инженера — не на всех людей. На одного, Виктория заметила.

— Контакты Иконы с объектом ограничить до отдельного распоряжения.

Анна повернулась.

— Что?

— Вы слышали.

— Он становится осознаннее, и вы наказываете его за это?

— Я снижаю риск.

— Риск для кого?

Стрелецкая посмотрела на погнутую решётку.

— Для всех.

Анна засмеялась без радости.

— Ваша любимая универсальная категория.

Она ушла, Громила проводил её взглядом. Кузнец записал в журнал: «Эмоциональный контакт с Иконой повышает агрессивность объекта». И не записал, что медведь впервые выбрал, на кого именно злиться.

Мужчины Легиона тренировались в зале, Валентина должна была вести занятие. Валентина била по учебным мишеням слишком сильно. Первая металлическая фигура сложилась пополам, вторая вылетела из креплений. Третья после удара молотом, который заменяли тренировочной болванкой, пробила стену и застряла в соседнем помещении. Гранит наблюдал.

— Валя.

Она повернулась.

— Командир.

— Ты стену пробила.

— Вижу.

Пламя ухмыльнулся.

— Плохое настроение после праздника?

Валентина развернулась к нему так быстро, что Иван перестал улыбаться.

— Ещё одно слово, — сказала она, — и тренировочной целью будешь ты.

Тишина. Иван приподнял бровь.

— Это угроза?

— Предупреждение.

Стрелецкая вошла в зал.

— Занятие закончено.

Валентина посмотрела на неё.

— Я могу продолжать.

— Я сказала закончено.

Родина-Мать сжала тренировочный молот, деревянная рукоять треснула. Она положила обломки на пол.

— Есть.

Пламя смотрел ей вслед, и улыбался уже иначе. Не весело, с интересом.

Григорий схватил Пламя за ворот через пять минут.

— Ещё раз пошутишь — я тебя в пол вобью.

Иван даже не попытался освободиться.

— Вот это семья.

Григорий поднял его одной рукой, Иван поднёс палец к его лицу. На кончике зажёгся огонёк.

— Осторожно.

Коллектив вмешался — не словами. Короткий ментальный импульс. Остановиться. Гранит замер, Пламя тоже. Через секунду Аркадий убрал давление, Григорий медленно поставил Ивана на пол. Потом повернулся к Коллективу.

— Ты залез мне в голову.

— Да.

— Без спроса.

— Да.

— Ещё раз — ударю.

Аркадий кивнул.

— И правильно.

Григорий растерялся.

— Что?

— Я сделал это сознательно. Было проще, чем дать вам убить друг друга. Но если начну считать это нормальным — ударь.

Иван рассмеялся.

— Какие все внезапно стали про личные границы.

Он поправил ворот.

— У нас нет границ. У нас есть начальство.

Гранит посмотрел на него, Пламя ушёл. Через час он сидел в кабинете Иволгина.

— В Легионе нервно, — сказал Иван.

— Я заметил.

— Родина-Мать угрожает бойцам.

Иволгин записал.

— Аврора нестабильна.

— Записал.

— Ласточка пропадает.

— Это её профессия.

Иван усмехнулся.

— Хотите совет?

— Нет.

— Всё равно дам. Если кто-то начнёт бунтовать, не ставьте меня рядом с ними.

Иволгин поднял глаза.

— Почему?

— Потому что мне придётся выбирать сторону.

— И какую выберете?

Иван улыбнулся.

— Сильную.

Иволгин закрыл блокнот.

— Тогда постарайтесь вовремя понять, какая это сторона.

Телефонный разговор с Лидой дали на пять минут. Григорий держал трубку осторожно, в его ладони она выглядела игрушечной.

— Гриш?

— Привет.

— Ты где пропадал?

— Родину спасал.

— Опять?

— Она без меня никак.

Лида засмеялась, Григорий закрыл глаза. Ради этого смеха можно было остановить танк, работать на параде, стоять по стойке смирно, терпеть Пламя и даже благодарить Стрелецкую за апельсины, которые всё ещё лежали у него в шкафу.

— У нас дурдом, — сказала Лида.

— Что случилось?

— Семёнов велел освобождать койки. Морг пересчитать. Формалин заказали как на войну.

Гранит открыл глаза.

— Зачем?

— «Санитарные осложнения массового мероприятия».

— Парад.

— Наверное.

Она сказала это легко, но Григорий вспомнил крик с Красной площади. Седьмого ноября они сами вас убьют.

— Лида, — сказал он. — Если что-то странное...

— Всё в больнице странное. У нас сегодня холодильник с анализами отключился, и заведующий сказал, что это диверсия империализма.

Григорий улыбнулся через силу.

— Просто будь осторожна.

— Ты тоже.

— Я приеду, как дадут увольнение.

— Ты это неделю говоришь.

— Приеду.

— Апельсины не забудь.

— Не забуду.

Связь отключилась, Григорий ещё держал трубку у уха. За стеной оператор уже записывал время разговора. В соседней комнате Стрелецкая слушала часть линии через систему контроля. Она сделала пометку: «Больница №7. Проверить подготовку. Семёнов». Главной причиной была прагматика: Лида оставалась рычагом, а рычаг должен оставаться целым. Виктория понимала это и всё равно сказала дежурному:

— Уточнить, нет ли угрозы Никитиной.

В её работе забота давно научилась существовать в форме контроля.

В больнице №7 Валя нашла накладную первой.

— Лид, иди сюда.

— Что?

— Посмотри.

На бумаге значилось количество мешков для транспортировки тел. Лида перечитала цифру.

— Опечатка.

— Три нуля опечатка?

— Может, на весь город.

— Тогда почему получатель наш морг?

За спиной раздался голос Семёнова:

— Потому что документы имеют свойство попадать не в те руки.

Обе обернулись, главврач подошёл и забрал накладную.

— Девочки, медицинский работник должен уметь не задавать вопросы до постановки диагноза.

Валя улыбнулась.

— А диагноз какой?

— Любопытство.

— Лечится?

— Увольнением.

Он ушёл, Валя посмотрела на Лиду.

— Вот и ответ.

Через час Семёнов распорядился выписать старика после тяжёлой операции.

— Койка нужна.

— Ему нельзя домой, — сказала Валя.

— Это решение заведующего.

— Он один живёт.

— Социальные службы.

— Они неделю будут оформлять.

Семёнов посмотрел на неё.

— Валентина, вы хотите спорить?

— Нет.

Она дождалась, пока он уйдёт. Подделала подпись на направлении и перевела пациента в другую больницу через знакомую медсестру. Лида увидела.

— Тебя уволят.

Валя пожала плечами.

— Увольнение всё равно лучше морга.

Они обе засмеялись, потом Лида перестала. У двери стоял новый санитар в белом халате. Под рукавом виднелась красная повязка — не больничная. Она видела такие у людей, которые иногда сопровождали Гранита. Санитары КГБ. Мужчина заметил её взгляд и опустил рукав. Лида отвернулась, на доске приказов висела новая бумага. Внизу — подпись: ДРОЗДОВ. Она запомнила номер документа.

Елена Рябова пришла к дочери после съёмки. Зоя увидела мать в коридоре и остановилась. Елена выглядела хуже, чем на старых фотографиях. Осунулась, волосы поседели у висков, в руках — папка.

— Зоя.

— Я занята.

— Пять минут.

— Нет.

— Я нашла...

— Не надо.

Елена сделала шаг.

— Я была права.

Аврора рассмеялась.

— Это всё?

— Нет.

— Потому что если да, можно было открытку прислать.

— Я пытаюсь понять, что они делали.

— Они? Ты тоже делала.

Елена побледнела.

— Я знаю.

— Нет. Ты водила меня на съёмки. Говорила улыбаться. Говорила, что это шанс. Ты сама подписала согласие.

— Я думала...

— Вот именно.

Зоя посмотрела на папку.

— Что там?

— Старые монтажные листы. Дети, которых показывали перед программой. Некоторые потом исчезли. Фамилии совпадают с закрытыми медицинскими списками.

Зоя замерла.

— Откуда у тебя медицинские?

— Пока мало.

— Тогда не лезь.

— Зоя...

— Я серьёзно. Они тебя уничтожат.

Елена посмотрела на дочь.

— Ты беспокоишься?

Аврора отвернулась.

— Я не хочу, чтобы мне потом пришлось смотреть по телевизору ещё на одного родственника.

Елена слышала больше, чем Зоя хотела сказать.

— Я не остановлюсь.

— Конечно. Ты же всегда знаешь, как лучше.

Зоя ушла. Елена осталась в коридоре. Вместо дома поехала в архив телецентра. До ночи просматривала старые плёнки и списки. Нашла одно имя, которое было вычеркнуто из монтажного листа 1971 года. То же имя стояло в больничной выписке, датированной через неделю после «утилизации». Она сделала копию. Не из чистого героизма. Часть её всё ещё хотела однажды положить папку перед Зоей и услышать: «Ты сделала хоть что-то правильно». Иногда стыд становится топливом не хуже веры.

Чёрный рынок просыпался ближе к вечеру. Кухонная работница из «Зари» передала маленький пакет человеку, который торговал импортными чулками и краденым лекарством. Тот отнёс его дальше. Через три руки пакет оказался у Коллекционера. Он открыл записку. «ТРИУМФ. 7.11. Склад. Комплекты. Голос Д.» Ниже номер пропуска. Алхимик сидел напротив и переливал прозрачную жидкость из одной ампулы в другую.

— Интересно? — спросил он.

— Дорого.

— Это не ответ.

— Для меня одно и то же.

Коллекционер передал записку, Алхимик прочитал.

— Значит, Дроздов снова играет в театр.

— Похоже.

— Мне заказывали больше ингибиторов.

— Насколько больше?

— В пять раз.

Коллекционер поднял глаза.

— Государство заказывает лекарство вагонами, значит, собирается массово лечить непослушание.

Алхимик усмехнулся.

— Поднимем цену?

— Конечно.

— А предупредить кого-нибудь?

Коллекционер посмотрел на него с удивлением.

— Зачем портить рынок?

Дверь открылась, Диггер принёс ящик старых компонентов.

— Из объекта под областью. Всё закрыли, но вентиляция осталась.

— Что-нибудь новое?

— Возле «Асбеста» движение. Питание усилили. Охраны больше.

Алхимик рассмеялся.

— Если Шёпот проснётся, наконец решим проблему неплатёжеспособных клиентов.

Несколько долгих секунд никто не смеялся. Реген сидел у стены, закатывая рукав после сдачи крови.

— Если проснётся, — сказал он, — у вас клиентов вообще не останется.

Коллекционер пожал плечами.

— Тогда рынок закроется по естественным причинам.

Люди Михаила услышали про пакет случайно. Павел поймал разговор посредника с человеком Коллекционера.

— «Красная папка», «Заря», «голос генерала», — перечислил он.

Фантом узнала описание курьера.

— Я видела его на въезде.

Михаил разложил карту.

— Не лезем на рынок вслепую.

— Почему? — Мороз сидела у стены. — Берём Коллекционера за горло.

— Потому что рынок — его территория.

— И что?

— Там сотни людей. Часть вооружена. Часть прометеи. Начнём бой — информация сгорит вместе с продавцами.

Темп постучала пальцем по схеме.

— Документы копируют. Если есть пакет, есть маршрут. Архив. Доставка.

Артём сказал:

— Грузовики от «Зари» сегодня пошли к больнице номер семь.

Гранит, который не был здесь, всё равно как будто появился в комнате через имя сестры. Михаил посмотрел на Камертона.

— Больница.

Виктор изучал кусок гидравлической оболочки Громилы.

— Медведя готовят к перевозке. И фиксаторы рассчитаны на очень большую нагрузку.

Сергей вздохнул.

— Мы про документы.

— Он стал злее, но не пустее.

— Что это значит?

Виктор открыл глаза.

— Начал вспоминать.

Шёпот сказала одно слово. На объекте «Асбест» дежурный оператор сначала решил, что звук пришёл из вентиляции. Потом прослушал запись: женский голос. Тихий.

— Громко.

Он перемотал. Снова:

— Громко.

Светлана лежала в камере с закрытыми глазами. Приборы показывали слабую активность, оператор вызвал врача. Тот посмотрел графики.

— Непроизвольная вокализация.

— Она десять лет не говорила.

— Значит, сегодня сказала.

— Может, сообщить наверх?

Врач посмотрел на часы.

— Сообщим в плановом отчёте.

— А если...

— Если что?

Для оператора смысл произошедшего остался загадкой. Врач сделал запись: «Единичная речевая реакция во сне. Смысловое содержание не установлено». Само слово расслышали совершенно точно, его значение просто предпочли оставить без толкования.

Вечером Стрелецкая получила доступ к части материалов «Триумфа». Не к папке. К «оперативному обеспечению праздничного мероприятия». Списки вероятных беглых носителей. Периметр. Планы эвакуации. Схемы заграждений. Виктория читала два часа. На третьей схеме остановилась. Сектор гражданской эвакуации с Никольской улицы направлял людей не наружу, а к зоне вероятного столкновения. Она проверила следующую. То же. Ещё один маршрут загонял толпу в узкий проход, где при панике люди будут давить друг друга. Стрелецкая вызвала офицера штаба.

— Ошибка.

— Где?

— Сектора три и пять.

Он посмотрел.

— Схема утверждена.

— Она ведёт людей в опасную зону.

— Таков расчёт.

— Чей?

— Выше.

Виктория пошла к Дроздову, генерал выслушал.

— Не менять.

— Почему?

— Потому что схема часть общего плана.

— Общего плана чего?

— Вы снова задаёте вопрос шире допуска.

Стрелецкая положила карту на стол.

— Людей направляют под удар.

— При одном из сценариев.

— Намеренно?

Дроздов посмотрел на неё.

— Виктория, вы сегодня особенно утомительны.

— Я должна знать, кого защищаю.

— Государство.

— На карте граждане.

— Граждане — часть государства.

— Мёртвые?

Дроздов вздохнул.

— Как прошёл вечер в «Заре»?

Вопрос прозвучал так буднично, что Виктория лишь спустя мгновение поняла смену темы.

— Без происшествий.

— Активы дисциплинированы?

Стрелецкая почувствовала, как что-то внутри становится очень холодным.

— Да.

— Хорошо.

Для Дроздова женщины, схема эвакуации и будущие погибшие действительно находились в одной категории. Ресурсы. Виктория забрала карту.

— Маршруты всё равно нужно пересчитать.

— Не нужно.

— Я отмечу возражение в журнале.

Дроздов поднял глаза.

— Отметьте.

Это разрешение испугало её больше запрета. Значит, он был уверен, что никакая запись ничего не изменит.

Мадам вызвала Ирину.

— Как спалось?

— Нормально.

— После таких вечеров никто не спит нормально.

Галина пожала плечами.

— Тогда плохо.

Мадам налила чай.

— Ты вчера была возле кабинета дольше обычного.

— Просили.

— Кто?

— Не помню.

— Удобно.

— Вы сами говорили забывать.

Мадам улыбнулась.

— Хорошая девочка.

Галина смотрела на неё.

— Это всё?

— Пока.

Она вышла. В гримёрной сказала остальным:

— Она знает, что что-то произошло.

— Что делать? — спросила светящаяся девушка.

— Нас могут разделить.

Неподвижная девушка сидела у зеркала.

— Тогда говорить надо сейчас.

Все повернулись, неподвижная девушка сама удивилась, что сказала. Девушка с чужими голосами спросила:

— Кому?

Девушка, менявшая запах кожи, тихо произнесла имя:

— Красный Богатырь.

Галина усмехнулась.

— И адрес у тебя есть?

— Нет.

— Тогда замечательный план.

Неподвижная девушка достала бирку.

— Найдём.

Третье самостоятельное слово за два дня, для другого человека — ничего. Для неё — почти восстание.

Перед обедом съёмочная группа решила добавить «живую детскую часть». Иволгин привёл в павильон шестеро пионеров. Их отобрали заранее: хорошие оценки, правильные семьи, умение не ковырять в носу перед камерой. Детям выдали одинаковые красные галстуки и объяснили, что вопросы героям нужно задавать по карточкам. Мальчик по имени Серёжа получил вопрос: «Каким должен быть настоящий советский герой?» Девочка Таня — «О чём мечтает Аврора?» Самой маленькой, семилетней Оле, досталось: «Родина-Мать, любите ли вы детей?»

— А можно другой? — спросила Оля.

Редактор присел к ней.

— Почему?

— Это глупый. Конечно любит. Она же Родина-Мать.

Редактор посмотрел на Иволгина. Тот подумал и сказал:

— Пусть задаст свой.

— Без согласования?

— Ребёнок. Живость.

Камеры включились, оля подошла к Валентине. Рядом с Родиной-Матерью она казалась совсем крошечной.

— Тётя Валя... можно так?

Валентина улыбнулась.

— Можно.

— А вы когда-нибудь боитесь?

В павильоне стало тихо. Иволгин уже собирался остановить дубль, но не успел. Валентина посмотрела на девочку, вчера она боялась. Не за жизнь, её жизнь трудно было отнять. Она боялась отказать, боялась последствий для других. Боялась, что если однажды скажет «нет», весь сложный мир, который она десять лет называла долгом, окажется обычной клеткой.

— Да, — сказала она.

Оля удивилась.

— Правда?

— Конечно.

— А как же вы тогда герой?

Валентина избегала смотреть на камеры.

— Наверное, герой — не тот, кто не боится. А тот, кто решает, что делать, когда боится.

Иволгин поднял руку.

— Стоп.

Оля обернулась.

— Я плохо спросила?

— Нет, солнышко. Техническая пауза.

Иволгин подошёл к Валентине.

— Ответ слишком... личный.

— Она задала личный вопрос.

— Нам нужен образ уверенности.

— Я не сказала, что не уверена.

— Страх в Родине-Матери не работает.

Валентина посмотрела на него.

— Тогда вырежьте.

— Переснимем.

Оля снова встала на отметку, теперь редактор дал ей карточку.

— Спроси это.

Девочка прочитала:

— «Что помогает вам никогда не бояться?»

Валентина поняла, что предыдущего ответа уже не существует.

— Любовь к Родине, — сказала она.

— Стоп. Отлично.

Оля улыбнулась. После съёмки она подбежала к Валентине за автографом.

— Мне первый ответ больше понравился.

Валентина замерла.

— Почему?

— Потому что я тоже боюсь.

Валентина подписала открытку. «Оле. Не бойся выбирать сама. В. Руднева». Она перечитала написанное, на секунду захотела зачеркнуть. Не зачеркнула. Иволгин потом увидел открытку, нахмурился, но ребёнка уже увели.

— Вы начинаете импровизировать, — сказал он.

— Это запрещено?

— Пока нет.

— Тогда пользуйтесь моментом.

Он посмотрел ей вслед. В блокноте сделал пометку: «РМ — эмоциональная коррекция образа? Обсудить со Стрелецкой». Даже человеческий совет ребёнку мгновенно становился вопросом управления образом.

В больнице №7 освобождение морга началось не с бумаг, а с пилы. Лида пришла за контейнером с анализами и услышала металлический визг из секционной.

— Что они там делают? — спросила Валя.

— Не знаю.

Они заглянули, на столе лежало тело мужчины-прометея. Лида не знала его имени, на бирке значился номер. Грудная клетка уже была раскрыта, рёбра раздвинули. Внутри работали двое людей в фартуках, один извлекал органы, второй записывал.

— Печень — без особенностей.

— В контейнер три.

— Почки?

— Одну в институт. Вторую в резерв.

У стены стоял Семёнов.

— Быстрее. Камера нужна к вечеру.

Один патологоанатом взял электрическую пилу и начал разрезать бедренную кость. Запах горячей костной пыли смешался с формалином. Валя побледнела.

— Это обычное вскрытие?

Лида покачала головой, пила прошла глубже. Кость была необычно плотной, лезвие заскрежетало.

— Чёрт, — сказал врач. — Опять эти усиленные.

Он надавил, диск закусил, потом резко отпустило. Кусок ткани и костная крошка брызнули на фартук.

— Сколько можно, — выругался он. — Дайте промышленную.

Семёнов заметил девушек у двери.

— Что вы здесь делаете?

— Контейнер, — сказала Лида.

— Забрали и ушли.

Валя смотрела на тело.

— А семья?

Семёнов нахмурился.

— Что?

— У него есть семья?

— Не ваше дело.

— Они получают тело?

Патологоанатом усмехнулся, продолжая работать.

— Какое?

Лида почувствовала тошноту, Семёнов подошёл ближе.

— Это специальный материал. Все процедуры утверждены.

— Он человек, — сказала Валя.

Главврач посмотрел на неё с усталостью.

— Валентина, я вам сегодня уже объяснял про увольнение.

— Объясняли.

— Значит, выйдите.

Они вышли, в коридоре Валя прислонилась к стене.

— Я десять лет в больнице.

— И?

— Никогда не видела, чтобы человека разбирали как запчасти.

Лида молчала. Из секционной снова взвизгнула пила. Через несколько минут мимо них прокатили тележку с закрытыми металлическими контейнерами. На одном было написано: «КОСТНАЯ ТКАНЬ / ПРОМЕТЕЙ / ОПЫТНАЯ СЕРИЯ». На другом: «ПРОЧЕЕ — УТИЛИЗАЦИЯ».

— Вот и морг освобождают, — сказала Валя.

Лида посмотрела на новый приказ Дроздова на доске.

— Зачем к седьмому?

— Может, ждут много работы.

Обе подумали об одном и том же. Все оставили это при себе. Позже Валя нашла в бельевой ещё одну коробку мешков для тел. На каждой пачке стояла дата выдачи: шестое ноября. Она вытащила один упаковочный ярлык и спрятала в карман.

— Что делаешь? — спросила Лида.

— Ничего.

— Валя.

— Если всё нормально, бумажка никому не нужна. Если ненормально — пригодится.

Лида посмотрела на неё.

— Ты же сама говорила прекратить любопытство.

— Я передумала.

— Почему?

Валя кивнула в сторону секционной.

— Потому что там человек уже перестал задавать вопросы навсегда.

В тот же вечер рынок под старым бомбоубежищем был полон. Здесь продавали всё, что официальная система объявляла несуществующим. Ампулы ингибитора лежали рядом с импортными часами. Плёнки с чужими воспоминаниями — рядом с иконами. Кости прометеев превращали в рукояти ножей, брелоки и «лечебные» амулеты. Диггер вывалил на стол Коллекционера находки из заброшенного объекта.

— Катушки. Датчики. Два блока связи. И вот.

Он достал человеческую кисть в банке, пальцы были длинными, кожа сероватой.

— Зачем мне рука?

— Она проходит сквозь стекло.

Коллекционер поднял бровь.

— Откуда знаешь?

Диггер поставил банку возле витрины. Кончики пальцев действительно слегка вошли в стекло, будто оно было водой. Алхимик заинтересовался.

— Старая фазовая серия.

— Целого владельца не нашёл, — сказал Диггер. — Только это и половину таза.

— Таз оставил?

— Тяжёлый.

Реген сидел в кресле у стены. Из его локтя шла трубка в стеклянную бутыль. Кровь текла густая, тёмная.

— Хороший разговор за ужином, — сказал он.

Коллекционер посмотрел на бутыль.

— Сколько сегодня?

— Литр.

— Мало.

— Я вчера два сдавал.

— Ты регенерируешь.

— Я не винный кран.

Алхимик проверил цвет крови на свет.

— Технически ближе к биореактору.

Реген показал ему средний палец.

— Тоже регенерирует.

На соседнем столе мясник рынка пилил кость погибшего прометея. Диск визжал, белая пыль оседала на чёрном фартуке.

— Сувениры к юбилею, — объяснил он покупателю. — Настоящий материал. Сертификат могу сделать.

— Какой сертификат?

— Любой. Хотите с печатью Министерства культуры?

Коллекционер слушал и улыбался, государство называло людей ресурсом. Рынок всего лишь поставил ценники. Разница между ними заключалась главным образом в бухгалтерии: здесь не притворялись, что делают это ради будущего человечества.

— Возле «Асбеста» ещё машины, — сказал Диггер.

Алхимик перестал рассматривать кровь.

— Какие?

— Генераторы. Дополнительное питание. Два фургона охраны.

— Может, профилактика.

— Может.

Реген посмотрел на них.

— Вы правда будете шутить про Шёпот, пока она не залезет вам в голову?

Коллекционер взял записку из «Зари».

— Если она залезет, будем повышать цену на тишину.

— Ты всё продаёшь?

— Нет.

— Что не продаёшь?

Коллекционер на секунду подумал об Анне.

— То, что никто пока не предложил достаточно дорого.

Даже любовь к дочери он формулировал как рыночное исключение.

Иволгин вечером пересматривал детскую съёмку, первый ответ Родины-Матери он приказал убрать.

— Почему? — спросил редактор. — Он хороший.

— Слишком хороший.

— Не понимаю.

— Люди не должны видеть у символа внутреннюю жизнь. Потом начинают задавать вопросы, которые символ не обязан выдерживать.

— Но она сказала про выбор.

— Именно.

Иволгин остановил кадр на лице Валентины.

— Вот здесь она думает. Видите?

— Ну и?

— Родина-Мать не должна думать перед ответом о Родине. Она должна знать.

Он поставил следующий дубль. «Любовь к Родине помогает мне никогда не бояться».

— Вот. Чисто.

Редактор записал.

— А Аврору с прожжённой декорацией?

— Оставить две секунды. Диктор скажет: «Даже на съёмках наши герои не могут скрыть темперамент».

— А если кто-то поймёт, что она была зла?

Иволгин усмехнулся.

— Зритель понимает то, чему дали название.

Он выключил монитор. В коридоре висел плакат «Наши герои — наша семья». Иволгин задержался перед ним. Семья была отличным словом. В семье многое можно не выносить из дома. После разговора с Иволгиным Пламя не пошёл в казарму. В подвале тренировочного корпуса оставался один «контрольный объект» — человек из числа задержанных, которого использовали для проверки точности боевых способностей. Формально он был опасным прометеем. Фактически его способность заключалась в том, что кожа становилась на несколько секунд скользкой, как масло. Для боя это считалось бесполезным.

Иван спустился без задания, дежурный Санитар поднялся.

— На сегодня испытаний нет.

— Теперь есть.

— Нужна бумага.

Пламя показал удостоверение Легиона.

— Это не бумага?

— Распоряжение майора.

Иван улыбнулся.

— Хочешь позвонить Стрелецкой и спросить, можно ли мне потренироваться перед парадом?

Санитар подумал — не захотел.

— Пять минут.

Объект стоял за стеклом, мужчина лет сорока с выбритой головой. На груди номер, увидев Пламя, он отступил к стене.

— Нет, — сказал он.

Иван вошёл в камеру.

— Что нет?

— Я вчера уже проходил.

— Сегодня новая методика.

— Мне сказали, всё.

— Тебе много чего говорят.

Пламя поднял руку, мужчина активировал способность. Кожа заблестела, стала скользкой, Иван рассмеялся.

— И что? Собираешься выскользнуть из огня?

— Пожалуйста.

Огонь вспыхнул у пальцев — не плазма Авроры. Настоящее пламя — яркое, живое.

— Стой! — крикнул дежурный за стеклом. — Волков, лимит!

Иван выпустил короткую струю в стену рядом с человеком. Краска вспухла, мужчина упал.

— Видишь, — сказал Пламя. — Ты даже не пытаешься.

— Я не боевой.

— Все боевые, если правильно мотивировать.

Он ударил огнём по ноге, ткань вспыхнула мгновенно. Мужчина закричал и стал кататься по полу, пытаясь сбить пламя ладонями, но только размазывал расплавившуюся синтетику по коже. Иван погасил огонь через несколько секунд. Этого хватило: штанины почти не осталось, на голени кожа вздулась пузырями и местами сошла влажными пластами, обнажив красно-белую ткань под ней. В комнате запахло палёными волосами и жареным мясом.

— Ещё раз, — сказал Иван.

Дежурный открыл дверь.

— Хватит.

Иван повернулся.

— Ты мне приказываешь?

Санитар остановился.

— У меня инструкция сохранить объект до завтра.

Иван посмотрел на лежащего человека.

— Вот. Уже мотивация.

Он вышел. За дверью услышал, как санитар вызывает врача. Ивану было спокойно. В «Заре» он не был жертвой. Он вообще редко чувствовал себя жертвой, потому что давно понял простое правило: если система всё равно устроена как цепь, выгоднее кусать тех, кто ниже, и лизать руку тем, кто выше, пока не станешь выше сам. Иволгин это почувствовал, Иван чувствовал, что Иволгин почувствовал. Так иногда начинаются союзы — не с доверия. С взаимного узнавания.

Стрелецкая в ту ночь бодрствовала. Она сидела за столом и перечитывала журнал нарушений. Ласточка — самовольное оставление съёмочной площадки на семь минут. Аврора — повреждение декорации. Родина-Мать — превышение силы на тренировке, порча трёх мишеней и стены. Коллектив — несанкционированный ментальный импульс в отношении двух легионеров. Громила — повреждение решётки. Икона — спор с инженерным персоналом, нару-

шение ограничения доступа. На бумаге всё выглядело как дисциплинарная волна. Виктория могла назначить наказания.

Обычно назначила бы. Сегодня поставила рядом с каждым пунктом карандашную точку и отложила папку. Она достала другую, больница №7. Семёнов. Дополнительный формалин. Мешки. Приказ Дроздова, потом карту эвакуации. Сектор три — в зону поражения, сектор пять — в узкое горло. Слова пленника. «Седьмого ноября они сами вас убьют». Виктория начала составлять список несостыковок — пока именно несостыковок, без обвинений и подозрений. Так было безопаснее даже в собственной голове.

1. Неизвестный источник информации у задержанного.
2. «Триумф» скрыт от оперативного куратора.
3. Расчёт гражданских потерь 2800+.
4. Ошибочные маршруты эвакуации утверждены без исправления.
5. Больница №7 готовится к массовому приёму тел.

Она дошла до шестого пункта и остановилась на слове «Заря». Вечер формально выпадал из оперативной цепочки, однако именно там Дроздов обсуждал цифры, Родионов говорил про мешки, а Иволгин — про нужный эффект. Людей использовали в комнате и собирались использовать на площади, и Виктория вдруг увидела административное родство этих вещей: один язык, одни «активы», «допустимые повреждения», «ресурс», «восстановление», «потери». Она резко закрыла папку, потому что вывод становился пугающе правильным. На столе стояла фотография Володи.

Виктория взяла её, мальчик в пионерской пилотке улыбался.

— Ты бы надо мной смеялся, — сказала она тихо.

Комната промолчала, она снова убрала фотографию в ящик. И открыла папку. Шестой пункт написала так: «Стиль управления ресурсами совпадает между закрытыми мероприятиями и оперативным планированием». Фраза была уродливая, зато профессиональная. Пока Виктория умела признавать правду только на языке служебной записки.

Утром Аркадий обнаружил сахар на прежнем месте, взял кубик, повертел в пальцах и задумался о границах. Технически человеческое сознание казалось ему пространством без стен, почти открытым радиоэфиром: знаешь частоту — слышишь. Раньше он переносил вину целиком на использование способности, однако после разговора с Ниной впервые увидел разницу между возможностью открыть дверь и правом войти. Аркадий сел и составил собственные правила, сохранив их исключительно в памяти.

Не читать глубже поверхностного слоя без согласия.

Не передавать Стрелецкой личное, если нет непосредственной угрозы.

Не использовать импульс управления против товарищей, кроме предотвращения немедленной смерти.

И последнее: Если прикажут нарушить первые три — решить, кто такие «товарищи». На этом пункте он задержался. Красный Легион по уставу состоял из товарищей. Беглые прометеи числились врагами. Но устав вчера отправил женщин в «Зарю». Аркадий положил сахар в рот. Он был обычный. Сладкий. И почему-то ощущался как первая вещь, которую ему дали не за службу. В столовой в тот день было тихо. Обычно Пламя говорил громче всех, Ласточка крала еду, Гранит ел, будто готовился пережить голодный год, а Аврора читала газету и ругалась с заголовками. Сегодня за столом сидели те же люди, но каждый словно находился в отдельной комнате.

Григорий поставил перед Валентиной чашку чая.

— С сахаром.

— Я не просила.

— Знаю.

Она посмотрела на него.

— Ты что-нибудь хочешь спросить?

Григорий пожал плечами.

— Нет.

— Тогда зачем чай?

— Потому что ты выглядишь так, будто тебе нужен чай.

Валентина почти улыбнулась, Зоя сидела напротив. Пламя вошёл, взял поднос и сказал:

— Что, траур?

Гранит медленно поднял голову, Иван увидел взгляд и решил продолжить.

— Я просто спрашиваю. Вчера праздник, сегодня все лица как после похорон.

Нина перестала жевать. Аркадий почувствовал, как в комнате одновременно поднялись несколько волн ярости. Раньше он автоматически сгладил бы их, теперь вспомнил сахар. Не вмешался, Родина-Мать встала. Иван смотрел на неё с привычной полуулыбкой.

— Что?

— Сядь и ешь, Иван.

— Я и собирался.

— Молча.

— Командирский приказ?

Валентина сделала шаг. Стол между ними треснул от того, что она опёрлась ладонью слишком сильно.

— Личная просьба.

Пламя впервые увидел в её лице не дисциплину, а желание ударить. Он сел. Молча. Григорий подвинул Валентине чай, она выпила. Благодарности не прозвучало. Через пять минут Ласточка положила на тарелку Родины-Матери половину украденного пирожка.

— Это что?

— Профсоюзная поддержка.

Аврора фыркнула, Гранит засмеялся. Даже Коллектив улыбнулся, смех длился несколько секунд. Он ничего не исправил. Но впервые после «Зари» они смеялись не потому, что им разрешили. Стрелецкая наблюдала из дверей столовой, могла войти. Не вошла. Она вдруг поняла, что присутствие куратора иногда разрушает вещи, которые невозможно потом восстановить приказом. Это понимание было маленьким, почти бесполезным. Но оно тоже осталось.

Позже Гранит всё-таки передал апельсины Лиде через водителя больницы. Он долго проверял пакет, будто внутри лежали документы государственной важности, и вложил записку: «Не ешь все сама. Хотя можешь». Водитель обещал передать. По дороге пакет вскрыли на контрольном посту. Один апельсин разрезали ножом, проверяя, нет ли внутри записки или препарата. Второй сотрудник съел половину проверенного плода и сказал, что пропадать добру глупо. Записку прочитали, переписали текст в журнал и только потом вернули в пакет.

Лида получила семь апельсинов вместо восьми. Она решила, что брат ошибся при счёте. Один отдала Вале, два — пациентам, остальные спрятала в тумбочку. Валя очистила свой апельсин и сказала:

— Вот за что люблю твоего брата. Государство готовит мешки для трупов, а он присылает цитрусовые.

Лида улыбнулась.

— Он такой.

Лида и Валя оставались в полном неведении относительно того, что даже этот маленький жест заботы прошёл через проверку, запись и чужой рот. В системе «Прометей» контроль пытался коснуться каждого человеческого жеста: иногда ломал людей, иногда просто съедал один апельсин. К вечеру праздничную передачу показали по внутренней сети. В казармах кто-то включил телевизор без звука, на экране Валентина уверенно рассказывала о собственном

бесстрашии и любви к Родине, Зоя улыбалась рядом с аккуратно вырезанным кадром прожжённой декорации, а детский хор пел про семью.

Нина смотрела минуту, потом выключила.

— Зачем? — спросил Гранит.

— Там люди, которых я сегодня не знаю.

Валентина стояла в дверях, она услышала. Раньше сказала бы, что телевизионный образ нужен стране и личное чувство не имеет значения. Сегодня промолчала, через секунду снова включила телевизор.

— Пусть играет, — сказала она.

— Почему?

— Хочу запомнить, как выглядит ложь, когда у неё моё лицо.

Ответ так и остался за пределами комнаты. На экране ведущий произнёс: «Герои остаются героями не только в бою, но и в обычной жизни». Иван, проходивший мимо, усмехнулся, Аврора взяла пульт и прибавила звук. Никто больше не выключал передачу. Они досмотрели её до конца, как смотрят документальное кино о чужих людях, которым случайно дали их лица, голоса и имена. И каждый понимал: завтра этим чужим людям снова придётся изображать их перед всей страной. Валентина пришла в оружейную после ужина.

— Серп и молот.

Оружейник поднялся.

— Для тренировки?

— Да.

Он замялся.

— Не могу выдать.

Валентина решила, что ослышалась.

— Почему?

— Распоряжение майора Стрелецкой. До парада боевое оружие под отдельным контролем.

— Моё оружие.

— Да.

— Тогда выдайте.

Оружейник побледнел.

— Валентина Сергеевна, я бы рад. Ведомость закрыта.

Она посмотрела на крепления. Пустые. Её серп и молот лежали за стальной дверью, к которой у неё не было ключа. Оружие, созданное под её руки. Символ, который страна видела на каждом плакате.

— Кто имеет доступ?

— Стрелецкая. Дежурный начальник. Арсенальный офицер.

— А я?

— По распоряжению.

Валентина долго смотрела на пустое место. Потом спросила:

— А что здесь вообще моё?

Оружейник открыл рот и снова закрыл. Он был хорошим старшиной, умел учитывать патроны, чистить затворы и объяснять проверяющим, почему два штыка числятся в ремонте третий год, однако должностная инструкция молчала о том, кому принадлежит оружие, созданное под тело конкретного человека.

— Не знаю, товарищ командир.

Валентина кивнула.

— Я тоже.

Она вышла. В другом конце Москвы неподвижная девушка сидела на койке в «Заре» и держала в руке маленькую картонную бирку. Впервые за много лет она взяла вещь сама, по собственной воле, вне приказа и программы. Сама спрятала, сама сохранила. Родина-Мать, способная поднять танк, стояла перед запертой оружейной и впервые понимала, что ей не принадлежит даже молот с собственного плаката. Неподвижная девушка, которая годами почти не управляла собственным телом, сжимала кусок картона и впервые чувствовала, что одна маленькая вещь принадлежит её решению.

Обеим этого было мало. Но трещины редко начинаются с обрушения стены. Сначала появляется тонкая линия. И однажды через неё проходит весь свет.

Через час после разговора в оружейной Валентина вернулась в казарму и впервые не пошла сразу в свою комнату. Она спустилась в столовую. Ночью там оставались только дежурные, повариха тётя Шура и несколько солдат внутренней охраны. На столах стояли алюминии-

евые сахарницы, хлеб лежал под марлей. Никакой символики, никаких камер Центрального телевидения. Только две ведомственные камеры под потолком, которые здесь давно воспринимались как часть штукатурки. Тётя Шура увидела Родину-Мать и вскочила.

— Валентина Сергеевна! Я сейчас разогрею.

— Не надо.

— Как не надо? Вы же после тренировки.

— Чай можно?

Повариха поставила перед ней гранёный стакан в подстаканнике.

— С сахаром?

Валентина задумалась. На официальных приёмах ей всегда подавали чай без сахара. Иволгин однажды объяснил, что образ сильной женщины плохо сочетается с тремя ложками.

— С тремя.

Тётя Шура моргнула.

— Тремя?

— Да.

Валентина сама насыпала сахар, это было смешно. Человек, способный поднять бронемашину, ощущал почти детское неповиновение от того, что портил утверждённый образ лишними ложками. Григорий вошёл через пять минут, он увидел её, остановился.

— Не спится?

— Нет.

— Мне тоже.

Он сел напротив и взял хлеб. Тётя Шура принесла ему целую кастрюлю каши, даже не спрашивая. Несколько минут они ели молча.

— Лиду опять не разрешили увидеть, — сказал Григорий.

— Знаю.

— Ты можешь попросить Стрелецкую.

Раньше Валентина ответила бы: «Если режим усилен, значит есть основания». Теперь спросила:

— А почему я должна просить Стрелецкую, чтобы ты увидел сестру?

Гранит перестал жевать.

— Потому что она куратор.

— Я командир.

— На поле.

Слова прозвучали без насмешки, и именно поэтому ударили сильнее. Валентина посмотрела на свои руки.

— В оружейной мне не выдали молот.

Григорий усмехнулся.

— Добро пожаловать.

— Что?

— Мне ботинки иногда без подписи не меняют. Боятся, что подошва специальная.

— Это нелепо.

— Да.

— Почему ты никогда не говорил?

Григорий пожал плечами.

— А кому? Родине-Матери?

Она подняла глаза. Григорий понял, что сказал, но остался на месте.

— Валя, ты хорошая. Правда. Но иногда с тобой сидишь и всё равно будто перед плакатом.

Никто из Легиона не называл её Валею много лет. На секунду она почувствовала раздражение, потом — страх от собственного раздражения.

— И что делает плакат?

— Повторяет, что надо потерпеть ради страны.

— Может быть, иногда надо.

— Может быть.

Он зачерпнул кашу.

— Только странно, что терпим всегда мы, а решают всегда они.

Валентина долго смотрела на сахар, не растворившийся на дне стакана. Три ложки оказалось слишком много, чай был приторным. Она всё равно допила. Когда Гранит ушёл, тётя Шура подошла убрать посуду.

— Ещё чаю?

— Нет, спасибо.

Повариха взяла стакан и вдруг тихо спросила:

— Валентина Сергеевна, а правда на параде будет Красный Богатырь?

— Не знаю.

— По радио говорят, террорист.

— По радио много говорят.

Тётя Шура замерла. Родина-Мать никогда раньше не произносила таких фраз. Валентина тоже это поняла.

— Забудьте.

— Конечно.

Повариха ушла к мойке, но забыть уже было невозможно. В ту ночь один вооружённый герой понял, что его оружие ему не принадлежит. Другой — что сестра является пропуском к его повиновению. А женщина, изображённая на миллионах плакатов, впервые выпила слишком сладкий чай просто потому, что сама выбрала количество сахара. Для государства это не значило ничего, для Валентины — оказалось неожиданно много.

На следующее утро оружейник обнаружил на столе пустой бланк выдачи серпа и молота. В графе «получатель» уже машинкой напечатали: «Объект РМ-1». Он перечитал дважды. Раньше там всегда стояло «Руднева В. С.». Мелочь. Новый стандарт учёта. Наверняка кто-то в управлении решил унифицировать документы. Старшина взял ручку и зачеркнул «Объект РМ-1» одной линией. Сверху написал: «Руднева Валентина Сергеевна». Потом испугался собственного поступка. Посмотрел на дверь. Никого. Он мог взять новый бланк. Не взял.

Поставил исправление под подпись и убрал ведомость в папку. В стране, где людей десятилетиями превращали в номера, иногда сопротивление выглядело как аккуратно вписанные имя и отчество. В комнате Валентина сняла с полки юбилейную открытку. На ней художник сделал её выше, моложе и спокойнее. С обратной стороны было напечатано: «Родина-Мать принадлежит народу». Она перечитала фразу, раньше казалась красивой. Теперь — юридической.

Валентина разорвала открытку пополам, но почти сразу склеила две части полоской медицинского пластыря. Причина была другой: она поняла, что уничтожить изображение легче, чем решить, кому принадлежит человек под ним.

Ночью Валентина оставила дверь своей комнаты незапертой. Ничего героического: просто не повернула ключ. Раньше это делали за неё снаружи сотрудники режима. Теперь замок был внутренний, и она впервые заметила разницу. Лежала без сна и слушала шаги в коридоре. Дверь оставалась закрытой. Свобода в эту ночь выглядела как дверь, которую можно было закрыть — и сознательно не закрыть.

В больнице №7 ночь начиналась с выписки тех, кого нельзя было выписывать. Старик с сердечной недостаточностью сидел на кровати в пальто и пытался завязать шнурок. Пальцы дрожали, медсестра Валя стояла рядом, скрестив руки.

— Вы куда его отправляете?

Заведующий отделением не поднимал глаз от бумаги.

— Домой.

— Он вчера ночью задыхался.

— Стабилизирован.

— Кем?

— Медикаментозно.

— На сколько?

— Валентина, не устраивайте сцен.

— Я не устраиваю. Я спрашиваю, кто будет ловить его дома, когда сердце снова решит уволиться.

Старик поднял голову.

— Девушка, не ругайтесь. Я как-нибудь.

Валя посмотрела на него.

— Вот именно. «Как-нибудь» у нас теперь официальный метод лечения.

Лида вошла в палату с журналом назначений.

— Что случилось?

— Государство срочно выздоровело этого человека.

Заведующий вздохнул.

— Получен приказ освободить резерв коечного фонда к массовому мероприятию.

— До седьмого? — спросила Лида.

— До шестого вечера.

— Парад только седьмого.

— Именно поэтому готовятся заранее.

Валя посмотрела на старика.

— А он, значит, мешает подготовке страны к празднику.

— Если вы продолжите, мешать будете вы.

Старика всё-таки увезли родственники, которых нашли Валя и Лида. В карте написали: «выписан в удовлетворительном состоянии». Он ушёл, держась рукой за грудь. Через два дня его привезут в другую больницу с инфарктом. Система №7 об этом не узнает, потому что койка уже будет свободна.

Лида впервые увидела новые холодильные камеры в подвале. Их установили за сутки. Металлические двери, новые компрессоры, замки с ведомственными пломбами. Рядом стояли штабелями пластиковые контейнеры с маркировкой «Биологический материал».

— Нам лабораторию расширяют? — спросила она у техника.

Тот пожал плечами.

— Мне сказали подключить.

— Сколько камер?

— Восемь.

— Зачем столько?

— Я электрик.

Это был хороший ответ. В больнице каждый всё чаще становился своей должностью, чтобы не знать лишнего. В секционной пахло формалином и горячей костью. После вчерашнего освобождения морга тела действительно «перерабатывали» быстрее. На одном

столе лежал молодой мужчина с раскрытой грудной клеткой. На бирке вместо фамилии — «ПР-1127». Патологоанатом доставал лёгкое.

— Состояние?

— Чистое.

— В контейнер два.

— Сердце?

— Исследовательский резерв.

Лида остановилась у двери, Семёнов появился рядом.

— Вы опять заблудились?

— Я за журналом.

— Журнал наверху.

— Уже поняла.

Он смотрел на неё слишком мягко.

— Лидия Павловна, вы умная девушка.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

Она молчала.

— Умные люди иногда делают глупость, потому что считают себя обязанными понимать всё вокруг. В медицине полезно знать границы компетенции.

— А где моя?

— Там, где заканчивается ваше назначение.

Семёнов улыбнулся.

— Идите работать.

Лида ушла. В кармане халата лежала бумажка с номером приказа Дроздова. Она сжала её пальцами.

Изменения были везде. Два отделения закрыли. В палатах, где вчера лежали пациенты, сегодня стояли пустые кровати и ящики с одноразовыми системами. В коридорах появились люди в новых белых халатах, которые носили под ними военные ботинки. На складе лежали мешки для тел. В процедурной — дополнительный морфин и седативные препараты. На дверях морга повесили таблицу. Лида сначала прошла мимо. Потом вернулась. Таблица была не медицинской. Колонки: «Категория А — органы пригодны полностью». «Категория Б — частичное использование».

«Категория В — костная ткань / кожа / иное». «Категория Г — утилизация». Внизу дата: 07.11.85. И строка: «Расчётный максимум — 3000 единиц». Лида читала несколько секунд. Три тысячи. Не пациентов. Единиц. На соседнем листе была схема транспортировки. Часть — в крематории. Часть — в «исследовательские учреждения». Один адрес Лида знала по слухам Чёрного рынка.

— Интересно?

Голос Семёнова был за спиной, Лида медленно повернулась. Он закрыл дверь.

— Я просто...

— Вы просто делаете то, что я просил не делать.

— Это три тысячи человек?

— Это расчётная вместимость.

— По пригодности органов?

Семёнов вздохнул.

— Вы медсестра. Не следователь.

— Зачем больнице заранее знать, у скольких трупов будут пригодны органы?

— Мы не знаем. Мы готовы к любому сценарию.

— К сценарию с тремя тысячами трупов.

— Массовые мероприятия требуют резервов.

— Какие массовые мероприятия заканчиваются сортировкой костей?

Семёнов посмотрел на неё долго, потом открыл шкаф и достал папку. На обложке фамилия: НИКИТИН ГРИГОРИЙ. Лида замолчала.

— Красивое досье, — сказал Семёнов. — Герой страны. Ценный актив.

— Причём здесь мой брат?

— Ни при чём. Пока семья ведёт себя правильно.

Лида почувствовала холод, хотя в морге было тепло.

— Вы мне угрожаете?

— Я объясняю взаимосвязи.

Он положил папку на стол.

— Положение вашего брата даёт вам очень многое. Квартиру. Работу. Защиту. Но связи работают в обе стороны.

— Гриша ничего не знает.

— Тем лучше.

— Если с ним что-то...

Семёнов улыбнулся почти отечески.

— Вот видите. Вы сразу начали думать правильно.

Он забрал таблицу.

— Возвращайтесь в отделение.

Лида вышла, в туалете её вырвало. Валя нашла её через десять минут.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты дрожишь.

— Семёнов знает про Гришу.

— Все знают.

— Нет. Он показал досье.

Валя перестала улыбаться.

— Пошли на склад.

— Зачем?

— Потому что если нас уже пугают, значит, есть что прятать.

— Нас поймают.

— Тогда хотя бы не скучно.

Лида посмотрела на неё.

— Ты ненормальная.

— Я просто не хочу оставлять тебя одну.

На склад они вошли в два сорок ночи. Дежурный сидел у двери и читал газету. Валя заранее принесла ему чай.

— Петрович, в лаборатории опять лампа моргает.

— Я не электрик.

— А электрик спит.

— Я тоже хочу.

— Пять минут.

— Вы меня когда-нибудь в могилу сведёте.

— Здесь свободных мест скоро много будет.

Шутка прошла мимо него, и мужчина поднялся вверх. Лида открыла дверь склада и увидела ящики, мешки, формалин, бирки и накладную на три тысячи единиц, ниже шло распределение по транспорту: крематорий №2 — восемьсот, крематорий №4 — шестьсот, исследовательский объект — четыреста, резерв — тысяча двести.

— Боже, — прошептала Валя.

— Не начинай.

— Я не молюсь. Я ругаюсь.

В углу стоял старый фотокопировальный аппарат.

— Работает?

— Иногда.

Они включили, машина загудела слишком громко. Лида вздрогнула.

— Тише нельзя?

— Скажи ему.

Первая копия вышла чёрной, вторая — полосатой. Третья была читаемой, счётчик бумаги щёлкнул.

— Они увидят расход, — сказала Лида.

— Скажем, зажевало.

— Семёнов не дурак.

— Поэтому мы и торопимся.

Шаги. Валя выключила аппарат, Лида спрятала копии под халат. Дверь открылась, дежурный вернулся.

— Лампа работает.

— Я же говорила, моргает, — сказала Валя.

Он посмотрел на аппарат.

— А вы что здесь?

— Бланки искали.

— Ночью?

— Днём пациенты мешают.

Петрович смотрел на них, Лида слышала собственный пульс. Валя улыбалась.

— Чаю ещё?

Дежурный вздохнул.

— Идите отсюда.

Они вышли, за углом Лида прижалась к стене.

— Я сейчас умру.

— Не здесь. Морг занят.

Обе тихо засмеялись, смех был почти истерическим. Но живым.

Курьерскую «Волгу» беглые прометеи взяли в четыре двадцать утра. Оксана выбрала поворот на узкой улице. Урал заранее припарковал грузовик так, чтобы одним движением сдвинуть его поперёк дороги. Ирина исчезла, Импульс ждала у телефонного шкафа. Артём сидел в подвале соседнего дома и короткими рывками проверял оба конца улицы. Павел слушал машину с крыши гаража, Мария стояла в переулке. Виктор — на запасном пути с двумя собаками. Михаил наблюдал.

— Двое внутри, — сказал Павел по короткой связи. — Водитель без оружия. Курьер — пистолет под мышкой.

Стриж добавил:

— Патруль в трёх кварталах. Семь человек. Идут медленно.

— Начинаем, — сказал Михаил.

Оксана коснулась стены, время вокруг поворота растянулось. «Волга» вошла в зону. Для водителя мир вдруг стал тяжёлым, руки не успевали повернуть руль. Сергей толкнул грузовик магнитным полем. Многотонная машина скользнула поперёк улицы, как шкаф по линолеуму. Водитель ударил по тормозам, Темп отпустила поле. Волга встала, Ирина уже была у задней двери. Лариса перерезала провод радиостанции через сервисный люк, который заранее открыла. Курьер потянулся к пистолету, Михаил открыл дверь.

— Не надо.

Курьер выстрелил, пуля ударила Красного Богатыря в грудь. Раньше он даже не почувствовал бы, теперь броня прогнулась, удар выбил воздух. Михаил отшатнулся. Мария мгновенно покрыла пистолет льдом вместе с кистью курьера. Мужчина закричал.

— Не ломай! — сказал Михаил.

— Уже поздно.

Лёд треснул. Курьер попытался дёрнуть руку, и кожа на пальцах осталась на металле тонкими красными полосами.

— Твою мать!

— Я предупреждала, — сказала Мороз, хотя не предупреждала.

Михаил вырвал пистолет, Фантом забрала портфель.

— Всё.

Артём по связи:

— Патруль ускорился.

Виктор свистнул собакам. Они побежали в другую сторону, подняв лай. Патруль свернул на звук. Беглые прометеи исчезли за две минуты. Водителя оставили связанным, живым, курьер — с обмороженной рукой и ненавистью.

— Зачем оставлять? — спросила Мария.

— Потому что он уже не нужен, — ответил Михаил.

— Именно поэтому проще убить.

— Нам проще. Ему нет.

Мария фыркнула.

— Ты утомительный.

— Мне говорили.

Он коснулся вмятины на броне, под ней болело ребро. Обычная пуля снова становилась аргументом.

Портфель открыли в убежище. Внутри были служебные записки, пропуска, списки транспорта и бухгалтерская смета. Лариса читала вслух.

— «Декоративное оформление...» «резерв пиротехнических средств...» «ремонт фасадов после мероприятия...»

— После мероприятия, — повторил Урал. — Они заранее знают, что фасады надо будет ремонтировать.

— Дальше лучше.

Импульс замолчала. Михаил взял лист. Строка: «Расчётные санитарные потери: 1800–2300 гражданских лиц». Ниже: «Политически приемлемое значение: до 3000». Ещё ниже: «Героические потери среди специальных активов — согласно приложению 9». И: «Памятная продукция, некрологи, посмертные материалы — резерв 42 000 руб.» Импульс начала смеяться. Тихо. Потом громче.

— Что? — спросил Рубеж.

Он ткнул в бумагу.

— Они уже посчитали памятники людям, которые ещё не знают, что умрут.

Смех оборвался сам, Мороз взяла лист.

— Передаём в эфир.

— Куда? — спросил Камертон.

— Куда угодно.

— Иволгин скажет подделка.

— У нас печати.

— Сделает эксперта, который скажет фальшивые печати.

— Тогда зачем мы вообще это добывали?

Михаил положил ладонь на смету.

— Чтобы понять масштаб.

— Мы и так понимали.

— Нет. Теперь знаем цифру. Знаем, что это запланировано. Знаем, что есть приложение по нашим смертям.

Сергей изучал строки восстановления.

— Так не сходится.

— Что?

— Две тысячи трупов от одной перестрелки не получишь. Даже с прометеями. Здесь заложено восстановление двух фасадов, ремонт коммуникаций и отдельная статья на подземные работы.

Артём поднял голову.

— Под площадью пустоты.

— Значит, будут вторичные взрывы или обрушение, — сказал Сергей.

Оксана развернула расписание парада.

— Максимальная плотность толпы здесь. После прохода бронетехники и до воздушной части.

Ирина:

— Постановочные люди могут быть внутри толпы заранее.

Рубеж нашёл строку.

— Громила. «Резерв подавления».

Мария читала фамилии ответственных.

— Запомню.

Камертон уже перебирал частоты. Лариса сказала:

— У такого спектакля должен быть склад. Форма, оружие, реквизит. Неподвижная девушка видела часть.

Михаил посмотрел на всех. Ещё неделю назад они спорили, кого убить первым. Теперь каждый видел свою часть задачи.

— Нам нужно не просто сорвать атаку, — сказал он. — Нам нужно доказать, кто её написал. До того, как они назначат виновных.

— И как? — спросила Мороз.

— Оригиналы. Голоса. Свидетели. Камертон. Всё одновременно.

Ирина медленно кивнула.

— Чёрный рынок.

Мария повернулась.

— Нет.

— Там есть пропуска, чиновники, документы.

— Там продают наши органы.

— Знаю.

— Коллекционер заслуживает смерти.

Михаил посмотрел на неё.

— Возможно.

— И ты хочешь с ним торговаться?

— Не обязаны любить человека, чтобы использовать его знания.

Урал сказал:

— Строить можно из грязного кирпича. Главное потом не жить в грязи.

— Очень глубокая строительная философия, — сказала Мария.

— За неё мне когда-то премию дали.

Фантом молчала. Она никогда не была женщиной «Зари», но в разведке слишком часто видела людей, превращённых в функции и пункты допуска. Возвращаться в место, где это делали открыто, хотелось меньше, чем лезть в очередной сейф.

— Сначала больница, — сказала она. — В «Заре» слышали номер семь.

Павел кивнул.

— Я попробую линию.

Он поймал больницу вечером — не весь разговор. Фрагменты через старый кабель связи. Женский голос:

— ...эти списки не медицинские...

Мужской — Семёнов:

— ...Лидия Павловна, вы опять путаете...

Женский:

— ...мой брат...

Шум. Потом фамилия:

— Никитина.

Михаил поднял голову.

— Что?

Павел повторил.

— Лидия Никитина.

Михаил вспомнил Гранита. Огромный добродушный парень, который когда-то таскал ящики с аппаратурой на тренировках и всегда говорил про младшую сестру. Ради неё он подписывал продления, ради неё терпел.

— Это Лида, — сказал Михаил.

— Уверен?

— Да.

Мороз посмотрела на него.

— И что?

— Если Санитары уже следят за больницей, её надо вытащить.

— Она сестра легионера.

— Я знаю.

— Легионера, который будет нас убивать.

— Возможно.

— И ты без колебаний?

Михаил посмотрел на неё.

— Именно поэтому без колебаний.

Гранит в этот момент снова стоял перед Стрелецкой.

— Пять часов. Я съезжу и вернусь.

— Нет.

— Почему?

— Режим.

— Какой режим? Мы сидим в казарме.

— Никитин.

— Лида сказала про больницу. Там странное.

Стрелецкая подняла глаза.

— Что именно?

— Морг освобождают. Койки. Формалин.

— Я проверю.

— Я сам.

— Нет.

Григорий сжал кулак.

— Вы специально?

Виктория поняла вопрос.

— Нет.

— Тогда дайте увидеть сестру.

— Сейчас нельзя.

— Вы всегда говорите «сейчас».

— Потому что сейчас всегда есть.

Григорий смотрел на неё.

— Если с ней что-то случится...

— Ничего не случится.

Он усмехнулся.

— Это обещание?

Виктория промолчала. После его ухода она открыла закрытую систему. Нашла больницу №7. Доступ ограничен. Она использовала служебный ключ выше собственного допуска. Первый раз без санкции Дроздова. На экране появилась часть приказа: «Объект М-7 обеспечить приём, сортировку и дальнейшее распределение биоматериала в соответствии с приложениями». Стрелецкая перечитала слово. Биоматериал. Она знала этот язык. Так называли тела в «Прометее», когда переставали хотеть помнить, что это люди. Виктория закрыла экран.

Потом открыла снова: скопировала номер приказа в личный блокнот.

Дроздов обсуждал смерть Михаила Добрынцева за чаем.

— Если он не появится на площади, всё равно должен присутствовать в официальной версии, — сказал Иволгин.

— Каким образом?

— Свидетели. Несколько человек заранее видели его среди подпольщиков. Один слышал, как он говорил о необходимости «ударить по сердцу режима». Второй подтвердит связь с иностранцами.

— Слабовато.

— Тогда моральный слой.

Дроздов посмотрел.

— Что?

— Политическому обвинению люди не всегда верят. А бытовому отвращению — охотнее. Пьянство, насилие, сексуальные преступления. Сделаем не идеологического врага, а человека, который сгнил.

— Доказательства?

Иволгин улыбнулся.

— Мы же обсуждаем телевизионный материал.

Дроздов кивнул.

— Хорошо.

— И ещё. Лучше не говорить, что он всегда был чудовищем. Люди помнят подвиги.

— Тогда как?

— «Любимый герой сломался под тяжестью славы». Публике психологически удобнее проститься с человеком, которого она раньше любила, если объяснить, что он изменился, а не что она десять лет была дурой.

— Делайте.

На столе рядом лежал список «героических потерь». Иволгин не спрашивал фамилии. Его интересовало, сколько некрологов нужно подготовить заранее.

В «Зэк-48» Родионов приехал ночью. Закрытый объект находился под старой исправительной колонией. Запах хлорки не перебивал канализацию, в зале стояли восемь человек. Разряд — худой, с серыми глазами, Кислота — улыбался слишком часто. Камнепад — огромный, спокойный. Жара — сухой мужчина с коротко остриженными волосами, вокруг которого воздух дрожал. Мутант — почти неотличимый от человека, пока не начинал двигаться слишком неправильно. Гробовщик — молчаливый, Марево — улыбался людям, которых не было. Удав — стоял у стены, сложив руки.

— Скоро будет большая работа в Москве, — сказал Родионов.

Кислота сразу оживился.

— Людей много?

— Достаточно.

— Можно без ограничителей?

Жара спросил первым.

— По ситуации.

— Что получим? — сказал Разряд.

Родионов улыбнулся.

— Сокращение сроков. Лучшие — свободу.

Камнепад поднял руку.

— Письменно.

Генерал рассмеялся, Матвей не смеялся.

— Я серьёзно.

— Ты уголовник. Какое тебе письменное?

— Тогда какая свобода?

— Та, которую я дам.

Камнепад смотрел, Родионов перестал улыбаться.

— Будет приказ — выполните.

После совещания Матвей собрал Разряда и Грбовщика.

— Верите?

Разряд потёр запястье с металлическим браслетом.

— Я верю только в выключенный ток.

Грбовщик сказал:

— Я слишком много могил копал людям, которым обещали амнистию.

Камнепад кивнул.

— Тогда выполняем пока. И смотрим охрану.

— Бежать?

— Если понадобится.

— А остальные?

Матвей посмотрел на дверь, за которой Кислота смеялся, обсуждая будущую бойню.

— Не все хотят свободы. Некоторым нужна только открытая клетка.

На Чёрном рынке Мадам сидела напротив Коллекционера.

— Мне нужен лист.

— Какой?

— Не играй.

— Я никогда.

— Бумага из «Зари».

Коллекционер улыбнулся.

— Бумага не принадлежит тому, кто её украл.

— Она украдена у моих клиентов.

— Тем более не принадлежит вам.

— Если из-за этого придут к клубу, пострадаем оба.

— Вы больше.

Мадам посмотрела холодно.

— Я поставляю тебе половину информации.

— И часть товара.

— Не называй так при мне.

Коллекционер удивился.

— Вы же сами называете.

— У себя.

Он рассмеялся.

— Вот это мне нравится. У каждого своя моральная территория.

Алхимик вошёл с ящиком ампул.

— КГБ подтвердил дополнительный заказ.

Коллекционер спросил:

— Сколько?

— Много.

Мадам поняла.

— «Триумф» реальный.

Коллекционер промолчал, это и было ответом.

— Верни лист, если всплывёт.

— Если предложите рыночную цену.

— Я тебя когда-нибудь убью.

— В очередь.

Мадам ушла, Коллекционер запер записку в сейф. Цена росла.

Женщин «Зари» разделили. Мадам обошлась без крика, побоев и угроз — просто поменяла графики. Ирину перевели в другую комнату. Девушке с чужими голосами запретили оставаться одной. Неподвижной девушке назначили постоянного сопровождающего. Девушку, менявшую запах кожи, и девушку, управлявшую холодом, развели по сменам. Летающую девушку переместили на другой этаж. Девушке с искрами отключили доступ к служебным коридорам. Светящаяся девушка поняла первой.

— Она знает.

— Не знает что, — сказала Ирина. — Поэтому разделяет.

Девушка с чужими голосами сидела в пустой комнате и повторяла голос Дроздова.

— «Базовый расчёт — до двух тысяч восьмисот...»

Снова. И снова, чтобы интонация не стёрлась. Неподвижная девушка держала бирку под матрасом. Девушка, умевшая оставлять и убирать следы на коже, запомнила фамилию транспортного чиновника через следы на собственной коже: тонкие линии, каждая соответствовала цифре. Бумаге она не доверяла. Девушка с искрами предложила:

— Если нас снова соберут, могу сигналить светом.

— Чем? — спросила светящаяся девушка.

— Коротко-длинно. Придумаем.

Девушка, менявшая запах кожи, сказала:

— Больница номер семь точно важна.

Девушка, управлявшая холодом, кивнула, светящаяся девушка долго молчала. Потом спросила:

— А если попробовать уйти?

Ответом стала тишина: свобода звучала слишком фантастично даже для людей со сверхспособностями.

Девушку с чужими голосами всё же увезли вечером. Санитар пришёл без списка.

— Частный запрос.

Мадам встала у двери.

— Не согласовано.

— Приказ управления.

— Покажите.

Он показал бумагу, Раиса Петровна прочитала.

— Возврат до полуночи.

— Как получится.

— До полуночи.

— Вы забываетесь.

Мадам посмотрела на него. Впервые светящаяся девушка увидела, что хозяйка «Зари» тоже может оказаться обслуживающим персоналом для более высокого уровня. Девушку с чужими голосами увезли. Вернули в два ночи. Девушка с чужими голосами была бледной, но говорила ровно.

— Я слышала район охоты.

Ирина приблизилась.

— Какой?

— Они собираются брать беглых прометеев. Восток центра. Старые коммуникации.

— Запомнила?

Девушка с чужими голосами заговорила голосом офицера:

— «Перекрыть технические выходы от Яузы до Садового. Основная группа — после подтверждения Камертона».

Ирина выругалась.

— Надо передать.

— Как?

— Старый курьер рынка.

Мадам стояла в коридоре и слышала часть. Сделала вид, что нет. Её собственная власть уже трещала под давлением тех, кто был выше. Станным образом это делало её чуть менее уверенной в праве держать тех, кто ниже. Совсем чуть-чуть, недостаточно, чтобы открыть двери.

Лида спрятала копии документов под подкладкой сумки. Валя предложила вынести их через морг другого района.

— У меня там знакомый.

— Надёжный?

— Нет. Но трусливый. Иногда полезнее.

Они договорились утром. Семёнов в это время смотрел на счётчик копировального аппарата. На три листа больше, он вызвал начальника Санитаров.

— Без шума, — сказал главврач. — Персонал проверить тихо.

— Кого конкретно?

Семёнов посмотрел список смены, пальцем провёл по фамилиям.

— Начните с Никитиной.

Вечером Лида вышла из больницы. На другой стороне улицы завёлся серый автомобиль. Она пошла к остановке, машина медленно тронулась следом. Лида не была разведчицей. Но росла рядом с братом, который постоянно оглядывался на людей в штатском. Через два квартала она поняла, за ней едут. В этот же момент Камертон услышал по рации:

— Объект Никитина движется к остановке. Импульс не осуществлять до команды.

Он повернулся к Михаилу.

— Нашли её.

Михаил поднялся. Мария спросила:

— Куда?

— За сестрой Гранита.

— Сейчас?

— Сейчас.

На столе лежала смета, где государство заранее определило политически приемлемое количество мёртвых. Михаил оставил её и пошёл спасать одного живого человека. Это было неэффективно, поэтому, возможно, и правильно.

Пока Михаил и Камертон уходили за Лидой, остальные остались над сметой. Она лежала посреди стола под голой лампочкой и выглядела до смешного безобидно. Белая бумага, чёрная машинопись, несколько синих карандашных пометок. Ни засохшей крови, ни отпечатка ладони, ни фотографии братской могилы. Если бы лист случайно выпал в трамвае, его, скорее всего, подняли бы, пробежали глазами и отдали кондуктору как казённую бумажку. Урал подвинул к себе план площади.

— Две тысячи человек одними стрелками не набьёшь, — сказал он.

Мария посмотрела на него.

— Можно.

— Можно. Но тогда это будет не спектакль, а очередь из пулемёта в толпу. А им нужен спектакль.

Он положил толстый палец на схему.

— Смотри. Здесь трибуна. Здесь люди. Здесь техника. Если подорвать только машину — сотни, не тысячи. Чтобы получить их цифру, надо давить толпу в узких местах. Или валить конструкции. Или рвать коммуникации снизу.

Артём сидел рядом и машинально перебрасывал между пальцами монету, каждый раз отнимая у неё импульс перед падением.

— Под площадью пустоты, — сказал он. — Старые коллекторы. Коммуникации. Не всё на официальных схемах. Если ударить правильно, поверхность просядет. Не вся. Кусок. Достаточно, чтобы люди начали бежать.

— Паника добьёт остальных, — тихо сказала Оксана.

Перед ней лежала программа парада с минутами: выход колонн, пролёт авиации, речь, демонстрация Легиона, прохождение техники. Она отметила карандашом три времени.

— Здесь толпа будет плотнее всего. Здесь перекрывают два выхода из-за прохода бронетехники. А здесь все смотрят вверх на Валентину. Если в этот момент что-то взорвётся сзади, половина людей даже не поймёт, куда бежать.

Ирина сказала из пустого на вид угла:

— Значит, внутри толпы будут их люди.

— Зачем? — спросила Импульс.

— Чтобы направить бегущих. Кричать нужное. Показывать, где террористы. Может быть, первыми стрелять. Государство любит, когда свидетели появляются вовремя.

Виктор молча провёл ногтем по строке, где упоминался резервный «актив ГР-47».

— Это медведь, — сказала она.

— Уверена? — спросил Урал.

— Да.

Она не объяснила, откуда уверенность. В её мире запах и голос значили больше шифров. Мороз взяла карандаш и переписала фамилии ответственных на отдельный лист.

— Что делаешь? — спросила Лариса.

— Чтобы помнить.

— Для суда?

Мария посмотрела на неё так, что вопрос исчез сам. Камертон перед уходом оставил включённый магнитофон и длинную петлю провода, протянутую к вентиляционной шахте. Из динамика время от времени выныривали обрывки милицейских и ведомственных переговоров. В основном рутина: машины, пропуска, смены, хлеб для караула. Потом прозвучало:

— ...двадцать восьмой пакет согласовать с похоронной службой до пятого...

Лариса резко подняла голову.

— Слышали?

Сергей кивнул.

— Похоронная служба.

— У операции есть склад, — сказала Импульс. — Не может не быть. Форма, оружие, взрывчатка, реквизит, документы. Они же не будут всё это носить из Лубянки в авоськах.

— Найдём склад, — сказал Артём.

— И что дальше?

Михаил, уже стоявший у выхода, задержался.

— Дальше перестанем доказывать, что готовится теракт, — сказал он. — Будем доказывать, кто его готовит.

Он посмотрел на цифру «3000».

— Потому что если мы просто помешаем им убить людей, на следующий день они скажут, что спасли этих людей от нас. И страна поблагодарит их.

Мария усмехнулась.

— Значит, ты всё ещё хочешь разговаривать со страной.

— Я хочу, чтобы у неё хотя бы был выбор, чему верить.

— Она уже выбрала.

Мария бросила перед ним газету. На первой полосе была фотография Красного Богатыря десятилетней давности, только теперь под ней стоял заголовок: «СЛАВА, КОТОРАЯ СЛОМАЛА ЧЕЛОВЕКА». Михаил не взял газету.

— Это не выбор, если тебе показывают только одну дверь.

— Люди не дети.

— Нет. Поэтому им можно показать вторую.

Павел, застёгивая пальто, вмешался:

— Люди верят не бумаге. Они верят версии, которую слышат чаще. Сейчас у Иволгина миллион динамиков, а у нас один магнитофон, который жрёт плёнку.

— Значит, нужен их динамик, — сказала Ирина.

В комнате на секунду стало тихо, Оксана посмотрела на часы.

— И желательно до того, как нас всех убьют.

Это прозвучало как шутка, однако встретили её каменными лицами.

Стрелецкая начала с самого простого вопроса, который профессионалы задают слишком редко, когда ответ считается очевидным. Откуда известно, что нападение вообще будет? На её запрос пришла ссылка на разведывательную сводку. Сводка ссылалась на приложение. Приложение имело гриф, которого её допуск формально не покрывал. Виктория подняла уровень запроса через внутренний канал и получила уже другую ссылку — на аналитическую записку о росте активности беглых носителей. В записке было много слов и ни одного источника.

«Наблюдаемая тенденция». «По имеющимся данным». «С высокой вероятностью». «Не исключается попытка». Она терпеть не могла такие документы. Ими можно было обосновать всё, от дополнительного патруля до расстрела района. Стрелецкая позвонила составителю.

— Кто дал первичную информацию?

Мужчина на другом конце замялся.

— Товарищ майор, это сводный материал.

— Из чего сводный?

— Из нескольких каналов.

— Назовите один.

— Доступ ограничен.

— Моим распоряжением?

Пауза.

— Вышестоящим.

— Фамилия?

Ещё одна пауза.

— Я уточню.

— Уже уточнили.

Она положила трубку. Через десять минут на её столе появилась новая бумага. Теперь нападение подтверждалось «агентурным источником в окружении Добрынцева». Код источника отсутствовал. Это уже было не просто плохо оформлено. Это было невозможно. Любой настоящий агент имел карточку, куратора, историю выплат, хотя бы один бюрократический след. Даже вымышленные люди в КГБ существовали на бумаге тщательнее, чем реальные граждане. Виктория открыла личный блокнот. На новой странице написала: «ТРИУМФ. ИСХОДНЫЙ ИСТОЧНИК?»

Ниже — номера трёх закрытых приложений. Она ещё не думала: Дроздов готовит убийство граждан. Она думала: кто-то подсовывает мне легенду, рассчитанную на дурака. Этого было достаточно, чтобы она начала копать.

Родине-Матери принесли речь в красной папке. Иволгин сам стоял у окна студии и наблюдал, как гримёр поправляет Валентине венок. На столе лежали серп и молот — не боевые, облегчённые телевизионные копии. Настоящее оружие хранилось под замком.

— Абзац третий, — сказал Иволгин. — Особенно уверенно.

Валентина прочла:

— «Советское государство никогда не жертвует своими гражданами и не позволит террористам...»

Она остановилась.

— Что?

— Ничего.

— Пауза нехорошая.

Валентина провела карандашом под словом «жертвует».

— Кто это написал?

— Люди, которые знают, что нужно услышать народу.

— Я спросила, кто.

— Какая разница?

Она посмотрела на него, Иволгин улыбнулся чуть мягче.

— Валентина Сергеевна, текст должен звучать не как мнение конкретного автора. Он должен звучать как то, что страна всегда знала.

— А если страна этого не знает?

— Тогда тем более надо сказать.

Она не вычеркнула слово. Но страницу после записи сложила вчетверо и убрала во внутренний карман формы. Позже ей дали второй текст — обращение о Красном Богатыре. Камера загорелась красной лампой. Валентина сидела прямо, как на памятнике, который ещё не успели отлить.

— «Предательство одного не затмит подвиг миллионов...»

Голос был безупречен.

— «...человек, добровольно ставший врагом народа...»

На слове «добровольно» возникла пауза. Совсем короткая, режиссёр поднял руку.

— Давайте ещё раз.

— Не надо, — сказал Иволгин. — Оставить.

— Там сбой.

— Там чувство.

После эфира Валентина нашла Стрелецкую в коридоре.

— Михаил действительно убил тех людей?

Виктория не спросила, каких. Досье было составлено так, чтобы вопрос возник именно этот.

— Доказательства достаточны.

— Я спросила не это.

— Я знаю.

Валентина смотрела на неё ещё секунду, раньше такая формулировка успокоила бы. Теперь нет.

Авроре письмо принесли перед тренировкой, на конверте был знакомый почерк матери. Зоя положила его на край скамьи и начала затягивать перчатки. Пламя заметил сразу.

— Мамочка опять пишет?

Зоя молчала.

— Может, новую биографию готовит. «Моя дочь — пламя Родины». Тираж хороший будет.

Воздух вокруг ладони Зои побелел, краска на металлической скамье вспузырилась. Иван улыбнулся.

— Вот. Уже лучше. Живая реакция.

Плазма вспыхнула в ладони от лица Ивана, но тот остался на месте. Аркадий почувствовал импульс раньше всех: внутри общей тренировочной сети гнев Зои был ослепительно чистым — вместо жара и боли пришло короткое желание выжечь Волкову глаза и проверить, сможет ли он смеяться без них. По правилам Аркадий обязан был передать всплеск Стрелецкой, однако оставил его при себе, просто закрыв участок сети, как закрывают дверь в комнату. Зоя погасила плазму.

— Ещё слово, — сказала она, — и будешь проверять, регенерируют ли зубы.

— У меня нет регенерации.

— Тем интереснее.

Ласточка стояла у дальней стены. Она почувствовала не мысли, а отсутствие реакции Стрелецкой. Обычно Виктория знала о таких вспышках через секунды. Нина посмотрела на Коллектива. Он едва заметно качнул головой. Маленький заговор теперь состоял уже из трёх человек. Письмо Аврора так и не открыла. Но забрала с собой. Пламя после тренировки пошёл не в столовую. Сначала он написал служебную записку о «нестабильности бойца АВ-2» и «повышенном интересе бойца ГР-3 к закрытому медицинскому объекту». Стрелецкая прочла и сказала:

— Спасибо.

Больше ничего. Иван ждал наказаний, допросов, хотя бы вызова Гранита. Ничего не последовало. К вечеру он позвонил по номеру, который ему оставили люди Дроздова. Генерал принял его в маленьком кабинете без окон.

— Вы считаете майора слишком мягкой? — спросил Дроздов.

Иван усмехнулся.

— Я считаю, что у оружия должен быть хозяин.

— И кто?

— Тот, кто не боится им пользоваться.

Дроздов налил себе чай.

— После реформы Легиона потребуются люди с правильным пониманием дисциплины.

— Командиры?

— Возможно.

Одно слово оказалось достаточно. Иван вышел из кабинета уже не просто любимым пала-
чом системы. Он впервые увидел для себя кресло. И начал мысленно примерять форму чело-
века, который будет отдавать приказы Родине-Матери.

Закрытая фокус-группа Иволгина проходила в комнате, похожей на школьный кабинет. За столами сидели двенадцать человек: слесарь, учительница, ветеран, товаровед, инженер, две работницы типографии, партийный активист, врач, водитель и супружеская пара с завода. Им сказали, что проверяют юбилейные материалы, сначала показали грубую версию. «Красный Богатырь — предатель, убийца и агент западных спецслужб». Ветеран нахмурился.

— Не верю.

— Почему?

— Я его в восемьдесят первом видел. После пожара. Он девчонку вынес. Руки себе обжёг.

Учительница кивнула.

— Дети его любят.

Иволгин наблюдал из-за зеркального стекла.

— Слишком резко, — сказал он помощнику. — Они защищают собственную память.

Следующая версия была мягче, диктор говорил с сожалением. Михаил когда-то был настоящим героем. Но слава, сверхчеловеческая сила и психологическая нагрузка разрушили его. Он стал подозрительным, потом агрессивным. Потом попал под влияние преступников: трагедия хорошего человека. После показа ветеран вздохнул.

— Жалко.

Учительница сказала:

— Такое бывает. Нервная система не железная.

Иволгин улыбнулся.

— Вот.

Стрелецкая стояла рядом. Её пригласили ради «оперативной оценки». На столе перед Иволгиным лежала ещё одна сводка — агентурные наблюдения за Добрынцевым. Пульс, сила, реакции после выхода отдельных публикаций. Для учёных это было почти подарком: целая страна невольно участвовала в физиологическом эксперименте.

— После вчерашнего сюжета показатели снизились ещё на шесть процентов, — сказал помощник.

Иволгин постучал пальцем по стеклу.

— Не надо заставлять человека ненавидеть бывшего героя. Достаточно заставить его пожалеть.

Виктория посмотрела на людей за стеклом. Они пили чай, ели печенье и своими вполне искренними чувствами медленно убивали человека, которого никогда не встретят.

— Вы понимаете, что это оружие? — спросила она.

— Всё, что меняет поведение человека, оружие.

— Миллионы людей.

— Именно поэтому эффективно.

Стрелецкая промолчала. В тот вечер в отчёте Красного Богатыря появилась запись: при переносе тяжёлого груза выраженная слабость, необходимость использовать рычаг. В подземном убежище это выглядело проще. Сергей попросил:

— Миш, генератор подхватишь?

Михаил взялся за раму. Поднял. На несколько сантиметров, руки задрожали. Он поставил генератор обратно, несколько молодых беглецов смотрели молча. Раньше Красный Богатырь поднимал бы его одной рукой и спросил, куда поставить.

— Не могу, — сказал Михаил.

Он мог придумать десяток объяснений — бережёт силы, старая травма, неудобный хват, — однако обошёлся без них. Урал взял лом и подsunул под раму.

— Тогда рычагом.

Они поднимали вдвоём. Позже один из молодых спросил Стрижа:

— И зачем нам лидер, если Мороз сильнее его? Урал сильнее. Может, и я скоро сильнее.

Артём улыбнулся.

— Чтобы сильные не решили, что раз они сильные, значит всегда правы.

Фраза разошлась по убежищу быстрее официальной листовки. Михаил узнал о ней только вечером. И почему-то впервые за день смог согнуть в ладони стальную ложку. Не намного, но смог.

Виктор пришёл позже с собакой на руках. Дворняга была серая, грязная, тяжёлая от мокрой шерсти. Задняя лапа висела под неправильным углом, из рваной раны торчала белая щепка кости.

— Машина, — сказал Виктор. — Облава.

Мария посмотрела на Михаила.

— У нас люди ранены.

— Знаю.

Он всё равно сел на пол рядом с собакой. Без силы, без плаката, без врача, промыл рану кипячёной водой. Собака завyla и попыталась укусить. Михаил не отдернул руку, только придержал морду полотенцем.

— Тише, — сказал он. — Я знаю. Больно.

Виктор наблюдал.

— Она тебя боится.

— Правильно делает.

— Почему?

— Потому что я человек.

Виктор впервые за долгое время усмехнулся. Они наложили шину из двух деревянных планок. В мире, где они пытались остановить смерть трёх тысяч человек, двадцать минут ушли на одну бездомную собаку. Эта арифметика была неправильной. Но именно из таких неправильных арифметик у людей иногда складывалось то, что государство называло моральной неустойчивостью.

После совещания Родионова Камнепад дождался, пока коридор опустеет. Разряд пришёл первым, Гробовщик — через пять минут. Они встретились в прачечной, где гудели промышленные машины и разговор сложнее было слушать через стену.

— Верите? — спросил Матвей.

— Во что? — Разряд сел на перевёрнутое ведро.

— В свободу после задания.

Разряд посмотрел на лампу под потолком, она мигнула.

— Верю только в выключенный ток.

Гробовщик медленно вытер руки о штаны. Под ногтями у него оставалась земля: днём его заставили копать тренировочные захоронения.

— Я выкопал слишком много могил людям, которым обещали амнистию.

— Тогда пока играем, — сказал Камнепад. — Но смотрим охрану. Двери. Генераторы. Где ингибиторы. Кто носит ключи.

— А остальные?

— Кислоте скажешь — он растворит стену раньше времени. Жаре — сожжёт караул, чтобы не скучать. Марево вообще не знаю, на чьей стороне, кроме своей головы. Пока трое.

Гробовщик кивнул.

— Трое — уже не один.

В соседнем помещении кто-то закричал, крик быстро оборвался. Никто из троих даже не повернул головы. На «Зэк-48» это считалось хорошей дисциплиной.

На объекте «Асбест» ночной охранник по фамилии Журов увидел во сне дочь. Ей было девять. На самом деле она жила с матерью под Рязанью и за последние полгода прислала ему две открытки. Во сне девочка стояла босая в длинном бетонном коридоре и плакала.

— Пап, открой.

Журов шёл к ней.

— Где ты?

— Здесь.

— Не вижу.

— Дверь открой.

Он проснулся от красной лампы аварийной блокировки. Стоял перед камерой номер четыре. Ключ был вставлен в первый механический замок. Правая рука лежала на втором, за бетонной дверью спала Светлана. Шёпот. Журов отшатнулся так резко, что упал, дежурный техник прибежал на сигнал.

— Ты охуел?

Журов смотрел на ключ.

— Я спал.

— Возле камеры?

— Дочка звала.

На следующий день в рапорте написали: «Эпизод сомнамбулизма на фоне переутомления». Журов подал заявление о переводе, начальник объекта отказал. Причина: нехватка персонала. Вечером Светлана во сне улыбнулась: это ускользнуло от всех. Камера наблюдения смотрела на другую сторону её лица.

Лида тем временем шла к остановке и слышала за собой двигатель серой машины. Она не ускорялась. Быстро идущий человек сообщает наблюдателю, что понял. Григорий когда-то объяснил ей это между делом, когда они ещё были детьми и убегали от участкового после драки во дворе. «Если за тобой идут, не показывай, что заметила. Сначала придумай, куда ведёшь». Тогда совет касался двух старших мальчишек: теперь за рулём сидели Санитары. Лида свернула к магазину, в витрине увидела отражение машины. Два человека впереди, возможно, третий сзади.

Она была обычным человеком без сверхсилы и оружия. В сумке лежали документы, за которые человека можно было отправить туда, где даже справку о смерти заполняли задним числом. Она вошла в гастроном, очередь за колбасой тянулась через ползала. Лида встала в неё, санитарам пришлось войти следом. Один остановился у отдела консервов, другой у касс. Лида медленно достала из сумки кошелёк, под подкладкой шуршала бумага. Она смотрела на людей вокруг: женщина с ребёнком, старик, молодой солдат, продавщица с красными от холода руками.

Если схватят здесь, возможно, никто даже не вмешается. И это было нормально. Люди не обязаны бросаться на вооружённых мужчин ради незнакомой медсестры. Герои на плакатах приучили страну к мысли, что спасение — профессия специальных людей. Лида впервые подумала, что это очень удобная мысль для тех, кто хочет, чтобы остальные стояли в очереди.

В то же время Семёнов решил, что тихая проверка слишком долго остаётся тихой, и спустился в подвальный коридор, где Санитары держали временную комнату ожидания. «Архивной» её называли по ведомственной привычке: вместо папок там были кафельный слив, металлический стул с ремнями и лампа на гибком штативе, а всё, что можно было испачкать, легко

мылось. На стуле сидел санитар из ночной смены, двадцатилетний парень, которого подозревали лишь потому, что однажды он одолжил Лиде рубль до получки.

— Я ничего не брал, — повторял он.

Начальник Санитаров положил его ладонь на стол.

— Мы и не говорим, что брал.

Первый палец сломался с сухим щелчком, парень закричал. Семёнов поморщился не от жалости, а от громкости.

— Тише можно?

— Можно, — сказал санитар.

Он засунул парню в рот свёрнутое полотенце и медленно сломал второй палец. Сначала сустав выгнулся в сторону, потом раздался сухой щелчок, обломок фаланги прорвал кожу, и кровь брызнула на белый металл стола. Парень заорал в полотенце так, что ткань потемнела от слюны и крови из прокушенной губы. Палач подождал, пока дрожь уляжется, и взялся за следующий палец.

— Видите, — сказал Семёнов, — потому я и просил без шума.

Через двадцать минут выяснилось, что парень действительно ничего не знал. Его оставили сидеть на полу с распухшей рукой.

— В травматологию? — спросил молодой сотрудник.

Семёнов посмотрел на него с удивлением.

— Здесь травматология.

Потом главврач поднялся наверх и подписал распоряжение о «временном отстранении сотрудника по состоянию здоровья». Больница снова выглядела обычной.

Коллекционер тем вечером перечитал сведения из «Зари» трижды. Перед ним сидел Алхимик и нюхал пробирку с ингибитором так, будто оценивал коньяк.

— Заказы выросли в четыре раза, — сказал Орлов. — И концентрация другая. Для массового применения.

— Сколько людей можно выключить таким объёмом?

— Смотря каких.

— Допустим, сильных.

Алхимик улыбнулся.

— Ты никогда не спрашиваешь просто так.

— А ты никогда не отвечаешь бесплатно.

— Тогда мы идеально совместимы.

Коллекционер положил на стол пачку денег, Алхимик пересчитал.

— Несколько сотен прометеев. Или один очень неприятный день для десятка особенно мощных.

— До седьмого?

— Именно.

Коллекционер задумался, рынок жил на катастрофах. Когда люди боялись, они покупали оружие, лекарства, документы, информацию, чужую кровь и надежду. Большая бойня означала огромную прибыль. Но три тысячи мёртвых означали ещё кое-что: после такого государство закроет краны, начнёт чистку и полезет в подвалы, где деньги хранились рядом с человеческими органами. Впервые за долгое время Коллекционер обнаружил угрозу, которую было выгоднее предотвратить, чем продать. Это почти напоминало совесть, он не стал делать поспешных выводов.

Совесть была слишком дорогим товаром, чтобы заводить её без расчёта.

На площади тем временем рабочие продолжали ставить праздничные трибуны. Бригадир ругался из-за задержки досок, двое монтажников спорили, куда крепить красную ткань, а молодой сварщик обнаружил под настилом свежую металлическую коробку с ведомственной plombой.

— Это чьё?

Начальник участка даже не посмотрел.

— Не твоё.

— Мне тут варить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.